

62.014/45 (5/11)
19.5.13
Ю.Белов

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Алчевские

Ю. Белов

Алчевск – 2008 г.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
По публикациям городских газет

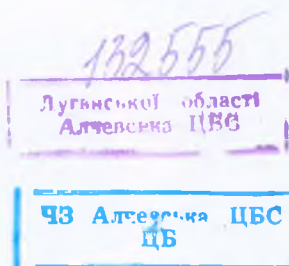
Ванечка
Памятник Кобзарю
Христя
Алчевский
Дело об убытках
Дом в мавританском стиле
Спеши в Харьков
Семь кругов ада
Алчевские в Крыму
Умная, дельная баба
Муза дальних странствий
В начале нового века
Книга тюремного замка
Далёкое прошлое
Полувековой юбилей
Крах банка
По пути домой

Алчевские

ББК 63.3 (4 Укр)
Б 43
ISBN 978-966-2167-01-6

Автор и составитель
Ю.Е. Белов

ISBN 978-966-2167-01-6

Белов Ю. Е.

Б 43 Алчевские: По публикациям городских газет. (Страницы истории) - Алчевск:
2008. — 160 с., ил.

ББК 63.3 (4 Укр)

В книге опубликованы статьи и очерки Ю. Белова о семье Алчевских и их потомках, живущих в Харькове, Москве, Ялте, а так же использованы публикации, помещённые на страницах «Коллажа» (приложения к городской газете «Огни»), созданные при участии творческой группы «Перспект», в которую входили кроме автора А.Гончаров, Ю.Черепнина, А.Голуб, В.Воропаев, О.Плугатаренко. Публикуется (в сокращении) очерк В.Д.Белова «Алчевский» (типография Л.Снегирёва, Москва, 1903 г.).

© Текст и оформление Ю.Е.Белов, 2007 © Издатель С.А.Бондаренко, 2008

Эта книга о семье Алчевских, а точнее - сборник моих очерков и статей, написанных в разное время, на протяжении 18 лет, с 1989 по 2007 год. Несомненно, её издание - значительное событие для меня и надеюсь для города, который носит имя известного промышленника и банкира, основателя завода ДЮМО и возникшего возле него посёлка, который положил начало будущему Алчевску.

Не буду кривить душой, если признаюсь, что я об этом, конечно, не мог и мечтать. Поэтому, прежде всего, хочу выразить благодарность Городскому голове Алчевска Владимиру Евгеньевичу Чубу, благодаря поддержке и инициативе которого эта книга стала реальностью. И пусть не сочтут эти слова чем-то обычным и обязательным. А тем более не заподозрят меня в качествах, которые мне далеко не присущи.

Стоит ли объяснять, что газетная публикация не долговечна. Выросло уже не одно поколение, которое не помнит и ничего не знает не только о моих очерках и статьях, но и той полемике, которая была развёрнута на страницах городской газеты о семье Алчевских и переименовании города.

Сегодня уже не нужно отстаивать доброе имя Алексея Кирилловича Алчевского - промышленника, банкира и «пионера во всех начинаниях».

Я не буду рассказывать о том, как появились мои первые публикации, о выпусках «Коллажа» (приложения к городской газете), думаю, что у меня будет такая возможность в следующей книге этой серии, которая посвящена нашему городу и будет называться «Алчевск». Она также состоит из моих очерков и статей, и уже готовится к печати.

При подготовке этого издания были определённые сложности, которые я пытался преодолеть. Ведь вошедшие в книгу публикации не представляют из себя стройный рассказ, поскольку не писались, как главы будущей книги, а как отдельные статьи. Часто они были разорваны во времени в 5, 10, а то и 15 лет. Невольно, чтобы ввести читателя в атмосферу описываемых событий, приходилось что-то повторять, прежде уже сказанное. Иначе текст порой просто терял бы смысл. Пытаясь сейчас убрать эти повторения, я видел, что не везде это оправдано и возможно. По крайней мере, я свёл их до минимума и может быть вы их даже не заметите.

Конечно, можно было бы просто пересказать известные мне факты, но это была бы уже другая книга и думаю, что хуже. Разве мог бы я заново пережить то, что так восторженно описываю. Нет, всё же нельзя «дважды войти в одну реку». Пусть всё останется как было и вам решать, что из этого получилось.

С уважением

к жителям моего города

Юрий Белов.

Начало века ознаменовалось острым экономическим кризисом. Уже первые дни и месяцы нового года принесли в Юрьевку слух о закрытии заводов и шахт. Днём и ночью, в стужу и холод у проходных толпились безработные, и количество их росло. Повсюду свёртывались производства, только завод ДЮМО продолжал работать полным ходом. Правда, его продукция не находила сбыта и скапливалась на заводском дворе, но рабочие не увольнялись. В условиях экономического кризиса всё это выглядело странно и непонятно, и было связано с именем Алексея Кирилловича Алчевского – известного промышленника и банкира, личности сложной и противоречивой. Харьковский земельный банк, на средства которого он рассчитывал, потерпел крах. Алчевский обращается за помощью в Петербург к министру финансов Витте, но получает отказ. Не видя выхода, бросается в мае 1901 года под дачный поезд на одном из столичных вокзалов.

Предполагают, что Алчевский не увольнял рабочих, находясь под влиянием своей жены Христины Даниловны (1841-1920) – известного педагога, организатора воскресных школ на Украине. Она родилась в уездном городе Борзне Черниговской губернии. Отец её – украинец преподавал в уездном училище. По характеристике Алчевской, это был красивый, умный, но сухой и чёрствый человек.

Мать – молдаванка происходила из помещичьей семьи, дочь генерала Вуича – героя войны двенадцатого года. Она была блестяще по тому времени образованной женщиной (окончила Смольный институт), очень талантливой (пела, даже при дворе) и богатой. Против воли своих родных она вышла замуж за скромного учителя, принесла ему в дар и свои душевные качества и состояние. Но семейная обстановка была гнетущей. Детей отец не любил, на глазах у них производил жестокие расправы с крепостными своей жены. Состояние её он быстро промотал и семья жила на его скудное жалованье. Дочери он запрещал учиться. «Зачем девчонке грамота? - язвительно говорил он. – Чтобы писать любовные записочки?». И как ни просила мать, ни умоляла, он был непреклонен. Девочка научилась писать и читать самостоятельно, подслушивая под дверью уроки, которые проводил семинарист с её братьями.

Ещё с детства начала она читать крестьянам книжки. «С самого раннего детства, - писала она в дневнике, - я чувствовала какой-то особый интерес к кухне, куда нам, детям, запрещалось заходить. Я очень любила всех материнских крепостных слуг, и они любили меня. И вот, когда отца и матери не было дома, или они были заняты гостями, я пробиралась потихоньку в подвальный этаж, в кухню, со своей любимой книжкой в руках, садилась на почетное место на лавку за большим столом, - и начинались чтения вслух. Наверное, в это чтение я вкладывала много чувств и выразительности, потому что аудитория моя слушала меня, затаив дыхание, и в кухне был слышен то звонкий смех, то сдержанные вздохи. Уже тогда между мною и народом пролегли какие-то – неуловимые связи, что сблизили нас навеки».

Когда Христине было девять лет, семья переезжает в Курск. Здесь прошли её детство и юность. Она продолжала учиться, делая уроки, которые задавали её братьям в гимназии. Но систематического образования так и не смогла получить, что в дальнейшем явилось причиной тяжёлых страданий и препятствий на её пути. Эта несправедливость заставила её поставить целью своей жизни – обучить как можно больше женщин грамоте. В 12 лет у неё обнаружился большой сценический талант (после первого посещения театра, который произвел на неё огромное впечатление). «Я не спала всю ночь, - писала Алчевская, - металась в жару, и бреду... и к утру у меня созрело самое твёрдое намерение устроить дома такой же точно театр и сочинить для него пьесы».

Алчевская Христина Даниловна

На выпрошенные у матери копейки она купила голубой занавес, наклеила на него бумажные серебряные звезды и привела своё намерение в исполнение. Среди её первых зрителей был большой любитель искусства старик Криницын, который воспитал и вывел на сцену известную в то время актрису, звезду первой величины Асенкову. Он пророчил Алчевской такую же судьбу, предлагая её родителям свою помощь. Но отец воспротивился, сказав, что артисткой она будет, только «переступив через его труп». В гостях у своих знакомых в имении Мамчич она ближе знакомилась с жизнью крестьян, с их безысходной нуждой. Тогда она впервые стала учить грамоте деревенских ребятишек. «Юная, увлекающаяся, я целиком отдалась своей пылкой любви к Родине, - вспоминала Алчевская, - за 2-3 месяца я так научилась читать Шевченко, что меня заслушивались... Имея прекрасный голос, я с увлечением отдала себя изучению украинской песни».

В 16 лет она тяжело переживает смерть горячо любимой матери. В это время много читает, участвует в революционных кружках, связанных с «Колоколом» Герцена. В 18 лет

она пишет письмо Герцену, скрываясь под псевдонимом «Украинка»: «Скажите нашим барышням, что всему этому виной они, что женщина, право, - существо слишком разумное, чтобы жить так пусто и бесполезно, как большая часть наших девушек живёт в ожидании женихов». И еще: «Говорите! Мы слушаем Вас, мы ждём от Вас слова, как в засуху ждут дождя, как корабли, стоящие на якоре ждут ветра. Пошлите же нам дождь, оживите наши поля, и сорвите наши корабли с якорей попутным ветром! Говорите! Вам внемлет вся Россия, за исключением разве, нескольких старцев, душою закоренелых в своих вековых предрассудках... но борьба с ними не страшна для нас, бороться можно только с равными себе врагами, а у этих господ нет убеждений, у них есть только упорство... Пишите, Вас слушают; каждое Ваше слово отзовется в сердцах миллионов... Вы для нас дороги, как наша совесть, как залог нашего будущего счастья».

Уже в этом письме видно, что Алчевская – человек сильного духа и горячего сердца, так как о ней скажет прогрессивная общественность через 50 лет.

В 1862 году Алчевская выходит замуж, освобождаясь от отцовского гнёта, и переезжает в Харьков. «Я вся пламенела желанием окунуться в общественную деятельность и сделать в жизни что-либо хорошее», - так пишет она в дневнике.

Она приходит в женскую воскресную школу с предложением вести бесплатно занятия, но уже через 2 месяца после начала занятий Алчевская стала свидетелем гонений на воскресные школы. Они были закрыты.

Но она не подчинилась обстоятельствам, решила продолжать начатое дело, организовав подпольную школу у себя на дому. У неё было 50 учениц, но никто из педагогов не последовал её примеру. Ей советовали бросить опасное дело. Пугали, что она будет оштрафована, а чайный магазин, в то время единственный источник существования их семьи, будет закрыт.

Алчевская вспоминает: «Настала пора репрессий. Сурово запрещены были в школе малороссийская книга и песня. Даже студенческая вышитая сорочка вызывала подозрения полиции, и человека тащили в участок». Через три года к ней присоединились ещё три учительницы. Так она работала восемь лет. Сколько хлопот, неприятностей, разочарований ей пришлось пережить, прежде чем в 1870 году она смогла открыть в Харькове бесплатную женскую воскресную школу.

Маленькая школа стала прогрессивным центром не только Украины, но и всей России. Трёхтомный труд «Что читать народу?», написанный под руководством Алчевской, стал настольной книгой русского учителя. Стасов тогда писал, что «нет на свете дела выше, сильнее и лучше того дела, которое делается даром без всякой надежды на плату и награду...» Алчевская мечтала учить украинский народ на его родном языке. Ещё в 1862 году она становится членом харьковского кружка «Громада», которым руководил её муж. Громадовцы вели культурную работу: организовали воскресные школы, издавали на украинском языке легальную и нелегальную литературу, собирали материалы по фольклору и этнографию. В 1876 году деятельность «Громады» была запрещена.

В момент, когда царизм глушил польское восстание в 1863 году, Алчевская посылает в «Колокол» воззвание к русским женщинам: «Сёстры!.. в настоящую минуту нет ничего тяжелее и грустнее чувства русского патриотизма. Любить и не иметь чем гордиться, а наоборот краснеть и плакать за любимый предмет – это невыносимо...»

Алчевская была знакома и переписывалась с И.Тургеневым, Л.Толстым, Г.Успенским, Л.Украинкой и другими прогрессивными писателями. Она пропагандировала не только русскую, но и украинскую литературу. «Кобзарь» Т.Г.Шевченко она называла «Новым заветом» и раздавала его своим ученикам. Первый памятник Т.Г.Шевченко на Украине был поставлен в саду Алчевских в Харькове.

В последнем письме к Алчевской (29 мая 1876 года) Достоевский писал:

«...Я составил уже о Вас твёрдое мнение – вы редкое, доброе и умное существо. Такие как Вы везде теперь нужны. А мы с женой именно Вас любим... как правдивое и искренне умное сердце».

Пять лет спустя, она глубоко переживала смерть Достоевского.

В 70-е годы Х.Д.Алчевская организывает в Харькове швейную мастерскую для девушек, погибающих в нищете и разврате. С присущей ей энергией проводит подписку для сбора средств, нанимает помещение, перетаскивает туда мебель из своей квартиры.

В 1881 году Христина Даниловна на свои средства открывает школу в селе Алексеевка вблизи будущего Алчевска. Даёт полторы тысячи рублей на постройку школы и полторы тысячи на её содержание в течение пяти лет. На неё заводится дело. Алчевскую вызывают на допрос в камеру к следователю.

Допрашивали также детей, которых она учила. Следствие длилось 5 месяцев, и было прекращено «за отсутствием состава преступления».

Помогала она также и Васильевской школе.

Х. Д. Алчевская с ученицами в воскресной школе

Алчевская была избрана вице-президентом Международной лиги просвещения. 20 мая 1912 г. в Харькове отмечалось пятидесятилетие её педагогической деятельности. К юбилею вышла её книга «Передуманное и пережитое». Ф.Достоевский, И.Тургенев и Л.Толстой считали, что она обладает литературным талантом, и звали её в литературу.

Раздумывая над этим, Алчевская записывает в своём дневнике: «И если он, в самом деле, таится во мне, то я горда, я счастлива, что безраздельно посвятила его народу!». В 1917 году ей исполнилось 76 лет, работать она уже не могла. Советская власть оценила её деятельность в области просвещения и назначила ей пенсию.

Детей своих Алчевская воспитывала в свободолюбивом духе. В разгар первой мировой войны в октябре 1914 г. она ищет, переписывает и посылает сыну – известному оперному певцу Ивану Алексеевичу (1876 –1917) революционный гимн – «Марсельезу».

Имея редкий по красоте и диапазону голос, он одинаково удачно исполнял героические, драматические и лирические партии. Солист Мариинского театра, участник известных сезонов в Париже, он всю жизнь пропагандировал в России и за рубежом русские и украинские песни.

Григорий Алексеевич (1886-1920) окончил математический факультет Харьковского института, затем московскую консерваторию, в которой позже преподавал. Занимался у С.И.Танеева. Ему принадлежит обработка русских песен и романсы.

Николай Алексеевич (1872-1942) – театральный критик и педагог, автор первого украинского советского букваря.

Дочь Христина Алексеевна (1882-1931) – украинская советская поэтесса, училась в Париже на женских курсах, преподавала в гимназии в Харькове. Автор поэтических сборников и переводов Вольтера, В.Гюго, Жюль Верна, Л.Толстого.*

В надписи на книге «Что читать народу?» Христина Даниловна завещает своей дочери: «Пусть эта книга, над которой я так много думала и трудилась, будет для тебя знаменем, переданным в твои руки. И если когда-нибудь ты предашь это знамя и увлечёшься неосуществимыми иллюзиями, знай, что ты доставишь этим острую боль матери, которая так любит тебя».

*К моменту написания этой статьи, первой о семье Алчевских опубликованной на страницах городской газеты у меня не было сведений о старшей дочери Анне. Признаюсь, я даже не знал о её существовании, о чём пишу позже. Можно было бы сейчас, при подготовке этой публикации, не заметно исправить эту оплошность, да и вообще переделать и дополнить статью. Но для меня она тем и ценна, что писалась почти двадцать лет назад, когда город о семье Алчевских почти ничего не знал. А кажется, что вчера...

А. Гончаров, Ю. Черепнина, Ю. Белов и А. Голуб — 1989 г.

В какой-то степени это было коллективное творчество. Ведь тогда, создав творческую группу «Перспектив», в которую входили Александр Голуб, Анатолий Гончаров, Юлия Черепнина и короткое время Владимир Воропаев и Олег Плугатаренко мы собирались у меня дома и бурно обсуждали каждый новый выпуск «Коллажа», который вместе готовили и искали для него материал. Правда, уже после первых выпусков, где ещё были статьи разных авторов, мне приходилось всё писать самому. Но им я, конечно, многим обязан в рождении этих публикаций, благодаря которым и появились мои последующие статьи и очерки об Алчевских.

Думаю, что и для них тоже дорог и памятен этот период нашей совместной работы.

Особые слова благодарности В.И.Морозову, в то время редактору городской газеты.

Памятник Кобзарю

Газета «Огни», Коллаж №21, 2 марта 1991 г.

Великий поэт родился и умер почти в один день. Так уж получилось, что 10 марта (26 февраля по старому стилю) день памяти, а 9 марта (25 февраля) – день его рождения.

Мечта украинского народа – поставить памятник своему поэту долгие годы не могла осуществиться. Борьба прогрессивных сил за увековечение образа «Кобзаря» начиналась ещё при его жизни. В 1869 г. известный русский скульптор М. Микешин, создавая памятник «Тысячелетию России», хотел поместить рядом с изображениями Глинки, Пушкина и Брюллова барельеф Шевченко. Он обратился с просьбой к царю, но получил

В. Беклемишев, бюст Шевченко. 1899 г.

отказ и внушение быть осмотровым. Позже, проектируя памятник Богдану Хмельницкому в Киеве, он задумал у его подножия поместить фигуру бандуриста и собирался увековечить в нём черты Шевченко. Но и этот проект был отклонен царскими чиновниками. В 1890 г., проектируя памятник Екатерине II для Екатеринодара, он дополняет основную композицию фигурой слепого Кобзаря, похожего на Шевченко. В письме Ф. Ткаченко от 17 мая 1893 г. он пишет: «Там же (т.е. в проекте памятника Екатерине II) самовольно имею намерение поместить и украинского Кобзаря – Тараса с поводом. Таким образом, я думаю... на веки вечные увековечить память нашего с Вами незабываемого друга...». Сохранился рисунок М. Микешина, на котором Шевченко – во весь рост в образе бандуриста.

Но в памятнике, созданном уже после смерти автора скульптором Б. Эдуардсом, портретное сходство бандуриста с Шевченко было утрачено.

Идея сооружения отдельного памятника Шевченко увлекала многих поклонников и друзей поэта. Но ни после смерти поэта в 1861 г., ни в 1891, когда русскими писателями была оглашена всероссийская подписка на памятник Белинскому и Шевченко, это не было разрешено. И в 1899 г., когда «Спілка літераторів» просила разрешения поставить памятник Шевченко, опять был получен отказ.

Теперь можно понять, каким событием явилось для передовой общественности сооружение в 1900 году, в Харькове погрудного памятника Шевченко работы В. Беклемишева (1899 г.). Это был первый памятник изобразительного искусства в Харькове и первый памятник Шевченко не только на Украине и в нашей стране, но и во всём мире. Газеты того времени писали, что присланный из Петербурга бюст Шевченко устанавливается «шанувальниками поэта, Х.Д. Алчевською з сім'єю», на территории сада возле их дома, так, чтобы он был виден с улицы через железное ограждение сада.* Лишь в 1903 г. был установлен бюст Шевченко в Седневе на Черниговщине. В 1905 г. киевская Дума решает соорудить в Киеве памятник Шевченко. Было собрано много пожертвований. Борьба за сооружение памятника была всенародная, но до революции памятник так и не был поставлен. Но небольшие бюсты Кобзаря начали появляться в селах и городах Украины. Лишь в 1919 г. в Киеве, на Царской площади (им. Ленинского комсомола), вместо снятого памятника царю Александру II, было установлено гипсовое погрудное изображение Шевченко, вскоре уничтоженное денikinцами.

Существующий в Киеве памятник Шевченко скульптора М. Манизера – шестиметровая фигура Кобзаря. Был открыт в 1939 г. На его открытие выступил Н. С. Хрущев. Он сказал: «Сегодня, в день юбилея. Мы в великой семье народов. Семье вольной, новой, вспоминая Тараса Григорьевича Шевченко, можем сказать, что думы, которыми жил Шевченко, воплощены нами в жизнь.... Украинский народ с помощью великого русского народа освободился от многовековых врагов, и мы с уверенностью заявляем, что никакая сила не остановит нашего движения вперёд, к вершине счастья человечества – к коммунизму».

*После трагической смерти мужа Х. Д. Алчевская была вынуждена продать дом, а когда уже при новом владельце (купце Шабельском) бюст Шевченко был снят, её сын Николай Алексеевич забрал его и бюст хранился в семье около 30 лет. Он же и передал его в киевский музей. Сейчас он находится в музее Т.Г.Шевченко.

Известно ещё одно изображение Шевченко (с книгой – «Кобзарём») работы Беклемишева, которое также находится в одном из киевских музеев. Упоминается, что когда Х.Д.Алчевская поехала в Петербург заказать ему бюст Шевченко, он уже работал над образом великого Кобзаря. Видимо это и было второе изображение поэта, датированное 1899 годом. Можно добавить, что выбор Христины Даниловны был не случаен, поскольку Беклемишев сам много лет прожил в Харькове и видимо был знаком с семьёй Алчевских.

Сегодня в мире около 4 тысяч памятников «Великому Кобзарю». Есть памятник Шевченко в Париже, Москве, Петербурге, Нью-Йорке, Будапеште.... Недавно установлены памятники в Тбилиси, в Беларуси в Могилёве, и самый большой в Ковеле высотой 8 метров (20 тонн бронзы). Газеты сообщали о бурном обсуждении установки памятника поэту в Ялте и Севастополе, где он так же, как и в Париже, никогда не бывал. Понятно, что это приобретает уже гипертрофированные формы и имеет, конечно, не столько духовное, сколько политическое значение. Часто его называют «вторым Лениным». И самого Шевченко, наверное, такое «поклонение» не обрадовало бы. Это не прибавляет любви и уважения к великому поэту, которого он, безусловно, достоин, а скорее наоборот. В Торонто, где всегда процветала украинская диаспора, спилили памятник Шевченко, и он исчез в неизвестном направлении. В Харькове, на самом красивом памятнике поэту, установленном ещё в 1935 году украли бронзовую косу у крестьянина, который «шёл с ней на панов» и был одной из ключевых фигур скульптурной группы. А ещё раньше был похищен такой же бронзовый штык у каким-то чудом оказавшегося здесь красноармейца. Это одна из загадок этого грандиозного сооружения, так же, как и «тракторное колесо», которое предлагают найти среди окружающих пьедестал фигур любому приезжему...

Можно возразить, что и Алчевские, устанавливая памятник Шевченко в Харькове, конечно, знали, что он не был в этом городе. Но тогда это был поистине акт духовного признания значения поэта для украинского народа. А самое главное, что установлен он был не по указанию сверху, а вопреки всем запретам, что совсем не одно и то же.... И ещё.... Очень бы удивился Алексей Кириллович, узнав, что директором завода в Алчевске, который он основал, ныне меткомбината, является... Тарас... Григорьевич... Шевченко. Так зовут его руководителя. Вот такие загадки нам преподносит история. (Ю.Белов, 2007 г.)

В. Беклемишев — проект памятника Шевченко. 1910 г.

Шевченко, скульптор В. Беклемишев. 1899г.

Иван Алексеевич Алчевский в детстве

«Ванечка», как называли его с детства, любил петь, но никто не придавал этому значения.

Знакомство с О. Я. Головиным перевернуло его жизнь. Головин сам когда-то учился пению в Париже и сразу обратил внимание на природные данные его голоса. Он решил показать его заведующему Конторой императорских театров в Москве В.А. Теляковскому.

Прослушав Алчевского, он сразу решил зачислить его в оперную труппу Большого театра.

Х.Алчевская писала:

«Юність його була печальною, якоюсь непристосованою до нашого практичного життя. В ньому було щось таке, що витало над життям, щось від чудової казки про принца, котрий блукає з піснею в нашому брутальному світі.

Не побувавши ні в консерваторії, ні в професіоналів у навчанні, він з гімназійної лави співав в церковному тріо...

Він завжди жив у своєму особливому світі звуків, мрій і образів, який дозволяв йому „витати над життям“, щоб ніякі життєві дрібниці, мотлох і моральний бруд не заносили його чистої вродливої душі».

Он мечтал ещё в юности о скромной деятельности учителя в селе. Но уже осенью 1901 года, после смерти отца он едет завоевывать свет на сцене императорского театра в Петербурге и зачаровывает публику.

Впереди Франция, Бельгия, Англия, Америка и даже Африка (Алжир), не говоря уже о Ницце... Камиль Сен-Санс писал ему: «Я обожаю ваш талант... Счастливые люди, которые могут аплодировать Вам». В Париже ему аплодировал даже оркестр. В Лондоне в королевском театре «Ковент-Гарден» он поёт арию Ленского в «Онегине» на итальянском языке. В зале сидел Пётр Кропоткин. После спектакля он зашёл к Ивану Алексеевичу,

И. А. Алчевский

плакал, слушая его, как напоминало ему Россию это пение... После Лондона Нью-Йорк – «Манхатан Опера Хауз». Потом Монте-Карло, Марсель...

В перерыве он гастролирует на родине – Киев, Харьков, Ялта, Екатеринослав, Петроград... Поёт на одной сцене с Шаляпиным, Собиновым, Неждановой.

За успехи в оперном искусстве эмир Бухары награждает Алчевского Золотой Звездой.

Его никогда не устраивал тот репертуар, который он пел. Его всегда тянуло к более тонкой музыке и к великим свершениям, к титаническим замыслам. Он мечтал исполнить «Прометея» под открытым небом, в горах Кавказа, на глазах у публики.

С матерью у него были особенно тёплые отношения. Сохранилось несколько его писем:

«Я мало не вмер від хвилювання на виставі, але від тебе я взяв у спадок дивну властивість: я здавався на сцені абсолютно спокійним і впевненим... Як я досяг цього, я й сам не знаю... Я співав і грав блискуче, хоча весь час мені здавалося, що голос не

звучить і що ось-ось я зупинюсь або забуду текст опери». (13 листопада 1908р.). Сучасники високо оцінювали голос Алчевського.

«Що за краса цей голос – великий і рівний, сильний і ніжний, з глибокими баритональними низами й безмежними верхами; йому доступно все...»

(З письма О.І. Іскрицької до Х.А. Алчевської, 9 лютого 1917р.)

Евдоким Циньов – оперний співець (1893-1977) згадував:

«Алчевський відзначався інтелектуальністю, широким світоглядом у всьому і особливо в музичному відношенні. Він не тільки чудово співав, але й досконало володів фортепіано, грав на скрипці. Зовнішність Івана Олексійовича не можна було назвати ідеальною, а в останні роки життя він був схильний до повноти... На сцені ж він виглядав дуже імпозантно, майже красенем.»

Ієремія Айзеншток писав про нього:

«На світанку туманої юності, серед багатьох інших зустрічей і вражень, які назавжди зберегла вдячна пам'ять, доля подарувала мені щасливу можливість декілька разів почути Івана Олексійовича Алчевського».

Образование и воспитание в семье дали широкое мировоззрение и наложили отпечаток

на всю его деятельность. Он свободно владел французским, знал немецкий, итальянский и английский языки. В «Гранд-Опера» на протяжении пяти лет он пел на французском языке.

В день последнего концерта в Харькове праздновали именины его сестры Христины Алексеевны. Пел он в этот вечер особенно хорошо. Концерт закончился далеко за полночь. Публика долго и громко аплодировала и никак не хотела расставаться со своим любимцем. Кто мог представить тогда, что слушали его в последний раз.

Во время концерта в Баку он вдруг почувствовал себя плохо. Публика требовала выхода певца на сцену. Он, преодолевая боль, вышел, но закончить арию так и не смог, его покидали силы. После двухнедельных тяжёлых мук, он скончался в больнице*.

Похоронили его в Харькове. Всю свою жизнь он был пропагандистом украинской культуры, и сам стал её неотъемлемой частью.

За год до смерти его мучили мрачные предчувствия. Возможно на него, нервного и впечатлительного, действовало гадание Палади Богдановой-Бельской, которая имела неосторожность сказать ему, что он умрет, когда на улицах будут баррикады.

Так это и произошло. Он умер 26 мая 1917г.

* О смерти и болезни Ивана Алчевского написано много. О его сумасшествии, которое преследовало и других членов семьи.... Но и тогда, когда писалась эта статья, в 1991 году, и сейчас мне не хотелось бы останавливаться на этих подробностях. (Ю.Белов, 2007 г.).

Иван Алексеевич Алчевский в
разные годы жизни и в ролях — Дон
Жуана, Германа, Шуйского, Лазарро,
Ромео и других

Украинскую поэтессу Христию Алчевскую постигла та же судьба, что и её отца — Алексея Кирилловича Алчевского, имя её долго предавали забвению. В 1990 г. вышли отдельной книгой произведения Алчевской, пришло запоздалое признание. В 1982 году, к 100-летию со дня её рождения этот юбилей был внесён в календарь знаменательных дат международной организации ЮНЕСКО.

Ол. Герцен і Христя Алчевські

Иван и Христя Алчевские

Заснував в м.Суми єдину там громадську книгозбірню (на ті часи).

В юних літах побачив він на Курщині молоду доньку вчителя Журавльова — Христину Данилівну, талановиту самоучку... Олексій Алчевський почав її «просвіщати» з поля ідей.

Натура страстна, любящая свой народ, она верила, что наступят для него счастливые дни, и своей поэзией, верой в будущее приближала это время.

Незадолго до смерти в 1929 г. в одном из писем в государственное издательство Украины она восклицает: «Ви... мене не викреслите при всьому бажанні з історії ніяк!»

Связано имя Христи Алчевской и с нашим городом. Предлагаю Вам отрывки из её писем и воспоминаний.

Из автобиографии:

«Народилась я в Харькові, року 1882 17-березня нового стилю, і перше, що пам'ятаю, - стареньку вкраїнку няню, що протягом п'ятидесяти років няньчила всіх нас.

Батько мій Олексій Алчевський походив із родини дрібного бакалійного торговельника...

Освіту він мав лише двокласової „приходської“ школи, але згодом багато читав і захоплювався ідеями Ол.Герцена.

Христя Алчевская

інших книжок). Потім він одружився з нею. Це була гарна, чула, наївна, але швидка і палка, як зірниця дівчина румунського походження, що родилася в Борзні Чернігівської губ., з чудовим меццо-сопрано й широкими чорними бровами. Дід її (з сербів) брав участь у війні 1812 р. Прізвище його було Вуїч (генерал); предки із сербів... Від них мала вона гарячий темперамент.

Олексій і Христина Алчевські захопились народницьким рухом та українством 60-х років...

Всі мамині заходи й школи грошово утримував виключно мій батько (на свій кошт), після того, як він перший на весь Донбас в оцих його околицях віднайшов у недрах вугілля і в широкому запалі своїх народницьких ідей почав підчувати селян кустарницьким способом (колом у яке впрягали коня, як в жорен) сверлити надра, щоб селяне для себе з надр витягали вугілля. Згодом він зробився промисловцем і мав свої підприємства. Як я піростала – самий тільки батько читав мені Шевченка, з якого добув собі і переписав рідкий тоді повний “Кавказ” та “Сон” і підшив до друкованих уступів свого “Кобзаря”. Мріяв він про те також, щоб власними силами й коштами де-небудь на вулиці чи в садку в Харкові поставити пам’ятник Шевченкові.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Дано сіє дѣвидѣ Христинѣ Алексѣевнѣ Алчевской въ томъ, что она, какъ изъ представленныхъ документовъ видно, подданная Россійской Имперіи, уроженка г. Харькова, дочь Коммерціи Совѣтника, родилась 4 Марта 1882 года и крещена въ вѣру Христіанскую Православнаго исповѣданія; воспитывалась въ Харьковской Маріинской женской гимназіи, по курса не окончила. На основаніи представленныхъ документовъ выдано ей изъ Управленія Харьковскаго Учебнаго Округа свидѣтельство на званіе учительницы начальнаго училища 26 Октября 1900 г. за № 10523. Въслѣдствіе поданнаго ею, Алчевскою, прошенія о желаніи вступить въ Домашній Учительницы и по разсмотрѣніи представленныхъ ею удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ, которыя найдены удовлетворительными, допущена была, съ разрѣшенія временно управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, отъ 26 Марта 1901 г. за № 8659, въ испытательномъ Комитетѣ Харьковскаго Учебнаго Округа къ сокращенному испытанію на званіе Домашней Учительницы по предмету Французскаго языка и оказала свѣдѣнія хорошія, и сверхъ сего, въ присутствіи испытателей съ успѣхомъ дала пробный урокъ „Образованіе степеней сравненія въ именѣхъ прилагательныхъ и нарѣчійхъ“. А потому ей, Алчевской, дозволено принять на себя званіе *Домашней Учительницы* съ правомъ преподавать вышеупомянутый предметъ и со всѣми выгодами и преимуществами, присвоенными означенному званію, покольку оныя къ ней относятся могутъ. Въ удостовѣреніе чего дано ей сіє свидѣтельство за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати Канцеляріи Управленія Харьковскаго Учебнаго Округа. Харьковъ. Іюня дня 1901 года.

Управляющій Харьковскимъ Учебнымъ Округомъ, Ректоръ Императорскаго Харьковскаго Университета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Двадцать рублей взиманы.

Присовѣтъ Канцеляріи, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Н. Змиловъ

Батько мій мав вдачу самотньої людини і частенько читав мені „Циганів” пушкінських і вказував на неширість і негативні боки цивілізації великих міст та псевдокультурного громадянства.

О чѣм жалеть? Когда б ты знала,
 Когда бы ты воображала
 Неволю душных городов.
 Там люди в кучах за оградой
 Не дышат утренней прохладой
 Ни вешним запахом лугов;
 Любви стыдятся, мысли гонят,
 Торгуют волею своей,
 Главы пред идолами клонят
 И просят денег да цепей...

Ці слова читав він мені з щирим захопленням, з пафосом, держачи в руках перед собою томик Пушкіна і втопивши свої замріяні очі в далечінь. Напівсиві кучері часом падали йому на чоло, а в голосі чулась гірка свідомість того, що й він сам є такий же раб міста, як ті, що "прохають ланцюгів і грошей".

Мені було років 12-14, я, затаївши дихання, слухала ці рядки*...

Настав 1905 рік, і для мене почались жандармські труси й допити. Того ж року я вже друкувалась в журналах і, між іншим, писала революційного марша... починався цей марш словами "Гей, на бій, за нами встануть" і т.д. Між тим, редакцію розгромила жандармерія, і їй попав до рук мій рукопис з харківською моєю адресою. Це було літом. Я гостювала в подружки своєї на селі, а мати моя лишилась у Харкові. За кілька днів уночі явилась до нашої квартири валка солдатів і жандармів. Маму питали де я. Коло вікон і виходів поставили вартових і почали робити трус. Двері в мою кімнату, де переховувався список усієї професури Харкова, що належала до нелегального Академсоюзу, та ще чужий револьвер з патронами, були замкнені на період моєї відсутності.

- Це куди хід? – спитали жандарми.

- До сусідів, - не зморгнувши оком, поспішила відповісти моя мати.

Так до кімнати моєї й не зайшли. Обвинувачено мене в тім, що я закликала до збройного повстання...

Христи Алчевская в украинском костюме

* Воспоминания Христи Алчевской относятся к 1894 – 1896 годам. Это всего за 5 -7 лет до смерти А.К.Алчевского. Удивительно, что со временем он не утратил те восторженные порывы любви к украинской и русской культуре, которые были присущи ему в юности и в молодые годы, когда он основал первую в Сумах библиотеку, и возглавлял в Харькове „Громаду“. При, казалось бы, очень рациональной и далеко не поэтической деятельности он сохранил светлую душу, что большая редкость, тем более в его профессии. Возможно, это его и погубило.... Думаю, что до конца мы ещё не оценили Алчевского и к памяти его, как основателя города, относимся конечно формально, а ведь он заслуживает более глубокого внимания и уважения, и достоин подражания... именно сегодня.

Від смерті Ганни року 1920 по 1926 настигла для мене велика шестилітня перерва.

В цей період самотності часом напливало на мене гірке роздум'я: року 1917-го вмер у Баку на гастролях мій надзвичайно талановитий брат 39-40 літ, року 1920 зійшла в могилу діячка-мама; не було вже давно на світі ні Лесі Українки, ні Коцюбинського, ні Франка, а для тієї літературної молоді, що боролася в боях горожанської війни, я, звичайно, могла б видатись лише тим, чим є стара сова для повної життя пташини... Не надаремно ж глузливий фейлетоніст із "Вістей", здається року 23-го дозволив прилепити мені образливу назву „крокодилиці від поезії”.

В дійсності побувала я серед друзів лише по революції 1917 р. у селян слободи Олексіївка, на Слов'яносербщині (Донбас) і заснувала там тоді бібліотеку.

...Між іншим, в оцій бібліотеці, не знаю ким реквізований чи рознесений, загинув томик рукописних листів до мене від Коцюбинського, Олександра Олеса, М.Павлика, Кулішихи (Ганни Барвінок), Бориса Грінченка, Марії Загірної, Олени Пчілки, Ів.Франка, Василя Пачовського й інші (від усіх по одному, тобто автографи).*

Христина Юрковська (Алчевська)

*Ети письма Христина Алексеевна передала на хранение Софье Прокофьевне Сухиной, работавшей тогда в Алексеевской школе, которая в 1930 – е годы, в пору репрессий, спрятала их в тайник в стене школы, а место со временем забыла. Они так и не были найдены. Об этом мне рассказала недавно Людмила Николаевна Старченко (1924 г. рождения), с которой я проработал 12 лет в районном историческом музее г. Перевальска вблизи которого и находится Алексеевка (правда раньше она относилась к Алчевскому району, когда он был районным центром), а она слышала это от своей тётки С.П.Сухиной. Об этом я упоминаю в одной из публикаций – „Полувековой юбилей”, которая тоже вошла в эту книгу. (Ю.Белов, 2007 г.)

Христя Алчевская

Не менш, ніж люди, цікавили мене завжди й характерні (часом курйозні) риси окремих періодів, скоротечних і чудернацьких, можливих лише за часів панування безпринципної буржуазії. Таким періодом, що дався мені взнаки – періодом „вибриків”, роблених по-дурному, не знати для чого, явився період гетьманщини... Не марно жартували тоді з приводу назвища „Україна” харківчани: „Від Одеси до Берліна – самостійна „Україна”. Скоропадський то вдавав із себе приятеля національно-народних стремлень, то показував себе щирим централістом з росіян. Пам'ятаю, як в останній день свого панування розліпив він по Харкову відозви, в яких лепетав щось про „єдиную неділимую”...

В ніч під той день гетьманська державна варта явилась до мене на квартиру, зробила труса і арештувала мене, чим дуже налякала стару мати мою...

Мене посадили на фіакра, гетьманчик-офіцер настановив проти мого носа револьвера, повів мене в підвал на Пушкінську вулицю і замкнув у камеру для проститутток і п'яниць... Опинившись у цій клітці, я ніяк не могла отямитись із подиву і це була мені первина – гаяти час без книжок і рукописів. Але робити було нічого. Пам'ятаю, що я вийняла з кишені олівець і розважала себе тим, що писала вірші на стінах.

За 5 годин гримнув замок моєї камери і офіцер у синьо – жовтих погонах гукнув:

- Алчевська – здесь?

- Здесь – відповіла я.

- Пожалуйте к допросу!

Року 1921-го я захворіла на тиф, бо захопила його, працюючи в обстанові солдатських касарень 51-х піхотних командних курсів. Там доводилось українізувати орловців, тульців та інших великоросів. Ці великороси, всі малоосвідчені, ставились до потреби вивчення нашої мови дуже добродушно.

Из писем Х.А.Алчевской

4 листопада 1906 р. (к О. Коваленко)

Ні до якої школи поетичної себе не зачисляю.

Під псевдонімами не друкувала. Ніде статей про мене не було.

17 червня 1908 р. (к О.Кобылянской)

Хоч і не можна жити самою красою, хоч і є в людині потреба особистого щастя, але даремно чекати людській душі на нього, досить шукати чогось...теплого...в життю...надто мало ще в людях краси, надто мало ще тих кого шукаємо: носителів краси в своєму серці (а то духовної – не фізичної)...

Такими людей, як хочемо, ніколи не побачимо...

11 жовтня 1908 р. (к О.Кобылянской)

Моє життя, що складається так невдало самотньо, не постачає мені веселих барв і усміхів сонця!..

В письме к М.Грінченко она вспоминает Алексееву и проведённое здесь детство.

6 грудня 1910 р.

Я їздила туди, де провела своє дитинство в Олексіївку, ... мені там ніде було прихилитися, і я попрохалася ночувати в школу, де все повно ще Вами і Ним... Чи казати про те, що я згадувала і що почувала?

Стіни школи бачили, як я плакала вночі за Борисем Дмитровичем і за дитячими роками... Я не верталась ніколи на степи після 1901 року аж до цього часу.

В письме М.Мочульському 21 мая 1916 г. есть такие строчки: "От Вам з парку жменя не цвітів, а сріблястої гіркої полини, котру, як потерти, то вдихнеш віяння степу нашого... І ще якесь дерево й куш золотий".

Х. А. Алчевская

Христя Алчевская

С теплотой она вспоминает о родном доме:

„Просиділа цілий день на Катеринославщині, там, „півзнишений літами стоїть мій рідний дім, де мешка хтось чужий”... І дивно тепер зі своєю зовсім уже білою головою (бо за час війни я ще дужче посивіла) я там, де провела юність, знов почуваю себе свіжою і повною сил...

(Дом этот в селе Алексеевке (в восьми километрах от Алчевска), простой, под соломенной крышей, не сохранился, а в школе, которую построила Х.Д.Алчевская, до сих пор учатся дети – потомки её учеников).

19 грудня 1916 р.

Річ в тому, що зоря (чи ранок, як хочете се назвіть) мого життя дуже затьмарився епопесю суду й обговорення вчинків (яких в дійсності не було) мого покійного батька (над ним і співробітниками його підприємства). він саме в той рік стратив собі потягом життя, і, Боже, чого тільки про нього і нашу родину тоді не казали...

5 березня 1917 р. (к М.Мочульському)

На Катеринославщині весною закладаю офіціальну селянську нашу книгозбірню в хаті під соломеною стріхою (котра пока ще тече від дощу) й керування її доручаю селянам. Це – Донецький гірно-промисловий басейн, край дуже цікавий, і степи з таким тим'яном, що пахне там, мов у церкві на клечальну неділю...

10 березня 1917 р.

Аж тепер врешті може початися у нас на російській Україні повне культурне від-роження. Змінився лад...

13 грудня 1927 р.

Моя тепер теорія, що лише любов здібна керувати поступом.

15 жовтня 1929 р. (к М.Плевако)

На мою думку, люди поробилися такі товстошкірі, що простого прошибання для них замало, а треба гуманізувати їх всіма способами, впливаючи на їх нерви та, головне, на їх емоції.

Прийде кращий політичний час, і сі книжні думки вийдуть, може, повторним, доповненим виданням і вплинуть на людські душі.

Христя Алчевская с Ольгой Кобылянской

Христина Алексеевна Алчевская (1882 - 1931) оставила большое рукописное наследие – около четырех тысяч произведений, большая часть которых до сих пор не опубликована. В семье Алчевских украинской поэзии и литературе уделялось особое внимание. В её поэзии отражены думы и чаяния украинского народа. И, кажется, пришло время познакомить современного читателя со всем её творчеством и издать то, что хранится в многочисленных архивах.

Ети стихотворения предоставлены для публикации Юрием Ивановичем Павленко, преподавателем украинского языка и литературы школы №1, из его личной библиотеки.

Гей, на бій!

Гей, на бій! За нами встануть
Всі зневолені люди;
Забезпечен час свободи,
Бо багато таких буде!..
Ой на те ви не вважайте,
Що проллються ріки крові:
Крізь горнило сліз гарячих
Ми простуєм до любові.
До братерства, до єднання
Проти тьми й неволі злої
В сяйво волі золотої
Без рабів, без панування!

Крик чайки

Я не боюсь ні грому, ні хмари –
Змалку я звикла до гнівних пісень,
Серця мого не злякають примари,
В темряві бурі не згубиться день.
Я – провозвісниця гніву безодні, –
Білая чайка над морем сумним
Думка, що збуджує сили народні
Гасло, що променем сяє ясним!
Море розбурхане плеще і виє,
Кидає піною, рве береги,
Буря і блискавка спалить і зміє
Все, що підняти не мало снаги...
Гей же, до мене, чайки, прилучайтесь
Лучше не жити, а згинуть в бою!
Хутко зі мною над морем єднайтесь,
Міцно борітесь за долю свою!

Співайте пісні голосніш,
Будіть думки про волю!

Тоді ми встанемо міцніш
За крашу братню долю!
Кричить сонце золоте,
Що зійде над братами, –
І ми певніше за святе
Поляжем головами!
Приспить ви зиму на весну:
Морози серце нудять...
Надії будять в нас весну
Події – помсту збудять.

Воля

У муках болю, в борні за долю
Вона іде!
Вона іде і дуків буде:
“Вставайте, дуки, закуті люде.
На вас ідуть!”
То помста неба, їм волі треба,
Їм хліба дай!
Здригніться ж, дуки: тружденні руки
До вас здійнялись і простяглися,
Загримав спів:
„Гей, смерть сваволі, жадана Воле,
Звелич рабів!”

Ну що ж? Чи ви змогли спинить
думок буяння?
Чи встигли ви їх полум'я згасить?
Чи встигли наложити на всі вуста
мовчання,
Усі серця затримать, задушить?
Ми живемо! Нікчемні – всі кайдани,
В'яжить – розв'яже нас те все,
що не вмира...
І душить! Ми встанемо! Розвіються
тумани,
Усе палить! І сонце знов загра.

Этюды Христи Алчевской

К сожалению, я не располагаю хорошего качества репродукциями с этюдов Христины Алексеевны Алчевской, но даже по этим фотографиям видно, что хоть она и не имела специального художественного образования, работы её не назовёшь «самодеятельными». В них есть и воздух, и цвет, и композиция, и собственное видение, и угадывается что-то значительное, ещё не досказанное. Но для нас они, конечно, прежде всего, интересны, как работы поэта. Они помогают понять её внутренний мир, а главное ещё раз подтверждают, насколько разносторонни и одарённые были дети в семье Алчевских.

(Очерк В.Д. Белова об А.К.Алчевском)

Эта публикация очерка В.Д.Белова об Алчевском, (изданного в Москве, в типографии Л. Снегирёва, в 1903 году), появилась в городской газете 17 лет назад, когда отношение к А.К.Алчевскому было далеко не однозначным. Помогла мне разыскать его в фондах главной библиотеки России, в то время ещё им. Ленина, научный сотрудник Луганского обласного краеведческого музея В.Я.Башкина. В предисловии к этой публикации я писал:

«Очерк В.Д. Белова об А.К.Алчевском был написан в 1903 году, вскоре после трагической смерти Алчевского. Это была первая попытка восстановить его честное имя.

Надеемся, что публикация сегодня этого малоизвестного материала положит конец несправедливым домыслам, и крайним оценкам деятельности столь незаурядного человека, и будет ещё одним шагом на пути возвращения нашему городу его первоначального названия...»

Предисловие и очерк печатаются в сокращении.

Алексей Кириллович Алчевский возле своего дома в Харькове. 1890-е годы

Предисловие

Очень хорошая мысль пришла В.Д. Белову написать, хотя краткий, но содержательный очерк жизни Алексея Кирилловича Алчевского. И именно теперь, когда о нём так много и разнообразно толкуют. Одни видят в нём грюндера, прожектёра, преследовавшего свои, личные, эгоистические интересы. Другие, напротив, - финансовую силу, «колосса», полного ума, знания и энергии.

Алчевского нет уже на свете. Гигант пал, жертвовавший всеми своими личными интересами ради дела, - пишет из Анвера А.Вандервиль, хорошо знакомый с промышленной деятельностью Алчевского. Его усилия не увенчались результатами, на которые он вполне законно надеялся, оплакиваешь этого гения, этого великого человека!

У нас как бы вошло в правило, что пока живёт известный промышленный деятель, о нём если и говорят, то только те, которых его деятельность, так или иначе, затрагивает. Но сошёл он со сцены, его не только забывают, но он нередко служит ещё притчею во языцах. Автор настоящего очерка В.Д.Белов останавливается на господствующем у нас взгляде – «что промышленность и мошенничество, в общем, синонимы».

«Сколько раз в моей продолжительной промышленной деятельности, - пишет автор, - мне самому приходилось встречать насмешливые улыбки и слышать ядовитые замечания в ответ на мою защиту честных начал промышленности. Такие отношения к ней интеллигентной публики напоминают мне тех щедринских генералов, которые погибали на необитаемом острове от голода, и которым мужик настрелял рябчиков; его же привязали в благодарность за это к дереву. Такой же почёт к нашему брату – промышленникам. Как-то пришлось мне разговаривать на эту тему с одним из видных и, бесспорно, умных представителей судебной магистратуры. Спрашиваю его: вы прошли, от низшей до высшей, все ступени судебной профессии: скажите откровенно, какое ваше впечатление при первой встрече с промышленником?

«Хотите знать откровенно? – Мошенник!» - был мне ответ».

Вот этот-то общий взгляд людей, стоящих далеко от промышленной жизни, не знакомых с её тяжёлыми условиями, есть тот первый ложный шаг в суждении о промышленном деятеле. И действительно, большая публика мало или, вернее, совсем не знает и не интересуется прошлым наших деятелей промышленного мира, вспомним Николая Александровича Новосильского, создателя «Русского Общества Пароходства и Торговли», «Каспийского пароходства» и спасителя дел «Кавказ и Меркурий». Сколько испытал он при жизни насмешек и инсинуаций. Умер... и забыт теми, кому он дал жизнь и благосостояние. А Нобель – создатель в России нефтяного дела, увеличивший производительность целого края, умноживший государственные доходы не на один миллион – разве он оценен по достоинству. Вот ещё современный нам генерал Сергей Иванович Мальцев, знаменитый деятель, новатор в стеклянном деле, фаянсовом, литейном, тратящий более миллиона на постройку художественного музея в Москве и пр., и пр. Что мы знаем о нём, кроме этого перечня?

Что касается Алчевского, то его постигла ещё более тяжкая участь – не только холодное забвение, а обвинения, тяжкие обвинения в корысти, в стремлении к обогащению. Между тем никто не пожелал ознакомиться, бросить беглый взгляд на прошлое, на всю кипучую и разнообразную жизнь этого человека, узнать какими стимулами руководствовался он в своей промышленной деятельности. Конечно, всесторонняя оценка его жизни и кипучей деятельности ещё впереди, но и то, что о нём сказано в очерке В.Д.Белова, представляет нам этого человека выдающейся личностью.

Приобретая упорным трудом, большое состояние и крупное в финансовом мире положение, Алчевский не захотел, как многие это делают, почить от трудов на лаврах, «сидеть и резать купоны», проживая их под благодатным небом юга. Связанный крепкими узами с промышленностью, он до конца своей жизни был пионером в ней и отыскивал всё новые и новые пути для её развития. Алексей Кириллович бесконечно верил в подъём народного благосостояния. Даже наступивший промышленный кризис и тот не испугал его. Он не упал духом, а старался всеми доступными ему мерами поддерживать основанные им предприятия, хлопотал о них в правительственных сферах. И когда, совершенно неожиданно, получил отказ в своих, как он полагал, законных требованиях, которые, как теперь стало известным, после его смерти удовлетворены были даже в большем размере, он, как воин на посту, покончил все земные счёты, взял на себя в посмертной записке и всю ответственность за наступивший крах в основанных им предприятиях. Таков был А.К.Алчевский.

Л.Снегирёв

Москва, 10-го декабря 1903 года.

А.К.Алчевский (1835-1901 г.)

Алексей Кириллович Алчевский родился в 1835 году, в городе Сумах, Харьковской губернии, от родителей, принадлежавших к зажиточному купечеству и производивших в Сумском районе значительную местную и ярмарочную торговлю бакалейными и колониальными товарами. Годы детства и ранней юности прошли для Алчевского в условиях довольно благоприятных для развития его природных выдающихся дарований, так как семья, в которой он рос, и под влиянием которой слагались его первые впечатления, настолько выделялась, по своим понятиям и умственным запросам, из общего уровня современного провинциального купечества, что старшему брату А.К., на средства родителей, было дано даже высшее университетское образование, что уже одно достаточно ясно указывает на то, что умственные интересы и образовательные стремления, столь чуждые торговому классу того времени, в семье Алчевских не только сознавались, но и находили практическое осуществление. Что касается А.К., то ему не суждено было воспользоваться тем систематическим образованием, какое получил его старший брат, и он в детские годы прошёл всего лишь курс сумского уездного училища.

Произошло это потому, что на дальнейшее образование у отца не достало средств, так как торговые дела последнего значительно расстроились и пришли в упадок. Тем не менее, тот умственный интерес, который жил в семье и который усилился через пребывание старшего сына в университете, дал большой толчок к саморазвитию и возбудил у А.К. интерес к общественным вопросам и к тому всеобщему пробуждению, какое охватило Россию с воцарением императора Александра II.

Естественно, что при таком настроении ума 25-летний молодой человек не мог примириться ни с той узкой ареной деятельности, какую представляла отцовская бакалейная лавка в Сумах, ни с тем обществом, которое его там окружало, а потому при первой представившейся возможности А.К. оставляет Сумы и почти без всяких средств переселяется в Харьков, - в центр умственной и экономической жизни юга. Здесь, чтобы обеспечить себе и своей семье средства к жизни, - так как А.К. успел к этому времени жениться на девушке, также чрезвычайно даровитой и всецело проникнутой образовательными и литературными стремлениями, - он открывает небольшой чайный магазин, а досуги свои посвящает дальнейшему саморазвитию и более систематическому знакомству с вопросами экономического и финансового характера, к которым его влекут и природные наклонности и профессия купца.

Практический склад ума направляет его интерес и размышления на жизненный вопрос кредита, который в то время стал предметом всеобщего внимания и даже забот правительства. Результатом этих работ и размышлений является решение осуществить в г. Харькове учреждение Общества Взаимного Кредита. Остановившись на этой мысли, А.К. усиленно пропагандирует её в среде более развитого купечества, а также среди землевладельцев и чиновников г. Харькова. Собрав таким путём группу единомышленников, А.К., при содействии более деятельных, пишет устав будущего общества и получает в 1866 году разрешение правительства на открытие в Харькове одного из первых в России по времени возникновения обществ Взаимного Кредита. Учреждение это открыло свою деятельность при ближайшем участии А.К., который оставался в нём в течение нескольких избирательных периодов влиятельным членом Совета. В этой должности он близко и подробно знакомится с практической стороной банковского дела. Алчевский собирает группу местных капиталистов, заявивших готовность выступить учредителями нового банка и разобрать его акции, а затем, в скором времени, согласно написанному Алчевским уставу, он получает в 1868 году правительственную концессию на устройство первого в Харькове и второго в России банка коммерческого кредита, под

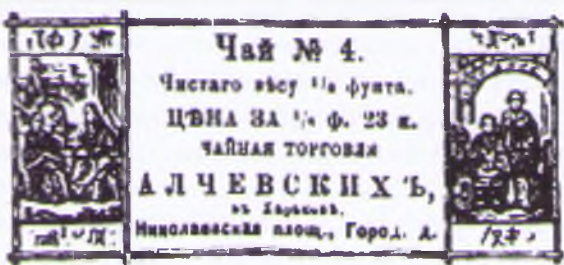

Рисунок на упаковке чая из магазина Алчевскихъ.

наименованием «Харьковский Торговый банк». Почти одновременно, в тех же целях удовлетворения развивающихся потребностей кредита, в среде местных торговцев и промышленников, по плану и проекту устава, написанному А.К.Алчевским, учреждается в Харькове в 1869-1870 годах Второе Общество Взаимного Кредита. В управлении делами этих учреждений Алчевский принимает в течение долгого ряда лет не только ближайшее участие, но, как, например, в торговом банке, и главенствующее положение.

Засим, мы должны перейти к той роли, какую сыграл А.К. в деле организации нашего земельного ипотечного кредита. В этом деле заслуги его несомненны и будущий историк земельных банков, несмотря на известный процесс, связанный с именем А.К.Алчевского, вынужден будет, во имя правды, не раз остановиться с почтением перед бесспорными заслугами покойного, и воздать ему должное

за поразительную чуткость к потребностям времени, и за несокрушимую энергию в практическом осуществлении раз намеченной цели. Было бы напрасным трудом излагать здесь общеизвестные факты и то состояние полной экономической беспомощности, в каком очутилось русское землевладение после достопамятной реформы 19 февраля 1861 года, вследствие упразднения прежних кредитных учреждений: Опекунского Совета и Приказов Общественного Призрения, полного отступления организованного кредита — правительственного или общественного.

Владельцы многоценных имений, нуждающиеся в средствах для ведения хозяйства на совершенно новых началах и для расплаты с прежними долгами, не имели иных источников к удовлетворению своих кредитных нужд, как заем денег у частных лиц, в большинстве случаев у ростовщиков, взимавших невероятные по нынешнему времени проценты от 15-ти до 20 процентов годовых.

Такое ненормальное и прямо ужасное положение землевладения естественно вопияло о себе и в числе первых, прислушавшихся к голосу страны и посвятивших свои труды и энергию на врачевание этой экономической раны, будущий историк, наряду с именами графа Бобринского, Кассинова и Френкеля, должен будет назвать и имя А.К.Алчевского, по личной инициативе и проекту которого, написанному при сотрудничестве И.В.Вернадского, был учрежден первый в России Земельный банк, основанный на акционерных началах и открывший в 1871 году свои операции по ссудам со взиманием с заемщиков 7½ процентов годовых, считая в том числе и амортизацию долга, рассматривая этот вопрос в его исторической перспективе, казалось бы, нельзя не признать, что в своё время организация земельного кредита и устройство земельных банков было громадной заслугой перед русским землевладением и одним из крупнейших шагов на пути экономического прогресса нашего отечества. С этой точки зрения смеем полагать, что Алчевский, неразрывно связав мыслями и трудами имя своё с учреждением первого русского банка земельного кредита, обеспечил памяти своей почётное место в ряду полезных общественных деятелей.

После учреждения харьковского земельного банка, в котором Алчевский в течении 30 лет был главным руководителем и бессменным председателем правления, наступает в его

пионерской деятельности некоторый интервал, если не считать того, что за время последующих пяти лет, в течении которых он, занявшись главным образом устройством внутренних распорядков в земельном банке, одновременно с этим принял довольно деятельное участие в учреждении ещё двух харьковских кредитных установлений, а именно: Общества Взаимного Кредита Приказчиков и Общества Взаимного Кредита Горнопромышленников Юга России.

Затем, после этого перерыва, Алчевский снова энергично берётся за новые дела и на этот раз уже дела промышленного характера. Вдумчивый, зоркий взгляд А.К. останавливается теперь на предмете, который по пророческим словам Великого Преобразователя России: «не нам, а потомкам нашим весьма полезен будет». В первом ряду этих чутких потомков, уразумевших, что предсказанное Петром I промышленное значение угля наступает, был и А.К.Алчевский. В числе первых и немногих он начинает, не испугавшись грандиозной неудачи французских капиталистов в Кураховке, где безвозвратно погибло до 25-ти миллионов франков, - сначала в очень скромных размерах, а затем, всё увеличивая и развивая, заниматься в пределах Бахмутского, Славяно-сербского уездов и области Войска Донского, разведочными работами, а потом и разработкой каменного угля, и в 1879 году организует на акциях Алексеевское Горнопромышленное общество, которое из скромного дела с ничтожной производительностью 700 тысяч пудов в год, ко времени трагической кончины А.К.Алчевского, разрастается в громадное предприятие с шестью миллионами основного капитала и с производительностью до 60 миллионов пудов угля и кокса в год.

Наступившая затем, в начале 90-х годов, эра нового, так называемого промышленного пробуждения России, выразившаяся, главным образом в небывалом подъёме металлургической и других связанных с нею отраслей промышленной деятельности,

Строительство завода ДЮМО — сталелитейный цех

застает Алчевского опять в первых рядах пионеров и крупнейших организаторов. Достаточно сказать, что по инициативе А.К.Алчевского возникают и осуществляются два крупнейших металлургических завода на юге, а именно: на русский капитал – Донецко-Юрьевское металлургическое Общество и в компании с иностранцами – Общество «Русский Провиданс» в Мариуполе. В первом из названных дел Алчевский принимает и капиталом и личным трудом самое

деятельное и близкое участие, и замечательно, что, устраивая Донецко-Юрьевский завод, он влагает в задачи его новую идею и, в противность мнению большинства предпринимателей, основывающих свои предприятия главным образом в расчёт на получение казённых рельсовых заказов, он убеждает своих компаньонов строить завод исключительно для удовлетворения потребностей рынка в чугунах и сортах железа. В этом, быть может, несколько опередившем современные обстоятельства желании основать завод для производства совершенно независимого от тех или других случайностей казенного потребления, и базировать его на прочном фундаменте частного спроса, сказалась основная черта личности Алчевского, который всегда во всех своих предприятиях был поборником свободной частной инициативы и рьяным врагом всяких привилегированных и субсидированных дел.

Возвращаясь к участию Алчевского в учреждении общества «Провиданс» в компании с иностранцами, следует заметить, что устройству завода в Мариуполе А.К. придавал особое, громадное значение в будущем, полагая, что завод этот, при дальнейшем развитии нашей металлургии и удешевлении производства, должен приобрести мировое значение, так как приморское положение Мариуполя обеспечивало заводу дешёвые морские фрахты и возможности конкурировать и отправлять свои изделия во все страны света.

Близкое участие, принятое Алчевским в устройстве металлургических заводов, поставило его в прямое отношение к вопросу об обеспечении их сырыми материалами, как-то: углем, коксом и рудами. Поставщиком двух первых предметов, т.е. угля и кокса, должно было быть Алексеевское Горнопромышленное Общество. Что же касается руд, для разработки их и снабжения ими названных заводов, Алчевский в компании с приглашенными им русскими капиталистами устроил особое предприятие под названием «Южно – Горнопромышленное Общество», для которого А.К. приобрел значительные аренды в районе Кривого Рога, и, кроме того, ввиду признаваемой и по сие время недостаточности запасов руды железной в Кривом Роге, количество которой, по подсчётам только что закрывшегося съезда горнопромышленников юга России, может хватить для всех доменных печей на юге всего лишь на 20 лет – Алчевский заарендовал для Южного Общества близ Керчи значительную земельную площадь с громадными запасами руды. Вышеприведённая в кратком очерке деятельность Алчевского в учреждении банков, угольных, металлургических и рудных дел, разумеется, не могла

остаться незамеченной ни у нас в России, ни за границей, особенно в Бельгии, где его имя произносится и сейчас, невзирая на потери, понесенные ими на русских делах, с глубоким уважением и выдающаяся его промышленная деятельность, по словам г-на А.Вандервиля, признаётся заслуживающей памятника. Такая репутация Алчевского, как крупного банковского деятеля и промышленника, была в своё время оценена по заслугам и нашими правительственными сферами, а особенно министерством финансов, которое за бытность министрами Н.Х. Бунге, И.А. Вишнеградского и С.Ю. Витте, неоднократно, а за последние десять лет постоянно привлекало Алчевского во все заседания и совещания по делам кредитным и промышленным, в которых он составил себе прочный авторитет и значение, что, например, С.Ю. Витте, предполагая устроить кредитное учреждение для выдачи ссуды владельцам рудников и заводов, непосредственно обратился к Алчевскому с поручением составить проект ипотечного горнопромышленного банка, каковой, по всей вероятности, и нашел бы осуществление, если бы горная промышленность не оказалась внезапно охваченною беспощадным кризисом, который разорил Россию на сотни миллионов рублей и для Алчевского окончился столь фатально и трагически.

Переходя к этой эпохе промышленного кризиса, должно сказать, что Алчевский в числе немногих предугадывал его наступление, но, быть может, не в тех размерах, в каких это падение произошло в действительности.

Предвидение Алчевским указанного кризиса видно из того, что уже в 1899 году Алчевский подает министру финансов особую докладную записку, в которой, указывая на начинающуюся реакцию, просит министра о созыве совещания под председательством лица, облеченного особым доверием для обсуждения мер к смягчению надвигающегося промышленного кризиса, угрожающего иначе неисчислимыми и беспощадными последствиями.

Главнейшая мера, которую предлагал тогда А.К., заключалась не в ограничении производства металла и искусственных цен на внутреннем рынке, а в том чтобы, не ограничивая производства, вывести часть излишка за границу. Этим достигалось, помимо смягчения кризиса металлургической промышленности, предотвращения такового для промышленности угольной и рудной, производительность которых, в случае принятия указанных мер, осталось бы нормальной.

Через несколько месяцев после заявления, сделанного Алчевским в Харькове, состоялся обычный съезд горнопромышленников, который обратился в министерство финансов с аналогичным ходатайством. Вследствие этого в Петербурге было созвано особое совещание из представителей всех отраслей горнозаводской промышленности, но, по-видимому, даже в этот момент в сферах правительственных и в банковских кругах не вполне ясно сознавалась ещё предстоящая опасность.

Совещание окончилось ничем, никаких решений, а тем более мероприятий принято не было, кризису предоставлено было идти его естественным путём и каждому отдельному промышленнику справляться с наступающими затруднениями своими силами.

Громадное предприятие Донецко – Юрьевский завод находился тогда в периоде ещё не совершенно законченной постройки; Алексеевское Горнопромышленное Общество, чтобы питать этого новорожденного колосса, также вошло в миллионные затраты и денежные отношения между этими двумя предприятиями выражались в контокоррентных счетах и краткосрочных обязательствах. И А.К., бывший поборник свободного труда и свободной конкуренции, обращается с просьбой о предоставлении Донецко-Юрьевскому заводу, на равных со всеми другими заводами основаниях, какой-либо части из тех заказов, которые казна на сумму свыше 100 миллионов рублей раздаёт ежегодно частным заводам. К удовлетворению этой просьбы, не исключавшей в себе чего-либо незаконного, или невозможного, никаких препятствий, казалось бы, встретиться не могло.

Большинство тех заказов, которыми казна была ангажирована с некоторыми заводами для премирования их устройства, было исполнено и дало каждому такому заводу несколько миллионов заработка ежегодно и в некоторых случаях покрыло даже с избытком стоимость заводских сооружений, но тогда, когда к казне, исполнившей по отношению премированных ею заводов все свои обязательства, обратилось Донецко-Юрьевское Общество, не получившее никаких премировок, то, с точки зрения обыкновенной логики, произошло нечто совершенно непонятное: заказы отданы были по заведомо выгодной цене тем, кто и раньше на них обогатился, а заводу, который брался исполнять заказы по цене и на условиях конкуренции, было постановлено отказать на том основании, что он раньше не был казенным поставщиком. По соображениям столь же логичным было отказано Донецко-Юрьевскому Обществу и в выпуске второго облигационного займа, тогда как Брянское Общество незадолго перед этим получило право даже на четвертый выпуск. Быть может, уместно будет подчеркнуть здесь, Донецко-Юрьевское Общество было единственным крупным металлургическим предприятием Юга, основанным исключительно на русский капитал.

Хлопоты о разрешении облигационных займов и о заказах продолжались не день, не два, нужна была энергия Алчевского, чтобы претерпеть до конца эту волокиту и так долго настаивать и не отчаиваться в результате.

За спиною предприятий Алчевского были материальные интересы нескольких десятков тысяч людей, гибель одного из предприятий влекла туда же и остальные, и это обстоятельство заставило Алчевского с одной стороны, - настойчиво и, быть может, даже неприятно-назойливо просить о поддержке и беспокоить тех лиц, от которых она зависела, а с другой – в уверенности в этой поддержке, отказать в которой казалось немислимым, принимать пока все без исключения меры, какие были ему фактически доступны ради сохранения в целости этого грандиозного круга дел.

Последний и безнадежный отказ Алчевский получил 4 мая, а 7-го мая 1901г. его уже не было в живых...

Обозрев в самом кратком очерке, или, вернее сказать, лишь перечислив учреждения и предприятия, обязанные своим возникновением Алчевскому, необходимо остановиться на вопросе о том, что и сколько извлёк А.К. из столь кипучего пионерства и энергичного, неусыпного труда.

Выше мы уже упоминали, что Алчевский из Сум в Харьков переселился, не имея никакого состояния, и средства к жизни для семьи и себя извлекал вначале от скромной чайной торговли; но, разумеется, по мере того, как расширялась его роль в банковском учредительстве, стало расти и личное его благосостояние путём совершенно естественным и вполне безупречным, вследствие того, что стоимость акций учрежденных им банков быстро шла в гору и в самый непродолжительный срок удвоила капитал, вложенный на их приобретение.

Такой финансовый успех сделал то, что бывший в 1862 году скромный владелец небольшого чайного магазина в середине семидесятых годов стал уже богатым человеком и состояние его исчислялось в то время уже в три-четыре миллиона рублей. Эти, уже значительные средства, Алчевский затрачивает на постепенное приобретение в районе угольных месторождений земельных участков и целых имений по существовавшей в то время цене: не дороже 40-50 рублей за десятину и на этом имущественном фонде основывается Алексеевское Горно-промышленное Общество, дела которого, постепенно развиваясь, поднимают первоначальную стоимость своих пятисотрублевых акций до 2000 рублей за штуку.

Такой же, можно сказать, колоссальный финансовый успех сопровождает вначале Донецко-Юрьевское Общество, акции коего, выпущенные в сумме 250 рублей (номинальных), доходят в 1898 году до 660 и даже 680 рублей биржевой цены.

А. Н. Бекетов — эмблема ДЮМО
для дома директора завода в Алчевске

Эта почти сказочная удача даёт, разумеется, состоянию Алчевского громадный прирост и он внезапно становится владельцем состояния, по биржевой расценке владеемых им акций равного 30 с лишком миллионов рублей. Казалось бы, что, достигнув такого редкого, но, впрочем, вполне заслуженного успеха, можно было бы и покончить со всеми делами и их превратностями, продать все свои акции, как это сделали другие (князь Тенишев, В.Ф. Голубев) по наивысшей их цене и, поселившись где-нибудь на Ривьере, зажить беззаботной и безмятежной жизнью рантье-миллионера, возложив за малую плату резку купонов и сверку тиражных таблиц на Государственный Банк или другие солидные кредитные учреждения.

Но не такова была энергичная, вечно разыскивающая новые дела и пути — натура Алчевского, чтобы он мог примириться с паразитическим существованием резателя купонов. Мы приводим один несомненный, всем хорошо известный факт, что, когда Алчевскому было предложено бельгийскими капиталистами продать целиком все принадлежащие ему акции — 10000 штук Алексеевского Горнопромышленного Общества по 2000 рублей за каждую (при номинальной их стоимости 500 рублей), и этим реализовать от одного только сейчас названного предприятия колоссальную сумму в 20 миллионов, опьянившую бы всякого другого промышленника на его месте, он, ни минуты не задумываясь, отказался от этого предложения, мотивируя свой отказ, во-первых, нежеланием передать своё чисто русское дело в руки иностранцев, а, во-вторых, ещё и потому, что, как он выражался и прежде неоднократно: «Что же будут делать, и чем будут заниматься мои сыновья, неужели станут туеядцами-купонщиками? — Нет, на это я не могу согласиться».

Итак, отдав всего себя и все свои средства основанными им предприятиям, будучи по натуре истым промышленником, но ничуть не грондером и совсем не биржевиком — на бирже он никогда не играл — Алчевский неразрывно связал свою личную участь и всё личное состояние с делами, которые были им устроены и учреждены, а когда властная реакция потянула всё к упадку, погибло всё, погибло его состояние, погиб и он сам.

Служащие станции Алчевское

Тем не менее, нельзя не отметить того, что даже в день смерти Алчевского курсовая стоимость принадлежащих ему акций его предприятий равнялась почти 18 миллионам рублей при задолженности около 15 миллионов. Стало быть, он умер не несостоятельным. Что осталось после его смерти, это всем хорошо известно, но в том он уже не повинен, ибо «мёртвые срама не имут»...

В заключение нельзя также не отметить, что теперь, спустя почти три года после кончины А.К. Алчевского, страсти людские достаточно улеглись и память о нём, о его деятельности начинает получать справедливую оценку и должную реабилитацию; Юг России и Донецкий бассейн, которому он столько послужил, пробудив в финансовой и промышленной жизни, уже признают за ним право на благодарность, не только современников, но и потомства. На днях ещё это выразилось особенно рельефно тем, что станция железной дороги, у которой находится основанный им Донецко-Юрьевский завод, переименована и названа по фамилии творца завода – станция Алчевское.

Монограмма А. К. Алчевского

В.Д. Белова – автора книги об А.К. Алчевском всё же удалось найти. И не в Москве, где выходила книга, а в нашем городе. Он оказался Председателем Администрации кредиторов завода ДЮМО и, конечно, хорошо знал Алексея Кирилловича Алчевского.

Упоминается о нём в «Отчёте администрации завода за 1907 г.», где сказано: «Весной этого года долголетний председатель Администрации Василий Дмитриевич Белов вследствие продолжительной болезни был вынужден сложить с себя обязанности Председателя. Администрация считает своим долгом высказать перед Вами, Милостивые Государи, крайнее своё сожаление по поводу принятого В.Д. Беловым решения и просит Вас выразить Василию Дмитриевичу признательность господ кредиторов за его долголетнюю и полезную деятельность...».

Остаётся лишь присоединиться к мнению господ кредиторов и выразить признательность В.Д. Белову за то, что он рассказал нам о жизни и деятельности А.К. Алчевского. И этим заложил первый камень в его будущий памятник.

Думаю, что публикация тогда в городской газете очерка В.Д.Белова об Алчевском сыграла определённую роль в формировании общественного мнения об основателе завода ДЮМО и возникшего возле него посёлка, впрочем, как конечно и другие публикации о нём и его потомках, не только мои, но и других авторов. Благодаря чему, наверное, на городском референдуме большинство жителей города проголосовало за возвращение ему первоначального названия – Алчевск.

(Ю.Белов, 2007 г.)

Станция Алчевское, 1900-е годы.

Из научного отчёта о работе в Сумском, государственном архиве научного сотрудника Алчевского исторического музея Л.И.Слюсаренко.

С целью разыскать материалы о семье Алчевских, были рассмотрены следующие документы:

«Алфавитная книга городских обывателей».

В этом документе сведений об Алчевских не обнаружено.

«Метрическая книга» 1855-1859 гг.

В этом документе сведений об Алчевских не обнаружено.

«Свидетельства и клятвенные обещания вступивших в брак».

В этом документе сведений об Алчевских не обнаружено.

«Книга записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших».

В этом документе сведений об Алчевских не обнаружено.

«Списки лиц, арендующих городские лавки».

В этом документе сведений об Алчевских не обнаружено.

«Книга обывателей г.Сумы».

В этом документе сведений об Алчевских не обнаружено.

«Дело об убытках церквей и притча г. Сумы от пожара 22-23 августа 1839 г.».

Сведения обнаружены.

Утро 22 августа 1839 года было обычным, кажется, ничто не могло потревожить, нарушить размеренный и привычный ритм жизни уездного города. Но с первыми лучами солнца вернулась надоевшая жара, в сухом воздухе повисло ощущение тревоги.

Сумские старожилы, уже не раз поглядывая на безоблачное небо, и переминая в натруженных пальцах высохшую землю, поговаривали: «Быть беде». Давно они не помнили такого жаркого лета. Мещане и обыватели готовились потуже затянуть пояса, но знали, что беда не приходит одна, и ожидали самого худшего...

Сумы сегодня

Вспоминали бывшие страшные пожары, а они были частыми в Сумах. Даже метрические книги в целях сохранности велись в трёх экземплярах. Одна - в церкви, вторая - в духовном управлении, третья - в консистории. Опасения были не напрасными.

В 1694 году сгорела деревянная Преображенская церковь, и на её месте поставили новую, но лишь в 1776 году началось строительство каменного храма, которое длилось двадцать лет. На его постройку делали пожертвования многие

представители дворянства и купечества. В 1791 году сгорела Ильинская церковь, построенная ещё в 1705 году. И вновь, по указу консистории, было возведено деревянное

здание. Но оно не было защищено от пожара, и в 1836 году заложили каменную церковь.

Даже двухэтажная Воскресенская церковь, построенная в 1702 году на пожертвования полковника Андрея Герасимовича Кондратьева, пострадала от пожара 1791 года. Сгорела крыша и украшения внутри храма. Лишь в 1808 году она была вновь полностью отстроена и обнесена оградой.

Была это скорее крепость, и строители имели в виду использовать её в случае нападения татар. В верхней части церкви можно было безболезненно выдерживать длительную осаду. Стены были очень толстые, а проникнуть в верхний ярус можно было лишь через ход, идущий внутри стен, а был он очень высоко над землей.

Под стать этой крепости-храму был и Покровский собор. Высоко в небе плавись на солнце его золотые купола. С колокольни открывался вид на весь город, далеко разносился звон старинных колоколов.

И вот в пугающей тишине ударили к заутренней в Преображенском соборе, ему вторили колокола Троицкой, Ильинской и Воскресенской церквей. В эту стройную музыку вплетался перезвон церкви Рождества Богородицы, заглушая одинокий и печальный голос с колокольни Введенской церкви, которая виднелась за рекой Сумой.

Наступил понедельник, начиналась трудовая неделя, и горожане уже потянулись на службу. К полудню поднялся ветер. Он появился внезапно, предвещая бурю, и носил по пустынным улицам пыль и мусор, пригиная деревья. И вот в Покровском приходе от сарая сумского цехового Емельяна Ольховикова потянуло гарью и метнулось пламя...

Пожар обошёл, не тронул Покровскую церковь, но сгорело около двадцати дворов. Огонь не выбирал, и пострадали жители всякого звания и сословия. Лишь к вечеру удалось остановить стихию. Погорельцев с уцелевшим скарбом разместили в ближайших домах. Но не успели подсчитать потери, как на другой день, 23 августа, почти в то же время в 11 часов утра пожар вспыхнул с новой силой, но уже от сараев здешнего городскогоничего Мацкевича и титулярного советника Сукача. При сильной буре он до того вдруг увеличился, что за несколько минут весь центр города и вся Засумка (район за рекой

Сумы в начале XX века

Сумой) были объаты пламенем. Горели даже каменные дома. Тщетны были попытки горожан остановить огонь, он подступал к Преображенскому собору. Пламящее кольцо неумолимо сжималось... Вот уже с северной стороны загорелась недавно построенная деревянная решётчатая ограда и затрещали от огня дубовые западные двери. Огонь ворвался внутрь храма, и загорелись полы. Едкий дым поднимался к куполу, скрывая темные лики святых и золочёный иконостас. Казалось, ещё немного и громадина храма Преображения Господнего вспыхнет, как свеча.

Толпа любопытных и зевак стояла поодаль, ожидая, когда огонь поглотит святыню.

Спасти собор было невозможно, вокруг горели сотни домов. Перед разыгравшейся стихией все попытки были тщетны и человек бессилен. Но вдруг толпа ахнула и отшатнулась, осыпая себя крестным знаменiem. Какой-то смельчак, прикрыв лицо, кинулся в горящее чрево храма. Когда он вновь появился в дверях с обожжённой бородой и узлом церковного добра, его сразу узнали. Человек он был в городе известный и уважаемый. Ещё не раз бросался он внутрь храма, и росла во дворе грудa старинных книг, икон, церковной утвари.

В тот же день весь город узнал его имя и с благодарностью передавал из уст в уста. Это был церковный староста купец Кирилла Алчевский. Он спас церковное добро, но его собственный дом и всё имущество сгорели дотла. Пожар уничтожил почти триста дворов. Где-то рядом с Кириллом Алчевским была, наверное, его жена и двое сыновей. Младшему Алексею - будущему промышленнику и банкиру было тогда четыре года.

А. К. Алчевский в молодости

В 1785 году по указу Екатерины II на основании жалованной грамоты «На права и выгоды городам Российской Империи» была создана Сумская городская Дума. Создана она была в интересах купечества и собиралась один раз в три года. Общегородская Дума избирала исполнительный орган - шестигласную Думу (по 1 гласному от каждой группы населения). Председателем её был городской голова, который избирался на 4 года.

23 февраля 1886 г. проходило обычное заседание городской Думы, обсуждались вопросы хозяйства, здравоохранения, народного образования. В конце заседания Городскому Голове была подана записка от гласного О.Е.Овчинникова. В ней говорилось о желании найти какой-либо способ чествования памяти, накануне умершего в Харькове, выдающегося по своей деятельности на пользу г. Сум, местного гражданина Николая Кирилловича Алчевского.

Нам ничего неизвестно о старшем брате Алексея Кирилловича, кроме того, что он получил хорошее для своего времени университетское образование, которое Кирилла Ал-

чевский уже не смог дать младшему сыну. Не пожар ли был этому причиной, после которого дела его пришли в упадок. Алексею Кирилловичу пришлось ограничиться церковно-приходской школой Преображенской церкви, где его отец был старостой.

В Сумах хорошо знали Николая Кирилловича. Он был членом Попечительного Совета Думы и был известен своей благотворительностью. Гласный О.Е.Овчинников предлагал поставить памятник Н.К.Алчевскому от имени городского общества. Это не нашло возражения в Думе, но «по недостаточности средств» сделать это было невозможно. Родственники умершего (возможно это был Алексей Кириллович) готовы были сделать это на свои деньги, но был ли поставлен памятник неизвестно.

В послесловии к этой публикации писалось: *«Казалось, какое отношение имеет к нашему городу пожар в Сумах, и желание Городской Думы поставить памятник Николаю Кирилловичу Алчевскому. Но вспомним, что ещё недавно имя Алексея Кирилловича произносилось с самыми нелестными эпитетами и его приходилось очищать от обывательских представлений о «буржуях» и промышленниках. Да и все его благие деяния приписывались Христине Даниловне и её влиянию на мужа. Но мы уже знаем, что ещё, будучи в Сумах, он основал первую там народную библиотеку, любил поэзию и сам писал стихи, возглавлял в Харькове общество «Громада», оказал большое влияние на свою молодую жену и это на его деньги возводились школы и воплощались все её просветительские начинания. События в Сумах ещё раз подтверждают, что все его дела во благо народа были в традициях семьи Алчевских. И его отец, и брат были такими же патриотами своего отечества. В следующем году исполняется 100 лет нашему городу и 160 лет со дня рождения Алексея Кирилловича Алчевского. Надеюсь, что об этом вспомнят не только в городе, который носит его имя, но и на родине Алчевского в Сумах, там, где зарождались первые ростки его будущей деятельности».**

*В Сумах, к сожалению, я никогда не был. Хотел побывать в этом году и пройти по местам связанным с Алчевским, но так и не получилось. Фотографии для этой публикации я взял с городского сайта Сум и старого путеводителя. Пусть меня простят жители этого города, если я в своём рассказе что-то напутал. (Ю.Белов, 2007 г.).

5 марта торжественно отслужили панихиду по усопшему, на которую были приглашены особыми письмами все гласные Думы и представители местных учреждений. Городской Голова выразил соболезнование вдове, и все расходы записал на счёт города. К сожалению, это всё, о чём рассказали старые документы.

Сумы сегодня

Мы не знаем, как выглядел купец Кирилл Алчевский, и его старший сын, но сохранились фотографии Алексея Кирилловича. Одну из них, удалось разыскать совсем недавно.

Это самый ранний из известных снимков, возможно, он связан ещё с пребыванием Алчевского в Сумах. Лишь только намечены в этом молодом лице те черты, которые уже знакомы нам по более поздним фотографиям. И мешковато сидит «пиджак», как бы с чужого плеча, но твёрд и уверен взгляд и вся его фигура, и характерный жест левой руки выдают сильную и незаурядную личность. Так он вступал в жизнь, таким мы видим его впервые.

Какие перед ним дали и рифы в бурном житейском море?

Мы-то знаем, чем закончится это трудное плавание.

«Один завет тебе даю вперед: так правь страной, чтоб счастлив был народ»

АЛИШЕР НАВОИ.

Эти слова были предложены известным харьковским архитектором А.Н. Бекетовым для памятника Алишеру Навои в Ташкенте. Его проект победил на конкурсе, но памятник так и не появился - помешала война. Его поставили уже позже, но по другому проекту. А тогда, в 1941 году, Алексей Николаевич ещё не знал, что это была его последняя работа, что это был последний год его жизни...

Публикацию этого материала в городской газете предваряли добрые слова в мой адрес сказанные А. Г. Шеворыкиной, опытным журналистом, отзывчивым и прекрасным человеком. Мне бы хотелось их сохранить, даже если это кому-то покажется не скромным. И не только потому, что не часто услышишь хорошие и искренние отзывы от коллег, но и для того, чтобы отдать дань памяти писавшей эти строчки, поскольку её уже нет среди живых.

«Я - журналист с большим стажем, но «белой» завистью завидовала авторскому коллективу «Коллажа», где «первую скрипку» играл Юрий Евгеньевич Белов. И все 33 выпуска подшила и бережно храню.

Художник по образованию, историк по призванию, страстный коллекционер, Юрий много ездит по стране, рисует, собирает вещи, может, не всегда имеющие столь денежную ценность, сколь историческую и культурную, по крупицам восстанавливает историю родного города - Алчевска.

Жалею, что он отказывался от должности главного художника города (а его не раз приглашали). Может, тогда бы наш Алчевск не был таким мрачным и не расселись бы серые железные «избушки-лари» на каждом перекрестке...

Каждый выход «Коллажа» был событием городского значения, хотя авторский коллектив иногда «заносило» влево или вправо от годами вдалбливаемой нам исторической истины. Даже у нас, журналистов, не было единого мнения на отдельные публикации, но честно - мы тоже, как и читатели, жалеем, что нет больше этих краеведческих страничек, где Юрий Евгеньевич проявил себя и исследователем, и политиком, и художником, и журналистом - страстным и бескомпромиссным.

Сейчас Белов находится в творческой командировке в г. Алуште. И мы предлагаем его новые исследования, присланные из Крыма, но связанные с семьёй Алчевских. И поздравляем с вступлением в творческий Союз журналистов Украины».

А. ШЕВОРЫКИНА

ответственный секретарь городской организации Союза журналистов Украины.

Если летом вам посчастливится отдыхать в Алуште, не поленитесь пройти по бесконечно длинной набережной в так называемый «Рабочий уголок». Пусть вас не пугает название, ведь прежде, до революции, он назывался «профессорским». Конечно, такое название не могло сохраниться в стране победившего пролетариата. Когда-то здесь начали строить свои дачи профессора Харьковского и других университетов. Среди них был и Николай Николаевич Бекетов (1827-1911г.г.) - основоположник современной физической химии, преподаватель Харьковского университета, а с 1866 года - академик Петербургской Академии наук.

А. Н. Бекетов

Летом со своей семьёй он приезжал в небольшое имение в Алуште. Отдыхал здесь и его брат Андрей Николаевич - дед Александра Блока, с именем которого связано создание отечественной школы ботаников-географов.

Легендарный Денис Давыдов был когда-то влюблен в сестру братьев Бекетовых. Александра Андреевна - мать Александра Блока, дочь Андрея Николаевича Бекетова, конечно, тоже бывала на даче в Алуште. Может быть, от неё у великого поэта сохранилась почти детская любовь к морю. Он часто рисовал море и кораблики, а своей двухлетней крестнице Марине как-то подарил прекрасную, как он считал, игрушку - корабль. Александра Андреевна обладала живым воображением, хорошим слухом к стихам и чудным вкусом. Она была первым судьёй Александра Блока, и он считался с её мнением. В ней было удивительное сочетание нежности и строгости в

первую очередь к самой себе. Женщина она была решительная и сильная, ведь отца поэта Александра Львовича Блока - человека талантливого, но деспотичного она оставила ещё, когда была беременна, и великий поэт родился уже после их развода. Не зря, видно, на гербе Бекетовых была изображена рука с мечом и аист - символ силы и мудрости.

В 1895 г. Николай Николаевич подарил небольшой участок земли своему старшему сыну Алексею (у него было ещё четверо детей - Владимир, Пётр, Николай и Екатерина, а у Николая была дача в Гурзуфе, где в своё время гостили Шаляпин и Горький).

По своему проекту Алексей Николаевич построил на этом участке дом, который однажды зимой сгорел. И тогда появилось новое, небольшое здание, двухэтажное, с причудливыми башенками - дом в мавританском стиле. Утопающий в зелени кипарисов, он сохранился до наших дней. В нём находится музей академика архитектуры Алексея Николаевича Бекетова.

Поднимитесь по старым, каменным ступеням, которые помнят так много людей, чьи имена связаны и с нашим городом. Не спешите, прислушайтесь к дыханию времени, здесь всё такое же, как и сто лет назад. Прикоснитесь к деревянным, ажурным перилам, к прохладному металлу старинной дверной ручки, откройте дверь... Вам будут очень рады, если узнают, что вы из города, который носит имя Алексея Кирилловича Алчевского. Здесь помнят о нём, о его детях и потомках. Собирают сведения о них и поддерживают тесные контакты с нашим городским музеем.

Многое из того, что удалось разыскать сотрудникам музея, надеюсь, будет интересно и жителям нашего города.

Начиная этот рассказ, нельзя обойти молчанием основателя этого дома - архитектора Алексея Николаевича Бекетова.

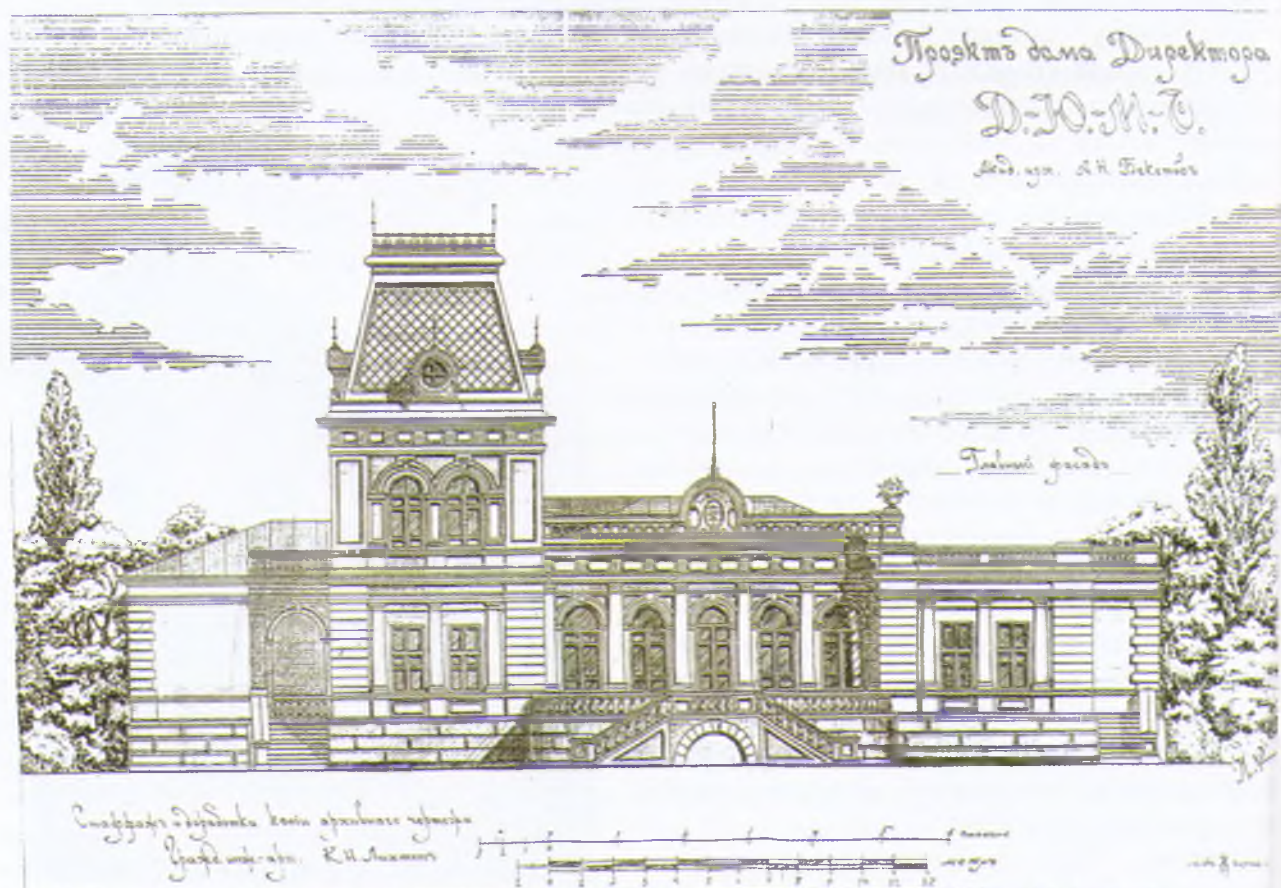
Алушта. Дом-музей А. Н. Бекетова

Алексей Николаевич родился 3 марта 1862 г. в Харькове. После окончания реального училища поступил в Петербурге в Академию художеств на архитектурный факультет и в 1888 г. окончил его с Большой золотой медалью. В 1894 г. ему было присуждено звание академика архитектуры, и в этом же году он был избран в число действительных членов Академии художеств. В 1898 г. - присвоено звание профессора, а в 1899 - учёная степень доктора архитектуры. Он преподавал в Харьковском технологическом институте, художественном училище (ныне художественный институт) и в инженерно-строительном институте. Под его руководством было подготовлено несколько поколений инженеро-строителей и архитекторов. Но и деятельность его как архитектора была исключительно плодотворна. Только в Харькове по его проектам сооружено более 40 монументальных, общественных и жилых зданий. Строил он также в Киеве, Ростове на Дону, Баку, Гагре... и в нашем городе.

В своих проектах он следовал традициям ренессансного и русского классического зодчества. Его постройки отличаются прекрасными пропорциями, совершенством композиций. Он смело применял новые, прогрессивные для своего времени материалы и конструкции, добивался высокого качества исполнения, что обеспечивало долгую жизнь его творениям. Многие города гордятся зданиями, созданными А.Н. Бекетовым, большинство из них является памятниками архитектуры конца XIX - первой половины XX веков.

Кроме того, он был замечательным художником-пейзажистом. В 1939, 1946, 1962 и 1969 годах в Харькове проходили его персональные выставки. Несколько прекрасных пейзажей хранятся и в Алуштинском музее. Здесь же его последняя незаконченная работа - морской берег, а рядом на мольберте тонко написанный натюрморт с цветами. Но, воз-

А. Н. Бекетов — проект дома директора завода ДЮМО в Алчевске (Копия — архитектор К. Лахтин)

Анна Алчевская

можно, принадлежит он кисти другого художника - его друга, бессменного секретаря, любящего спутника всей его жизни, его жены, Анны Алексеевны - старшей дочери А.К. Алчевского. Она тоже училась живописи в Петербурге. Здесь они познакомились и поженились в 1899 году. Молодому, талантливому архитектору было 27 лет, Анне - 21. В это время по проекту Бекетова строится дом Алчевских в Харькове, появляются постройки и в других городах. Самые первые - посёлок на Юрьевском заводе. Не трудно догадаться, что это Старая и Новая колонии, а также «производственный корпус». Возможно, это здание сталелитейного цеха, в котором работал Ворошилов. Правда, если следовать хронологии, то Климент Ефремович к году постройки цеха уже уехал из нашего города, возможно, он работал в другом здании, которое ранее находилось на этом месте.

Архитектура сталелитейного цеха напоминает другие постройки Бекетова, особенно здание вокзала в Дебальцево. Дом директора завода ДЮМО - Жоржона также создан по его проекту. Позже, в 1921-22 годах, появились жилые дома, общежития, столовые, клубы для шахтёров в Горловке, Кадиевке и других городах Донбасса, дом отдыха и корпус университета в Донецке (1932-1936), клуб-театр для рабочих в Луганске (1927 г.).

Алексей Николаевич и Анна Алексеевна счастливо прожили вместе 42 года. У них было четверо детей. В 1890 году родилась Христина Алексеевна. Она прожила 82 года и умерла в 1972 году. Вторым родился Николай Алексеевич (1891-1964), затем Мария (1893-1921). Елена Алексеевна Бекетова-Рофе родилась в 1895 году. Когда мы начинали выпуск «Коллажа», она была ещё жива, но тяжело болела. И встретиться с ней тогда не удалось. Умерла она в 1990 году в возрасте 95 лет. В Харькове живут её сыновья - Фёдор Семёнович и Владимир Семёнович. Летом они приезжают на дачу в Алуште (флигель дома А. Бекетова остался их собственностью). Они вспоминают: «У Алексея Николаевича в Алуште была небольшая парусная лодка «Альта», на которой семья совершала прогулки. Бабушка (Анна Алексеевна) укачивалась и, чтобы приучить себя к морской качке, по часу и два просиживала в лодке». Прожила она мало, всего 63 года. Умерла в Алуште в 1931 году.

Хиромант по руке как-то нагадал ей: гора, экипаж, подъём в гору... Это так похоже на её последний путь... Гора Демерджи и крутая дорога на старое кладбище. Здесь, в Алуште, она и похоронена. Могила сохранилась. Небольшой холмик, простой железный крест и плита с надписью...

Вспоминая детей и потомков Алчевского, понимаешь, как мало мы о них знаем. Сколько ещё белых пятен на этом родословном древе, которое принесло такие бесценные плоды своему Отечеству.

Анна Алексеевна и Алексей Николаевич Бекетовы

"Это были глухие годы..."
(З.Гиппиус, из воспоминаний)

«Положение России тяжело и, по-видимому, безысходно. Полная неразрешимых противоречий, как в просвещении, так и в государственных делах, Россия остаётся сама с собою перед фактом духовного упадка и экономического разорения народа. Пугающая нагота, этого факта, общая беспомощность перед ним ещё увеличиваются тем, что помощи ждать, по-видимому, неоткуда... Всеобщая историческая гибель открывается ныне с возрастающей и грозной ясностью»,

(Из речи В.Тернавцева, 1901г.),

Алексей Кириллович оделся, непослушными пальцами пытаясь справиться с запонками. В голове стоял тяжёлый туман, в висках стучало, мрачная предрешённость окутала его, сковала волю. Бессонная ночь не принесла облегчения, не дала ответа на мучивший его вопрос, а грядущий день не обещал перемен, нес новые страдания. Первые лучи, проникая в полумрак комнаты, мучительно обжигали сознание, причиняли боль. Он уже - не мог это видеть, понимая, что не отступит, и на этот последний, трудный шаг сил у него ещё хватит. Он пытался понять, в чём же его вина, почему все благие помыслы и дела так безжалостно обрываются. Ответа не было, иначе он прожить жизнь не мог, и не хотел. Значит - такова судьба. Под утро, проваливаясь куда-то в пустоту, увидел залитый солнцем склон, утопающий в зелени дом на Екатеринославщине. Как хорошо им было тогда вдвоём. Он ещё только мечтал о больших делах, показывая местным крестьянам, как рыть неглубокие шахты, а Христина обучала деревенских ребятишек грамоте. Кто мог предвидеть такой конец. Видение исчезло, оставив в воздухе горький запах полыни, и снова темнота, а у постели вся его семья: жена, дети, застывшие, как на старой фотографии, и сам он среди этой молчаливой группы с дочуркой на руках смотрит на себя, измученного, подавленного, постаревшего. И вот уже не он, а дивный ангел с серебряными крыльями, которые рассыпаются брызгами звёзд, манит, зовёт его с собой и тает, исчезает в ажурной раме окна. И так велико желание уйти в эту немую пустоту, избавиться от бесконечных мук, вырваться из этого тупика, куда его привела дорога жизни и откуда нет выхода.

Алексей Кириллович Алчевский

Светало... В густом сумраке комнаты обозначились контуры предметов. За окном открывалась панорама ещё спящего города. В бесконечной глубине медленно гасли мигающие лампы звёзд. Край неба уже тронул нежный румянец. На сером небосводе, как на старом запылённом холсте, проступала вечная живопись. Казалось, невидимый мастер наносил первые уверенные мазки, покрывал тусклый фон прозрачными, светлыми красками, прорисовывал дали ...

Расцветал и преображался древний занавес, скрывающий неведомое. Из таинственной глубины медленно и страшно поднимался кривой, как турецкий ятаган, как неотвратимое знамение, как топор палача, кровавый лоскут солнца - безжалостное божество, пылающая рана ... Как угли в потухающем костре загорались в тумане далёкие шпили и купола. Нарастающая музыка красок преобразила величественную картину большого города.

Последним мощным аккордом, в этой грозной симфонии вспыхнул и запылал купол святого Исаакия.

Петербург просыпался. Наступал новый день — понедельник, 7 мая 1901 года.

Вы, конечно, понимаете, что всё это живописное обрамление «сухой» даты смерти Алексея Кирилловича «шито белыми нитками». Как же может быть иначе, если об этом так мало известно. Со временем, наверное, откроются новые факты, если их удастся разыскать в архивах, и тогда это «обрастёт реальной плотью», но никогда мы уже не узнаем, о чём он думал тогда. А пока остаётся лишь гадать, иначе трудно приблизиться к тем трагическим событиям, попытаться их понять. Знал бы Алексей Кириллович о том, что так заинтересует потомков, оставил бы подробный отчёт. Но не до этого ему было, да и не надеялся видно, что о нём вообще вспомнят. Его дочь Христина писала через два года после смерти отца: «Мати залишилась без людини, що дала їй спроможність присвятити цілком усе життя школьній діяльності. Тато частенько казав: «Твоя праця ідеалістична й велика, роби так завжди, а моя проза життява... І він гірко усміхався, гадаючи, то після його смерті ніхто не пошанує й не зрозуміє його життя»... Но прошло время, и вернулся из небытия основатель нашего города. Не будем особенно умиляться, возвращением своим Алчевский во многом обязан очередной конъюнктуре, новой моде на промышленников и банкиров. Но не должно это лечь пятном на его имя, на самом деле достойное памяти.

Выходя из комнаты, в тумане зеркала Алексей Кириллович увидел своё лицо, неузнаваемое и чужое от пережитого в эти дни. В полумраке выделялись провалы глазниц, как на старых иконах, навевая мрачные фантазии. Он отогнал ненужные мысли, вспомнил последнюю встречу с Витте, как наотрез отказался ради собственного выживания ужесточить эксплуатацию рабочих. Не смог, не захотел перечеркнуть свои идеалы, остался верен себе, но дорогой ценой. И теперь он должен ехать в Харьков, потеряв последнюю надежду на финансовую поддержку, на государственный заказ и на какую-то

Петербург. Исаакиевский собор

возможность выйти из тяжёлого положения. Он понимал, что это конец, крах, и не только для него. Десятки, сотни людей стояли за делом, которое он возглавлял - мелкие вкладчики, акционеры, служащие, рабочие и их семьи... Его крушение станет и их трагедией. Он не сможет подняться и начать всё сначала, на это уже нет сил. Практически ему уже давно ничего не принадлежало. Те три миллиона в акциях, которые ещё оставались, обесценивались с каждым днем. И полное банкротство было всего лишь вопросом времени. Он знал, что сделал всё возможное, ему не в чем было себя упрекнуть, но от этого было не легче.

Когда пытаешься представить эти события, почти вековой давности, «спотыкаешься» на каждом шагу. Вопросы, как подводные рифы, подстерегают в самых неожиданных местах, не дают двинуться вперед. Даже незначительные, они становятся неразрешимой преградой. Неизвестно, что делал Алчевский с 4 по 7 мая, после последнего отказа Витте, что пытался предпринять и, наконец, чем объяснить фразу из предсмертного письма А.Л.Гродецкому: «Как мне тяжело, что для того, чтобы умереть, я должен был обмануть вас и Гриця». Что же это за ложь, которая мучает его? Можно предположить, что он придумал какой-либо повод, чтобы остаться одному, опасаясь, что ему помешают совершить задуманное. Например, «вспомнил» о важной встрече, обещая ждать сына Григория на вокзале. Искать бы его стали на старом Николаевском вокзале, откуда можно попасть, и Харьков, а не на Варшавском, хорошо знакомом ему по поездкам в Царское Село. Но какой нравственной чистоты должен быть человек, который переживает перед смертью по такому «пустяку». А если он оказался там не случайно и это был последний крик о помощи, попытка ценой жизни спасти тех, кто за ним стоял, бросить под ноги царю своё истерзанное тело, ведь умереть тихо и незаметно он мог и в гостиничном номере. Согласитесь, способ, который выбрал Алексей Кириллович, не из приятных, существуют и более гуманные. Может быть здесь «загадка» Царско-Сельского вокзала. Но понять это трудно, не делая «поправок» на время. Для дореволюционной России, с её нравами и настроениями, такой уход из жизни не был редкостью. Множество примеров тому. Разочарование, несчастная любовь, семейные драмы... Вспомним хрестоматийный образ Анны Карениной. А вот и совсем похожий случай, о нем пишет юрист М.Н.Гернст в книге «Смертная казнь». Он ссылается на заметку в одной из старых газет: «На петербургской станции финляндской железной дороги покончил с собою, бросившись под отходящий поезд, 50 - летний священник Таврической епархии о. Александр Пономарёв. Он положил свою седую голову на рельсы, и колеса паровоза её отрезали. Старик приехал в С.-Петербург хлопотать о смягчении смертных приговоров Екатеринославского суда. Потрясённый отклонением ходатайства, он покончил с собой...»

Как и в «Анне Карениной», старик положил голову на рельсы. Кажется ненужные подробности, но Алчевский не мог позволить себе умереть таким образом. Он не склонился, даже поверженный, принял смерть, глядя ей в глаза. Может быть для него эта грохочущая громадина, символ минувшего века, был достойным противником. Как вспоминает его внучка Вера Алчевская-Щербакова, он «кинулся» под поезд. Алексей Кириллович знал, чем закончится этот неравный «поединок»...

Петербург. Варшавский вокзал. 1900-е годы

И когда говорят: «А нужен ли памятник самоубийце, их даже не хоронили на кладбище по христианским обычаям», хотелось бы напомнить - хоронили. Алексей Кириллович был погребен на старом Харьковском кладбище. Там и лежат его останки под ногами прохожих, лужайками и аллеями устроенного здесь молодёжного парка. В 70-е годы, когда уничтожили кладбище, промышленники и банкиры были не в чести, и о нём просто «забыли». Но это место ещё можно разыскать. Сохранились и фотографии похорон. Думаю, что современникам Алчевского христианские обычаи были известны не хуже нас.

Смерть его была не только трагической, но и мучительной. Не знаю, нужно ли об этом писать, но думаю, что иначе трудно попятить весь ужас постигшего его несчастья. Алексей Кириллович не погиб тогда под колёсами поезда. Ему отрезало ноги, и он скончался через несколько часов в одной из петербургских больниц, не приходя в сознание.

Говорят, что машинист паровоза узнал Алчевского, ведь он был человеком известным, пытался остановить поезд, но безуспешно... В то майское утро, готовый к самому худшему, Алексей Кириллович об этом ещё не знал.

С вечера прошёл дождь, блики от фонарей тускло мерцали на мокром граните. На улицах было одиноко и пустынно. Он шёл, не зная куда, не замечая редких прохожих. Ноги привели его па Дворцовую площадь. Где-то здесь решалась его судьба. Унылой казармой простиралась перед ним громада Зимнего. Часовой у колонны проводил его скупаящим взглядом. Высоко в небе ангел нёс большой, тяжёлый крест...

Семья Алчевских:

Анна, Григорий, Дмитрий, Николай, Иван, Алексей Кириллович
с Христей на руках и Христина Даниловна
(около 1885 года — Христя родилась 16 марта 1882 года)

На углу Невского он окликнул извозчика. У трактира несколько бородачей грелись киячком из бочки, их специально ставили в таких местах, как бесплатное угощение для извозчиков и бедняков. Лошади понуро ожидали седоков. Он отметил это, как-то не задумываясь, скорее по привычке замечать всё, что могло пригодиться.

Извозчик был уже на облучке, в чёрном кожаном цилиндре и подбитом ватой армяке. Приказав ехать на Варшавский, он тут же забыл обо всём, ушёл в свои мысли, которые не находили покоя в его воспалённом мозгу. Но уйти от них, от самого себя было невозможно. Под мерный цокот копыт вспомнил далёкое детство. Выплыла из памяти забытая картина - степь, медленно покачиваются волны, впереди на возах кто-то невидимый тянет заунывную песню, бесконечную, как этот чумацкий шлях. Дед жесткой, тяжелой рукой гладит его голову и всё говорит, говорит... О том, какая богатая, щедрая земля, какие просторы, края не видно и сокровища лежат прямо под ногами, только взять их некому. Не родился видно ещё тот человек, кто покорил бы эту землю, заставил бы её служить, людям. Гнёт спину каждый на своём клочке, но разве так много сделаешь, размах нужен...

Дед посасывал старинную казацкую люльку, вглядывался в розовеющую даль, а ему рисовались картины одна прекрасней другой. Вот он, словно сказочный богатырь, пронесётся над этой дикой степью, и там, где проскакал его конь, всё преобразается, цветут сады, стоят большие и красивые дома, и кругом счастливые лица.

Он не замечал, как проезжали дворцы, доходные дома, мосты, церкви. Сверкали витрины магазинов, модных салонов, ресторанов, аптек. Аршинными буквами пестрели вывески удачливых фабрикантов и преуспевающих иностранцев. Рекламировали коньяки Шустова и граммофоны, лучшие в мире машинки «Зингер» и шоколад Жоржа Бормана, велосипеды и экипажи. Назойливая реклама, как плесень покрывала дома, «съедала» и барокко, и рококо. Возле Гостинного двора, несмотря на ранний час, было уже многолюдно. Прямо на улице шла торговля сладостями, игрушками, воздушными шарами. Проехали разъезд однопутной петербургской конки.

На Аничковом мосту он увидел большую, полутораметровую кружку для сбора пожертвований, а рядом у набережной Фонтанки на двух баржах электростанцию - одно из чудес наступающего века.

Петербург. Гостиница «Гранд Отель Европа» — бывшая «Европейская», в которой останавливался А. К. Алчевский в 1901 году

Все эти, мелочи Петербургского быта помог нам представить художник. Василий Андреевич Меньшиков. Его многолетний труд - 15-ти метровая панорама Невского проспекта изображает город на Неве начала века. По счастливой для нас случайности он по старым документам и фотографиям воссоздал панораму Невского года своего рождения - 1901-го. До него только крепостной художник Садовников совершил такой труд, но у

него столица на Неве ещё пушкинского времени. А здесь 1901 год - Петербург Алчевского. Теперь мы знаем, что мог видеть Алексей Кириллович в то утро - 7 мая 1901 года.

Извозчик лихо подъехал к зданию вокзала. Пролётка остановилась прямо у высоких ступенек. Он покосился на седока, оценивая, много ли заплатит. По виду барин «сурьезный», такой и двухгривенный не пожалеет, а гляди и целковый накинёт. Алексей Кириллович полез за мелочью, но, вспомнив о чём-то, вынул хрустящую бумажку и не глядя сунул в руку опешившему бородачу. Не сказал, выдал из себя: «Помяни раба божьего Алексея», и уже уходя, глядя куда-то мимо мутными невидящими глазами, так что и не расслышать вовсе, уже себе самому, одними пересохшими губами: «Невинно убиенному...» И ушёл, растворился в пёстрой вокзальной толпе.

Извозчик испуганно перекрестился, глядя на ассигнацию, и, стегнув лошадь, погнал её от опасного места.

Дальше нам будет трудно следовать за Алексеем Кирилловичем, лучше оставить его одного в эти тяжёлые минуты. Нет свидетельств, и нет свидетелей, можно лишь пытаться пройти сквозь время, смешаться с толпой отъезжающих дачников, увидеть у входа в вокзал его мертвенно-бледное лицо.

Все это можно представить, но уже нельзя удержать от этого рокового шага в вечность, и бессмертие, под тяжёлые жернова колёс. Вот он проходит по перрону и смотрит на дымок паровоза,* который отсчитывает последние минуты его жизни. Его узнают, кто-то поворачивается, жандарм почтительно кланяется, останавливается разносчик газет, на углу скучает продавец цветов. Пока ничто не нарушает привычную суматоху.

Он входит в здание вокзала и здесь за столиком, у окна, в зале ожидания первого класса, пишет письмо служащему Земельного банка А.Л. Гродецкому:

«Варшавский вокзал 7 мая.

Дорогой, добрейший Антонин Людвигович! Как ужасно я кончаю! Простите, простите все!.. Если Христина Даниловна останется в живых, помогите ей, чем можете. Как мне тяжело, что для того, чтобы умереть, я должен был обмануть и Вас, и Гриця. Помогите бедному Грицю поскорее выехать в Харьков!.. Как велико несчастье!.. Сколько людей я погубил, не исключая и собственных детей!.. Такова судьба! А.К.»

Алексей Кириллович отложил письмо. Это было последнее, что он мог сделать для тех, кого знал. С этой минуты счёты с жизнью были покончены. Время пошло вспять. Но оставалось самое трудное, без чего он не мог уйти из этого мира. Сдерживая волнение, он взял чистый лист бумаги, обмакнул перо в густые чернила, и с трудом различая белый прямоугольник в застилающем глаза тумане, твёрдой ещё рукой вывел первые короткие строчки:

«Варшавский вокзал 7 мая 1901.

Дорогой мой сын, дорогой мой Гриць!»...

* «Он был на перроне Варшавского вокзала. Вечерело. Только что подали дачный поезд. В ожидании звонка, он гулял взад и вперед по замызанной платформе» - Владимир Набоков «Машенька». Через три года, 15 июля 1904 года, здесь, у Варшавского вокзала, будет убит бомбой министр внутренних дел В.Плеве. (Ю.Белов, 2007 г.).

В комментарии к фотографии А.К.Алчевского, впервые помещённой тогда в газете (до этого жители города не представляли, как он выглядел), я писал: «Глядя на эту фотографию, мы можем представить, как выглядел А.К.Алчевский в последние годы жизни. Такое лицо трудно забыть и невозможно отвести, глаз от его твёрдого, проникающего взгляда. Это лицо человека не случайного в своём деле, крепко стоящего на ногах. Оно отражение целой, эпохи, её осколок. Это глыба, kloкочущий вулкан, сгусток мощной энергии, которая бьётся и пульсирует в этой мёртвой фотографии, далекое эхо навсегда ушедшего времени, обломок старого мира... Такие лица шлифуются годами, как прибрежные камни, принимая удары судьбы, как редкие алмазы, чтобы стать гордостью отечества. Это лицо полное внутреннего достоинства, а не пошлого мещанского чванства, книга, которую нам до конца уже не прочесть и не понять. Он смотрит на нас с недостижимой высоты, и вряд ли кто сегодня может вести на равных этот немой диалог. Только теперь понимаешь слова Вандевилля: «Гигант пал».

Этот снимок сделан с большого портрета А.К.Алчевского (фотограф де Ламидье), который хранится в семье Бекетовых в Харькове. Вместе с семейной фотографией Алчевских передал его мне Федор Семёнович Рофе Бекетов - правнук Алексея Кирилловича.

Искренне благодарю его за оказанную помощь».

Интересно, что когда я набирал на компьютере подпись под фотографией семьи Алчевских, помещённой в этой публикации, стали происходить какие-то странные вещи. Я даже не берусь их объяснить. Если бы я был человеком глубоко верующим, то принял бы это за знак свыше, или какое-то знамение, а так просто мистика какая-то, иначе не скажешь. Набирая имена детей Алчевского, разумеется, русскими буквами, (украинской программы у меня просто нет, и для того чтобы набрать, к примеру, «і» нужно перейти на английский язык, где есть такой же знак), я вдруг увидел, что вместо слова «Семья» на экране монитора появилась «Сім'я». Не могу понять, откуда взялся у меня в компьютере апостроф (потом я его долго искал). А дальше, ещё лучше. В слове «Григорий» в последнем слоге напечаталась «і», а в имени Дмитрия вместо «й» в конце слова появилась вдруг «к». Не знаю, звали ли близкие Дмитриком сына Алчевских, но если бы оказалось и так, я бы уже не удивился. Ошибиться было не возможно, и нажать букву «к» машинально на клавиатуре, она всё же далеко от «й». После этого я уже был внимательней и, набирая имя Николая, ожидал, что вдруг сейчас, вопреки всякой логике, появится первая буква «М». Но взглянув на монитор, вздохнул спокойно. Сомнений не было, надпись на русском языке - «Николай». Но через секунду, у меня на глазах, буква «Н» исчезла и на её месте появилась буква «М»... Это уже было слишком. После этого меня уже не удивляло, что в имени Алексея Кирилловича в конце оказалась «і», а в его отчестве - одна буква «л», хотя я прекрасно помнил, что поставил и вторую. Хочу добавить, что это всё не выдумка и фантазия. Более того. Таких «фокусов» с моим компьютером не было ни до, ни после этого. Возможно, всему этому есть какое-то объяснение, но в голову приходит, конечно, совсем иное...

В прошлом году мне удалось побывать в Петербурге, впервые за последние 35 лет. Так уж получилось, что на это всё не хватало времени, да и не было такой возможности, не смотря на то, что мама у меня пережила блокаду в городе на Неве, и там остались родственники, которые были мне рады. Конечно, хотелось найти места связанные с Алчевским. Гостиница «Гранд Отель Европа», бывшая «Европейская», в которой останавливался Алексей Кириллович в свой последний приезд в Петербург, находилась на Невском проспекте, в центре города, под №36. Но она была перестроена в 1910 году, уже после его смерти. Было бы интересно провести в ней хотя бы ночь, но цены (за обычный номер - 12600 рублей, а полу-люкс -18700) сразу охладили мои помыслы. Не знаю, позволил ли бы себе это сегодня Алексей Кириллович...

Хотя, впрочем, кажется все номера в гостинице «Европейской» летом 2006 года были заняты.

Петербург. Невский проспект. Ю. Белов. 2006 г.

Паровоз С-68, начало XX века — Варшавский вокзал в Петербурге (музей железнодорожной техники)

«Що таке смерть? Чим вона так страхає тих, хто зостається? О, безперечно, прірвою тієї байдужості, що зразу ж оточує образ утраченої людини...

Людина вмерла, а все навколо лишається таке саме, як і було...

Так, як і раніш, вулицею йдуть люди, світить сонце, бігають собаки, катять автомобілі, а людини нема... І це слово доводить не тільки до розпуки, а впрост до божевілля — не-ма! Що це значить «нема»? І куди людина ділась?.. А пройде рік-два, то й зовсім вона щезне з думок заклопотаних своїми справами людей-егоїстів...»

Христя Алчевська.

В Харькове с нетерпением ожидали возвращения Алексея Кирилловича. Известий из Петербурга не было. Мрачное предчувствие нависло над семьёй. Накануне трагедии старшей дочери Анне несколько раз в течение ночи снился надвигающийся на неё паровоз. Она в ужасе просыпалась, но страшное видение повторялось снова и снова.

Её дочери, Елене Алексеевне, было тогда пять с половиной лет. У неё осталось в памяти, как мама вошла в комнату и сказала: «Деточка, перекрестись, дедушка умер».

Елена Алексеевна ушла из жизни не так давно, в возрасте 95 лет. Мы не смогли с ней встретиться. По моей просьбе Костя Лахтин (архитектор, автор проекта восстановления церкви в Алчевске) зашёл в Харьков по её адресу, но поговорить с Еленой Алексеевной ему не удалось. Она была тяжело больна и находилась в соседней комнате. Позже я узнал, что вечером этого дня она скончалась. Это был день ее смерти — 24 ноября 1990 года.

С её сыном Фёдором Семёновичем Рофе-Бекетовым, правнуком Алчевского, мы поднимаемся по дороге, «идущей в гору», на старое Алуштинское кладбище, той самой, которую предсказал Анне хиромант. Правда, он считает, что эта легенда не связана с её именем, но мне уже трудно отказаться от привычного образа.

Безжалостное крымское солнце следует за нами. Фёдор Семёнович, кажется, не замечает этого, идёт уверенно и, за разговором, мы забываем о времени.

В руках у меня букет роз. Это все, что я могу сделать для Алексея Кирилловича, — положить цветы на могилу его дочери. Когда его не стало, Анне было уже 33 года. Она многое могла бы рассказать об отце, да поздно мы о нём вспомнили.

Эмблема на товарном вагоне — Варшавский вокзал (музей железнодорожной техники)

Фёдор Семёнович говорит о том, что сохранила семейная память. Я ловлю каждое его слово. Мне дороги все эти, казалось бы, незначительные мелочи. Но одна мысль не дает покоя, и я пытаюсь вернуть его к тем трагическим событиям, в Петербург на Варшавский вокзал, когда Алексей Кириллович за час до смерти написал своё последнее письмо сыну Григорию. Письмо... Вот о чём я хочу услышать. Письмо есть, существует, и все эти годы хранилось в семье Бекетовых, и ещё никогда не было опубликовано. Легко понять мой интерес и настойчивость, но Фёдор Семёнович неумолим. Письмо очень личное, написано «на краю пропасти», когда всё видится другими глазами. Нужно ли его оглашать? То, что понятно близким, скрывается между строк. Чего стоит одна лишь фраза: «Суди сам: был ли я злодеем». Злодеем он, конечно, не был, что давно доказано ещё на шумном процессе, который прошёл в Харькове после его смерти.

Позднее его дочь Христя писала: «...Зоря (чи ранок, як хочете це назвіть) мого життя тоді дуже затьмарився епопесю суду и обговорюванням вчинків (яких в дійсності не було) мого покійного батька (над ним і співробітниками його підприємств)... Боже, чого тільки про нього й нашу родину тоді не казали!»...

Нужно ли сегодня поднимать со дна с этой почти вековой глубины никому неизвестный документ, адресованный самым близким.... Но ведь есть люди, которым дорого всё, что связано с Алчевским. Они хранят память о его добрых делах, живут в городе, который выстрадал его имя.

И вот это письмо. Который раз перечитываю уже знакомые строчки, пытаюсь их понять, и они постепенно обретают смысл. Короткие оборванные мысли... Кажется, это несвязный бред человека с уже помутившимся от горя рассудком. Судите сами: «Мама может быть умрёт. Христя сойдёт с ума. Митя погибнет... как и другие, из-за меня». Мрачные предсказания, но разве не мог он предполагать, что любящая, убитая горем жена не переживёт его смерти. А юная впечатлительная Христя... Каким ударом это будет для неё. Выдержит ли её рассудок такое потрясение? А что будет с Дмитрием, который вёл его дела, и после смерти отца, на него ложилось всё бремя ответственности. Многие поверили в его «счастливую звезду», а он уже не мог ничего изменить. Это было отчаяние... Он сам вынес себе приговор, другого пути не видел:

«Смерть и смерть! Ничего другого».

И маленькая приписка па полях, когда уже всё сказано, но ещё можешь повлиять на ход событий... «Спешите» - может что-то ещё можно спасти. «Спешите» - не задерживайся из-за меня, думай о живых, ты там нужнее. «Спешите в Харьков...»

Последние слова, последнее обращение к миру.

Кладбище старое, на выжженном солнцем холме. Крутые ступеньки ведут наверх - туда, где чернеют кресты, - путь на «Голгофу». Пробираясь через кустарник, разыскали могилу. Она ухожена, но земля потрескалась, и цветы завяли. Пока Фёдор Семёнович хлопочет возле невысокого холмика, я, найдя рванный кулёк, пытаюсь наносить воду из железной бочки, которая стоит недалеко.

Могила Анны Алчевской (Бекетовой)

Григорий Алчевский

Когда всё уже сделано, ставим букет роз.

Выглядит это немного торжественно. Мы молчим, каждый наедине со своими мыслями. Остались в памяти эти розы, склонённая фигура Фёдора Семёновича, и простой железный крест над каменной плитой.

Существует предание, что рабочий, который его ставил, отказался брать деньги за свой труд, когда узнал, что здесь похоронена дочь Алчевского. Он работал у Алексея Кирилловича и сохранил о нём хорошую память.

Прозвучал третий удар вокзального колокола. Отъезжающие дачники толпились в дверях. На путях пыхтел паровоз с несколькими вагонами. Алексей Кириллович дописал письмо и тяжело облокотился на стол, закрыв лицо руками, с трудом сдерживая себя, перечитал написанное, и подождал, пока высохнут чернила. Выпив рюмку «Смирновской», которую принёс ему лакей из вокзального ресторана, он позвонил мальчику - посыльного, стоящего в ожидании у дверей, вручил ему оба письма, сказал, куда отнести, и дал гривенник,

Посадка уже заканчивалась. Перрон, залитый утренним солнцем, был почти пуст. Лёгкий ветер надувал тучи со стороны залива. Он посмотрел на вокзальные часы, достал из кармана тяжёлый серебряный портсигар с изумрудным глазком, закурил и, пытаясь унять дрожь в руках, не оглядываясь, пошёл в конец платформы - туда, где виднелась закопчённая водонапорная башня.

Встречный ветер уносил все звуки, но он услышал тяжёлый гудок паровоза и понял, что поезд тронулся...

В одном из писем, жителей города опубликованном в газете, было сказано: «Думаю, в недалеком будущем из-за рубежа приедет кто-либо из рода Алчевских да и предъявит свои права на завод... Что ж, снова пойдём в «найми» к хозяину?»

Но никто из Алчевских после революции за границей не оказался. Христина Даниловна умерла в 1920 году, незадолго до этого получив пенсию от новой власти. По странному совпадению в этом же голодном году ушли из жизни Григорий и старший сын Алчевского Дмитрий.

Федор Семенович Рофе-Бекетов у могилы Анны Алчевской

Его дочь Вера Дмитриевна - жена академика геологии Щербакова - умерла в 1973 году, как и отец, похоронена в Москве. С дочерью Дмитрием Христиной нам ещё предстоит встреча на страницах газеты. Умерла она в 1933 году. Её дочь Тамара живёт сейчас в Ялте, а сын Юра погиб во время войны.

В 1931 году умерла старшая дочь Алчевского Анна, и в том же году Христя - известная поэтесса. Личная жизнь её не сложилась. На протяжении долгих лет она была связана большой взаимной любовью с А.Покровским, но не могла официально оформить эти отношения. По существующим тогда законам, её избраннику запрещалось расторгнуть брак с психически больной женой.

Николай умер в 1942 году в Харькове во время оккупации от голода и похоронен в братской могиле. Место её неизвестно. Он любил литературу и после трагической смерти обожаемой им актрисы Н.Кадминой, которая часто бывала в доме Алчевских, написал о ней хороший роман, к сожалению, утраченный, как и воспоминания, которые он писал в последние годы жизни.

Его дочь Наталья Викул скончалась в Харькове в 1982 г. Иван Алчевский - известный оперный певец умер в 1917 году, детей у него не было.

Федор-Семенович и Владимир Семенович Рофе-Бекетовы

Мы сидим на веранде флигеля уже знакомого вам «дома в мавританском стиле». Кипарисы, посаженные ещё дочерью Алчевского Анной, почти скрывают синее море под ногами.

«Тиша панує кругом... У ніжних присмерках кримського вечора тихо мліють вже сонні гори... Мляво схиляють смереки над сірим забутим камінням свої темні - темні, ніби зажурені віти...» Это уже из рассказа Христи Алчевской. Но только она, но и вся семья бывала здесь. Это подтверждают слова в одном из её писем из Крыма:

«Алушта, дача А.Н.Бекетова. Я - над морем з мамою і братами... »

Мой собеседник правнук Алчевского - Фёдор Семёнович Рофе-Бекетов. Я думаю, пора представить его подробней. Он родился в 1932 году, математик, доктор физико-математических наук. У него две дочери — Ирина (1965 года рождения) и Елена (1970 г.). Самому маленькому пра, пра... правнуку Алчевского Николаю всего один год. Это сын Ирины. Он ещё не догадывается, какое фамильное бремя лежит на нём.

Брат Фёдора Семёновича Владимир, 1935 года рождения, он инженер-гидролог. У Владимира Семёновича тоже две дочери - Оля и Маша. Но это ещё не последняя наша встреча с потомками Алчевского, новые знакомства и открытия ждут нас на этом пути.

Эта фотография вам хорошо знакома, она экспонируется в городском музее, печаталась в газете, как фотография «семьи Алчевских». Человека, сидящего в центре, считали Алексеем Кирилловичем, с него рисовали портреты основателя нашего города. Один из них появился недавно в «Огнях» рядом с условиями конкурса на памятник Алчевскому. Но он конечно не похож на ставшие уже известными в последнее время портреты А.К.Алчевского. Правда, сомнения эти возникали давно, и не только у меня, а и сотрудников городского музея. Но кто же изображён на этом снимке? Помогли узнать загадку фотографии Фёдор Семёнович и Владимир Семёнович Рофе-Бекетовы. В один голос они утверждают, что на этой фотографии... Алчевский, но крайний слева рядом с молодой женой. Кто ещё изображён на этом снимке, им не известно...

Впервые эта фотография появилась в 1912 г. в книге Х.Д.Алчевской «Полувековой юбилей», вместе с другими её снимками, и надписью «Семейная группа». Так родилась ошибка. Книга посвящена её педагогическому пути. И конечно это её семья - братья, муж, а сидящий в центре – это «деспот-учитель» Журавлёв. Вот кому мы могли поставить памятник. Но Аннеты Вуич нет на этой фотографии. Она умерла, когда дочери было 16 лет. Кто женщина, сидящая справа, пока неизвестно.

«Семейная группа» (фотография из книги Х. Д. Алчевской «Полувековой юбилей»)

А теперь перенесёмся в середину прошлого века -7 января 1849 года фотография отпраздновала своё рождение. В этот день на заседании французской Королевской академии было сделано первое сообщение об открытии Дагера. Но дагеротип просуществовал недолго, серебряные пластины были дороги и на них получали всего лишь одно изображение. В 50-е годы его потеснила фотографии на бумаге. Она быстро завоевала успех. Фотографические портреты из предмета роскоши стали необходимой потребностью

каждой семьи. Но стояли фотографии ещё дорого и делали их по особым событиям. Таким событием в семье Данилы Журавлёва могла быть свадьба дочери, и её отъезд с мужем в Харьков. Напомню, что когда Христе исполнилось 9 лет, семья переехала в Курск. Здесь и был сделан этот снимок в начале мая 1862 года.

Откуда такое предположение? Чтобы понять загадку фотографии, проведём небольшое исследование. Сидящая справа женщина одета по моде, 60-х годов. Одежда в форме мантильи с широкими рукавами и причёска, в которую заколоты её густые

«Невеста» — народная картинка, XIX в., Черниговская губ.
(из коллекции Ю. Белова)

волосы, встречаются на нескольких портретах середины XIX века. Это, конечно, не аргумент, как и брюки «со штрипками» у сидящего в центре, цепочка для часов, стоящий воротничок... Но есть детали, которые не оставляют сомнений в том, что фотография сделана в день свадьбы. За поясом у Алексея Кирилловича маленький кнутик. Такую символическую плетёнку дружка вручал жениху по дороге из церкви, и тот слегка ударял им будущую жену, в знак его власти в доме, и не раз потом «учил» её в течение свадьбы. Одет он нарядно, в широких шёлковых ша-

роvaraх. На Христине Даниловне свадебная, белая сорочка без вышивки - символ невинности, и венчальный убор - сложенная и обернутая вокруг головы хустка (которую обычно дарил жених), украшенная цветами. Это напоминает завязанный узлом платок, но так украшать голову, не закрывая макушку, могли незамужние девушки. Только после первой брачной ночи полностью покрывали голову платком. По старинным украинским обычаям, что было строго регламентировано, Христина Даниловна не могла себе позволить здесь «вольность», ведь отец её был украинец, и родилась она в уездном городе Борзне Черниговской губернии. Ходить с непокрытой головой «засвітити волоссям» ещё в начале XX века считалось большим грехом для замужней женщины. И если вспомнить, как Христина Даниловна любила всё украинское, а муж её был «истый украинец», то понятно, что это не могли быть случайные детали. Да и детей на фотографии ещё нет. Старший сын Дмитрий родился только в конце 1862 года.

Накануне выхода этого материала, я позвонил в Харьков Фёдору Семёновичу Рофе-Бекетову. Убедить его в моей версии было непросто. Но какая удача, оказывается, у него хранятся живописные портреты родителей Христины Даниловны, исполненные в мае 1851 года за 11 лет до свадьбы их дочери. На них проставлены и даты рождения. А.Н.Журавлёва (урождённая Вуич) - 9 декабря 1800 года. (Значит, мать Христины Даниловны умерла в 48 лет). Д.Л.Журавлёв - 27 апреля, тоже 1809 года.

Фёдор Семёнович подтверждает, что отец Христины Даниловны похож на человека, сидящего на фотографии. Он вспомнил, что у неё была сводная сестра, которая жила в их семье. Возможно, это она, справа на снимке. Звали её Мария Платоновна Копейчикова. Теперь сомнений не остаётся - это свадебная фотография 1862 года. Значит, перед нами один из ранних портретов Алчевского. Ему всего лишь 26 лет, а за плечами скромное, по нашим меркам, образование - два класса приходской школы. Он только приехал из Сум, где успел основать первую там народную библиотеку, увлекался идеями Герцена, писал стихи, много читал и просвещал свою будущую жену. Ясно смотрят его «блакитні замріяні очі». Он полон планов и надежд, но ещё не знает, что готовит ему судьба.

Сзади уже гроыхая по рельсам, приближался поезд. Алексей Кириллович шёл всё быстрее. Когда он оглянулся, вокзал остался далеко позади, а прямо на него несло грозное, стальное «чудовище». Машинист высунулся из окна и что-то кричал ему, махая рукой. Не раздумывая, Алексей Кириллович отбросил ненужную уже тяжёлую трость чёрного дерева, перекрестился и кинулся навстречу гибели... Всё заскрежетало... Его что-то ударило, бросило и поволокло по холодным рельсам, разрезало «ножом»..

Боли не было... Поезд уже стоял, и тут он увидел себя со стороны, откуда - то сверху, в странной и неудобной позе. К нему бежал испуганный машинист, из вагонов выскакивали люди, и на вокзале была видна какая-то суета. Где-то там, наверное у буфета, протяжно завывала собака... Его пытались поднять, но он это уже не видел. Широкий, как большая дорога луч света, уходящий куда-то вверх, ослепил его. И в конце этого светящегося коридора сияла фигура ангела со сверкающими крыльями. Он звал его за собой, уходя всё выше в неясную даль... Было удивительно, что никто этого не замечал. Все были заняты его телом, вытаскивая его из под колёс. Он подчинился неведомой силе, и его понесло в этот светящийся поток, навстречу вечной тайне, в бесконечность, в бессмертие...

Я не знаю, кто мне позволил вторгаться в чужую жизнь, пережить её вместе с вами. Слепое поклонение авторитетам или вечный поиск идеала, стремление к совершенству... Опорой на этом пути и могут быть такие личности как Алчевский. И Христину Даниловну многие обвиняли в поклонении авторитетам. «Но так ли это?» -Спрашивает она себя. «Происходит ли это от тупой веры в громкие имена, от ограниченности взглядов, от неспособности к анализу и т.д.?». И приходит к выводу, что такие увлекающиеся натуры, как она, ищут в жизни «живых идеалов своего живого воображения», способны «опоэтизировать» каждого человека, чем-то выдвинувшегося в жизни, способны возвести его на пьедестал».

Мысли ещё там, на старом петербургском вокзале, а перед глазами строчки из его последнего письма. Они пропитаны болью, не дают уйти и забыть. Это его исповедь и тайна... И, кажется, обращены не только к давно ушедшим, но и ко мне, ко всем вам, кто хоть немного прикоснулся к его судьбе.

Простые, короткие слова... «Простите, простите все».

Пусть они упадут в сердце каждого из вас и прорастут благодарной памятью.

Сегодня кажутся наивны эти скромные попытки донести до читателя, то о чём я думал тогда, работая над статьёй. Это были, конечно, мои первые несовершенные «пробы пера», но главное, что они были искренни. И пусть эти «художественные» описания не во всём соответствуют реальным событиям, они преследовали совсем иную цель. В последнее время стали известны какие-то новые детали и подробности последнего дня жизни Алексея Кирилловича Алчевского. Но, стоит ли что-то менять? Наверное, для такого рода публикации не столь важно вышел он из гостиницы утром или после двух часов дня, как сообщали газеты, и шёл поезд со стороны станции или из Гатчины, как было на самом деле. И всё же осталось много вопросов связанных с гибелью А.К.Алчевского. Какие газеты читал он в день смерти, и не было ли в них какого-то сообщения, послужившего толчком, поводом к последующим событиям? Ведь после последнего отказа ему в помощи, 4 мая, как сообщает В.Д.Белов, прошло уже 2 дня, а он всё не уезжал из Петербурга, видимо на что-то надеясь. Кого он ждал на Варшавском вокзале, взяв с собой портфель, видимо с документами, прохаживаясь 2-3 часа по перрону? Ведь отсюда отходили поезда в Гатчину и Царское Село, куда ездили с докладами к императору министры, в том числе и министр финансов С.Ю. Витте, через которого он пытался получить помощь. И какая судьба самого портфеля, оказался ли он возле него после гибели? И мог ли Алчевский так равнодушно отнестись к документам, которые, видимо, взял с собой, если решил броситься под поезд в километре от станции? Каким образом он отправил или передал письма, написанные сыну Григорию и А.Л.Гродецкому, или они были найдены при нём? И когда они были обнародованы, до или после похорон? По крайней мере, вышедшие 10 мая «Биржевые ведомости», ещё ничего не говорят о самоубийстве, а лишь сообщают, что «обстоятельств указывающих на что-либо, кроме несчастной случайности, не обнаружено». А главное, были ли свидетели происшедшего и сохранились ли полицейские протоколы с описанием этого события? Это далеко не все вопросы, но на них, к сожалению, пока нет ответа. (Ю.Белов, 2007 г.)

Семь кругов ада

Газета «Огни», «Коллаж» №35-1, 18 января 1995 г.

(Григорий Гика и потомки Алчевского в Ялте)

«Когда я начинаю писать тебе, я вспоминаю твою маму, эту замечательную, редкую женщину. Она была из тех людей, которых теперь уже нет...» Это строчки из письма Владимира Гурьевича Душина, мужа Христины Дмитриевны – внучки Алексея Кирилловича Алчевского.

На закате своих лет Владимир Гурьевич решается рассказать дочери Тамаре о её матери, чтобы сохранить память об этой удивительной женщине. Мы так и не узнали бы о ней, если бы не его письма, и должны быть благодарны ему за эти воспоминания, к сожалению, только за это...

Перед нами воскресает из небытия образ человека яркого и необычного с трагически изломанной судьбой: «Христина Дмитриевна Алчевская жила своими ощущениями жизни, обо всём имела свои понятия, взгляды, убеждения, очень любила искусство, природу, свободу и независимость. Она была хорошей художницей, но особенно её занимало море (штиль) и лес со своей прохладой и цветами. Она могла целый день бродить по лесу, рвать цветы, возвращаться домой с огромным букетом и любоваться им, но море её всегда влекло себе. Она любила сидеть с удочкой и ловить рыбу (бычков), или писать морские пейзажи, которые нужно сказать, ей очень удавались, она вкладывала в них всю свою душу. Что-то в крови, в самой натуре, в характере, в поведении Христины Дмитриевны было молдавско-цыганское. Она никогда не обращала внимания на свою внешность, переносила всяких женских нарядов, она совершенно ими не интересовалась. (Это всё было удивительно и странно). Она любила носить длинные юбки и ходить босиком. Никто никого не стеснялся, хотя у неё было две пары туфель, которые, как попало, валялись, если она редко и одевала их, то вскоре приходила домой с ними в руках и говорила: «могу в них ходить, очень тяжёлые», и отправлялась босиком к незнакомым в гости, вызывая этим насмешки и выкрики уличных мальчуганов, которые доводили её ино-

Христина Дмитриевна Алчевская

до слёз своими криками вслед. Она была очень задумчива, молчалива и замкнута, она как бы ушла сама в себя от всего мира... Она была неутомимой туристкой-путешественницей. Это была особая женщина, совсем не похожая на других.

Она была «дитя природы».

Ещё в начале 18-го века правитель Молдавии Дмитрий Кантемир предчувствуя распад Османской империи, попытался освободить свою страну из-под ига Константинополя. Ведя тайные переговоры с Петром Первым, он согласился предоставить свободный проход русским войскам через Молдавию и присоединиться к ним со своей армией, чтобы вместе напасть на главные турецкие силы, расположенные на Дунае. Но предупреждённые кем-то турки, вышли навстречу. Православные армии потерпели поражение, и сам Пётр чудом избежал плена. В Молдавии наступил самый жестокий период для её истории.

Пыльный автобус тяжело поднимался по извилистой дороге. Закончилось удивительное крымское лето. Быстро пролетело время на берегах солнечной Тавриды в Солдаёе, Сугдее, Судаке. Стояли последние жаркие дни. Пылала и искрилась на солнце бледная полоска моря. Уже скрылись за холмами дома и постройки древнего Сурожа, но долго ещё виднелись гордые развалины Генуэзской крепости, названной итальянцами крепостью Святого Креста.

В романе А.Крупнякова «У моря русского» есть такие строчки:

«Крепость Санта-Криста! Она царствует над Сурожем, над горами, над холмами, над морем. Расположена на самой высокой горе, она далеко видна, как с моря, так и с суши».

Пала неприступная крепость, чудом спаслись от турецких клинков её последние защитники. Лишь эти пустующие башни напоминают о былом величии Османской империи, о могуществе завоевателей.

Война России с Турцией была неминуемой, но Пётр строил новую державу, интересы государства переместились на север. Лишь через полвека русские полки столкнулись с турками и были одержаны первые победы. По заключённому миру Россия получила право свободного плавания в Чёрном море, закрепила за собой Азов, Крым и Кубань стали независимыми от Порты.

Через два часа утомительной дороги подъехали к Алуште. Остались позади бесконечные спуски и подъёмы, высушенные виноградники и выжженные солнцем табачные плантации. Впереди была Ялта и встреча с потомками Алексея Кирилловича Алчевского. С той ветвью этого замечательного дерева, о которой нам совсем ничего не известно. Корни его теряются в глубине веков среди нескольких поколений господарей (правителей) Молдавии. И письма В.Г.Душина к дочери Тамаре не оставляли сомнений, где искать объяснения всего, что казалось ему странным и удивительным в Христине Дмитриевне Алчевской.

И всё ярче проступало через века неизвестное раньше имя. Сначала едва слышно. Потом громче и твёрже как призывы и набат, перерастая в грозную музыку. Имя, которое стало символом непокорённого духа, желания противостоять суровой реальности, изменить судьбу своего народа. Имя, которым не одно поколение Алчевских могло гордиться – нравственное мерило, начало начал.

Это имя Григорий Гика.

Молдавия продолжала оставаться в зависимости от Порты, но получила существенные льготы и привилегии. Это было для турок самым унижительным. Как возможный союзник России Молдавия беспокоила Константинополь. Чтобы как-то её ослабить, турки под предлогом уточнения границ, поддались уговорам Венского двора, и уступили Австрии Буковину – всю верхнюю часть Молдавии. Вместе с ней отходили не только богатые земли, но и много православных монастырей, среди которых был самый маленький и самый знаменитый – Путна. Эту потерю особенно тяжело переживала страна. В монастыре покоились останки Штефана Великого, с именем которого был связан Золотой век молдавского государства. Штефана Великого уже тогда почитали святым, и уход в другую державу этого монастыря оскорблял не только национальное, но и религиозное чувство народа. Господарь Молдавии Григорий Гика, с молчаливого согласия Петербурга, выразил энергичный протест против захвата Буковины. Австрия была этим шокирована, султана такое сообщение, что молдавский господарь счёл возможным возмутиться его решением, привело в гнев.

Я очень скоро пожалел, что не воспользовался предложением Тамары Владимировны встретить меня на троллейбусной остановке. Мне казалось, что найти её по адресу будет не сложно. Я долго бродил по красивой зелёной улице, ведущей в гору, которую окружал вековой парк. Среди деревьев виднелись старинные особняки, замки. В прошлом улица

называлась Княжеской, и селились здесь только очень богатые люди. Ещё в начале прошлого века девственный берег Крыма не был застроен дачами и особняками. Но с 1860 года в Ливадию начали приезжать на отдых члены царской семьи, а вслед за ними, как сказано в «застойных источниках», сюда потянулась «целая свора дворцовой челяди, князья, графы и прочие представители паразитических классов. От них старались не отставать крупные капиталисты и купцы».

Селились в Крыму и представители интеллигенции, профессора, писатели, художники. Если верить справочнику «Крыская АССР. Вопросы и ответы», в 1921 году в Крыму было грамотных 51,1 процента и значительно выше, чем в целом по стране, доля интеллигенции 7,9 процента, но мелкая буржуазия составляла большинство.

К концу семидесятых годов одна десятина земли вблизи Ялты стоила от 24 до 36 тысяч рублей. По другим сведениям цены были скромнее – за 25 тысяч можно было купить маленький домик, а 50 рублей стоила комната в месяц. Но и это, конечно, было доступно не всем, а только очень состоятельным людям.

Христина Дмитриевна Алчевская

Григорий 3 Гика

Не удивительно, что в старых путеводителях по Крыму встречается фамилия Алчевских. Легко понять моё «разочарование», когда, поднявшись по множеству ступенек, миновав величественный замок винодела Водарского, и оставив далеко внизу «элитарный район», я остановился в нерешительности перед нужным домом. Это был простой двухэтажный барак на несколько семей. Мои сомнения развеяла пожилая женщина, которая была чем-то занята во дворе. Когда она повернулась, я увидел её лицо. Ошибиться было трудно, уж очень ярко проступали фамильные черты. Это была Тамара Владимировна, правнучка Алексея Кирилловича, дочь загадочной и неповторимой Христины Дмитриевны.

Мы как-то сразу узнали друг друга.

Предки Гика ещё в третьем или четвёртом поколении правили Молдавией. Он хорошо усвоил искусство дипломатии, но и сам понимал, что ответа за свой поступок ему не избежать. Вскоре

последовало приглашение посла султана пожаловать к нему на чашку кофе. Гика попытался уклониться от визита под предлогом дел. Их и на самом деле было много. В обнищавшей, раздетой стране он надумал основать ткацкую фабрику. Это требовало энергии и средств. Но шло время и становилось все более очевидным, что этой чашки кофе не миновать. И однажды возвращаясь с охоты, минуя дворец, он подъехал к дому посла.

По шатким деревянным ступенькам я поднялся на второй этаж в небольшую квартиру из двух маленьких комнат и кухни. Трудно было представить что-либо менее похожее на то, что я собирался увидеть. Наверное, многие, прочитав в заглавии «Потомки Алчевского в Ялте» подумали: «Кто раньше жил...» и т.д. Мало сказать, что обстановка квартиры была скромная, простые железные кровати, случайная старая мебель, нет «стенок», ковров и других элементов привычного быта. Разрушились готовые стереотипы. Я понял, что не зря приехал в Ялту, не хватало именно таких ощущений. Нужно было всё увидеть своими глазами, прежде чем решиться писать. А главное, я не знал, как выглядела Христина Дмитриевна. И в нетерпении, блуждая глазами по стенам, оклеенным обоями, я надеялся увидеть её...

Большой портрет Вероники Кастро, цветной календарь в окружении династии Романовых, случайные фотографии, и вот, наконец, маленькая фигурка в тумане рисованного пейзажа – девочка в татарском костюме загадочно смотрит из

Ялта. Замок Водарского

глубины потускневшего снимка. Я ещё не могу понять то чувство, которое наполнило меня от этой встречи. Казалось, мы давно знакомы друг другу. И вот мои мысли освободились, и вылились в одно слово, которое я произнёс неслышно, как молитву, одними губами: «Княжна».

Знал ли Владимир Гурьевич Душин историю Григория Гика? Наверное, ведь в семье Алчевских хранили память о предке. И сам он чувствовал что-то необычное в личности своей жены. Помните: «Это всё было удивительно странно».

И для него Христина Дмитриевна была человеком из другого мира. Но вернёмся к его воспоминаниям: «Она совершенно не была приучена к хозяйственной жизни, терпеть не могла кухни и вообще готовить. Кухня и прочие заботы по дому – это для неё была сплошная каторга. Она предпочитала жить в голоде, чем что-нибудь сварить, и всегда говорила: «Запомните, что я художница, а не вам всем кухарка».

За всю нашу жизнь я не видел, чтобы она когда-нибудь вдела нитку в иглоку, или пришила пуговицу детям. Все делала Евгения Александровна, её мать – жена Дмитрия Алчевского. Я с этим примирился, зная, что она такой родилась и так воспитана...

Таким нужна прислуга».

* * *

Вы останетесь здесь, - сказал Гика арнаутам, составлявшим его личную охрану. – Если через два часа я оттуда не выйду, входите в дом силой и рубите всех подряд...»

Так описывает эти события Ион Друцэ в романе «Белая церковь».

- Вай, вай, вай, - говорил между тем Мустафа - бей, стоя на крыльце своего каменного дома».

Утром во дворе представительства был вкопан шест. Около трёх недель провисел на нём обезглавленный господарь. Просоленная голова по обычаю того времени была отправлена в Константинополь султану.

Екатерина II пришла в негодование при известии об убийстве молдавского господаря.

Единственным ответом на это могла быть только война. Но Россия не могла начать военные действия. Страна с трудом приходила в себя после пугачёвского бунта.... Столкновение на Балканах было нежелательно. Лишь в августе 1787 года началась вторая русско-турецкая война.

Гика (Ghika) - княжеский род, происходящий из Албании, давший, начиная с XVII в., нескольких молдавских и валахских господарей. Основатель династии, Георгий, был назначен Портою в 1658 г. молдавским, а в 1660 г. - валахским господарём: умер в 1664 г. Григорий III, бывший сначала драгоманом в Порте, сделался во время русско-турецкой войны, в 1768 г., господарем Валахии, где даровал протестантам свободу вероисповедания. Несмотря на его вражду к России, императрица Екатерина II утвердила его господарём Молдавии при заключении мира в 1774 г. За противодействие уступке Буковины Австрии он был задушен, по повелению Порты в 1777 году.

Кстати, если вы обратили внимание, Христина Даниловна Алчевская похожа на своего предка. (Ю.Белов, 2007 г.)

Когда Алчевские приобрели имение в Кекенеизе, они переехали в Крым. Но Дмитрий Алексеевич разошёлся с женой и оставался в Харькове, работая в банке. Его вторая дочь Вера Дмитриевна Щербакова в своей книге «Вспоминая былое» писала:

«Жила я в то время с матерью и сестрой в Крыму на даче в Кикенеизе в 6 км от Симеиза. У нас обычно бывало много гостей, приезжали родственники из Харькова, или петроградские художники».

В своё время Христина Дмитриевна училась в Петербурге в женской гимназии и в то же время посещала общество поощрения художеств, где занималась у Рылова и Рериха.

Рылов был хорошим знакомым семьи Алчевских, он часто бывал в их доме, где и встретил девочку Тину, как звали в детстве Христину Дмитриевну, которая очень любила рисовать и подавала большие надежды в искусстве. Приезжал он и в имение Алчевских в Кикенеиз. Вместе с Христиной Дмитриевной они ходили к морю и рисовали пейзажи.

Это оставило след в его воспоминаниях: «Я люблю море во всех его видах... Люблю слушать его шум, его рёв... Не в людных курортах, а в тишине, в уединении приходилось мне писать и работать на южном берегу Крыма в небольшой семье, состоящей из матери и двух дочерей – Веры и девочки Тины.

Николай Васильевич Вунч
(1785—1836)
Художник Дж. Доу. 1821 г.

Одноэтажный дом с двумя балконами весь был обвит бледно-розовыми чайными розами и каприфолием, который благоухал по вечерам... Море... Я любил ловить кистью бегущие волны».

Рылов оставил нам описание дома в Кекенеизе, но не называет фамилию владельцев прекрасной усадьбы. И, наверное, не случайно.

Его, конечно, можно понять, время было такое...

* * *

«Было такое время, - вспоминает В.Г.Душин, - уничтожение русской интеллигенции, многих забирали и они исчезали бесследно – это всё страшно раздражало Христину Дмитриевну и доводило её до бешенства».

После революции усадьба Алчевских была разграблена. Только одну подушку выбросили Христине Дмитриевне и её матери. Их выселили, и они переехали жить в Ялту. Работы им не давали, жили они в очень тяжёлых условиях. Спасали их от гибели редкие добрые знакомые, предоставляя им временное жильё и

подачки в виде куска хлеба и тарелки какой-нибудь похлёбки. Только сестра Вера присылала изредка немного денег. Такую картину застал В.Г.Душин, когда приехал в Ялту 21 июня 1922 года.

Через много лет Тамара Владимировна пыталась разыскать своё родовое имение. С дочерью Мариной они прошли пешком по старой дороге до Кекенеиза, но на месте усадьбы уже давно ничего не было. Старожилы показали им, где жили «какие-то художники», там всё было разобрано, и находился табачный склад.

Я не случайно напомнил, что они прошли пешком. С первой минуты знакомства мне хотелось увидеть в дочери и внучке Христины Дмитриевны то, что так поразило В.Г.Душина в его жене. Любые, казалось, случайные совпадения, становились для меня важными. Христина Даниловна была неутомимой путешественницей. А в библиотеке у Тамары Владимировны множество путеводителей и открыток с видами городов. Она очень любит этот уголок земли, где прошла её жизнь. Не будем забывать, что для неё это не просто курорт, а гораздо больше – это её родина, место, где она родилась. Здесь жила её семья и было имение деда – Дмитрия Алчевского.

Она рассказывает: «Мы прошли с Мариной пешком очень много по южному берегу Крыма до Фороса, из Гурзуфа через Медведь-гору. Я любознательная и мне всё хочется увидеть своими глазами, всё узнать и побывать везде». И в город, который носит имя её прадеда, она надеется когда-нибудь приехать.*

Тамара Владимировна Душина

Да, они похожи и не только в этом. Но о многом я пока умолчал, и мы ещё вернемся к тому, что пережила Тамара Владимировна. А когда после всех скитаний она в 1952 году вернулась в Ялту, то написала Елене Алексеевне Бекетовой в Харьков и послала свою фотографию. В ответ получила теплое письмо:

«Вы мне очень понравились, и мне было очень приятно получить вашу фотографию. У тебя южный тип лица, как у твоей мамы. В наших жилах течёт южная кровь. Твоя мама и прабабка были молдаванки. Ты даже немного на неё похожа. Она была знаменитой женщиной...»

И В.Г.Душин писал дочери: «Всё начинается с глубокого корня, так что и у тебя, Тамарочка, течёт кровь всех твоих предков...»

* * *

Где-то в далеком Константинополе скатилась к ногам султана голова мятежного Гико. Но душа его оставалась жить в следующих поколениях. Может быть, здесь, в древнем роде правителей Молдавии, кроется объяснение энергии и таланту всей семьи Алчевских, их национальной гордости, стремлению внести свой вклад в культуру народа.

Бывает, что в «седьмом колене» неожиданно, как старое вино, забурлит кровь забытого предка. И не можешь понять, откуда этот гордый взгляд, эта походка, эти жесты.... Словно невидимая нить тянется через столетия, связывая людей, эпохи, время... и ведёт лабиринтами судеб к маленькой девочке Тине и дальше, в глубь веков, к Григорию Гика.

Давно уже позади первые минуты знакомства. А я всё читаю старые письма, листаю пухлые альбомы с фотографиями и слушаю Тамару Владимировну. Мне ясно, что не успеть записать всё. Писем много, я лишь пробегаю их глазами, и врезаются в память обрывки фраз. С каждой строчкой всё ярче проступает образ загадочной, непонятной близким и забытой нами Христины Дмитриевны и разворачивается, как на полотне, трагедия всей её жизни. Краски сгущаются и уже без боли нельзя читать эти слова: «Мама начала сходить с ума, она стала курить, заходить в рестораны...»

Я лихорадочно листаю страницы.... Уже Марина, по пути в садик за Леночкой – единственной из потомков Алчевского, кого я еще не видел, обменяла мой билет на более поздний рейс. Но я всё равно с тревогой смотрю на часы. Слишком быстро движется время, незаметно опускается тихий крымский вечер. Пора прощаться.... И вот уже не разбирая ступеней, я бегом спускаюсь по бывшей Княжеской улице, пытаюсь умирить переполняющий меня поток мыслей, впечатлений и образов, не замечая красоту векового парка, старинных замков и особняков в потухающих красках уходящего дня.... Жаль, что я не послушал Тамару Владимировну и не остался до утра.

Леночка в детстве:

Вглядитесь в эти фотографии.

Не буду настаивать и убеждать, что это одно и то же лицо, но согласитесь – сходство очевидно. Лёгкий отпечаток времени лежит на них. Оно, шутя и безжалостно, ломает жизнь, несёт свои проблемы и сомнения, боль и трагедию. Но время, к сожалению, не выбирают, и оно, как в зеркале, отразилось в их судьбе.

Тамара Владимировна Душина и Христина Даниловна Алчевская – известный просветитель и педагог, девочка Тина в татарском костюме – загадочная Христина Дмитриевна и её внучка Марина с ёжиком. И тот же гордый взгляд, наверное, такой была красавица Елена Гика, или её дочь – утончённая Аннета Вуич, и, наконец, маленькая Леночка в костюме «Красной шапочки» – милая и незащищённая, но и она уже знает вкус горя...

Как много общего между ними.

Семь поколений – семь кругов ада.

Марина с ёжиком

*После написания этой статьи, а скорее очерка или, как оказалось, главы будущей книги, прошло немало времени, около тринадцати лет, и многое конечно изменилось. Тамара Владимировна уже не раз побывала в Алчевске, и была тепло принята его жителями и руководителями города. Была она приглашена и на открытие памятника её знаменитому предку, основателю города и завода. А позвонив ей недавно, я узнал, что руководство меткомбината оказало ей помощь и помогло сделать ремонт их скромного жилища. Правда посетовала, что вокруг

«рвут землю на части». Рядом идёт стройка и их старый дом хотят сносить, а так не хочется уходить в эти годы, а ей уже 82, с привычного места. При встрече с новым городским головой Владимиром Евгеньевичем Чубом, я заговорил о том, что город мог бы «взять шефство» над внучкой Тамары Владимировны Леночкой и помочь ей получить достойное образование, что сегодня при скромных материальных возможностях, увы, не просто. Но оказалось, что моё предложение опоздало. Она уже год как учится в Университете и учёбу оплачивает меткомбинат. А начав работу над этой книгой, я решил ещё раз позвонить Душиным, поскольку копии фотографий из их семейного альбома, которые я делал тогда, были не очень хорошего качества. Я попросил Марину сканировать их и выслать мне на диске. А заодно расспросил о Леночке, которая была ровесницей моего сына, с которым я был у них последний раз лет десять назад, и попросил прислать её фотографию. А когда получил по почте диск и обещанные снимки, то, глядя на фотографию семнадцатилетней девушки, которую знал ещё ребёнком, даже не удивился.... Ведь именно это я и ожидал увидеть. Даже не стоило сравнивать со снимком девочки в татарском костюме, маленькой Тины, Христины Алчевской дочери Дмитрия. И так было ясно, что они очень похожи, безоговорочно и убедительно... (Ю.Белов. 2007 г.)

...и сейчас

«В 1920 году в Крыму осели помещики, капиталисты, царские чиновники, служители культа, агенты охраны, жандармерии, буржуазная интеллигенция и особенно много офицеров – белогвардейцев». Об этом сказано в «Очерках истории Крыма» (1964 г.). В.И. Ленин, выступая на собрании актива Московской организации РКП (б) в декабре 1920 г., говорил: «...сейчас в Крыму 300000 буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам».

В феврале 1920 года большевиками официально была отменена смертная казнь. Но была сделана оговорка, что отмена смертной казни не распространяется на местности, подчинённые фронтам. По специальному циркуляру обречённых везли в полосу военных действий и здесь расстреливали.

Крым был именно таким местом. В ноябре и декабре 1920 года здесь было расстреляно по разным подсчетам от 25 до 100 тысяч белогвардейцев, поверивших обещаниям Красной Армии, не считая уничтожения мирных жителей по классовому признаку.

Это страшное время вошло в историю под названием «Красный террор».

В сентябре 1920 года сын А.К. Алчевского Дмитрий ехал в Кекенеиз — поместье его семьи за Симеизом, вместе с дочерью Верой и её мужем Д.И. Щербаковым, в будущем, известным академиком геологии.

Елена Дмитриевна Радкова, исследователь жизни Алчевских, в одном из писем к Тамаре Владимировне - внучке Дмитрия Алчевского писала: «...Когда они приехали в Симферополь, то всюду сообщали по громкоговорителям о необходимости всем мужчинам явиться на регистрацию. Это призывали красные, а белые уже продвинулись вниз к Севастополю, к морю... Там начиналась эвакуация. Дмитрий Алексеевич сказал Д.И. Щербакову, что он пойдет сам узнать, в чём дело и догонит их, чтобы они были вместе с Верой Дмитриевной и добрались в Кекенеиз. Но больше никто его никогда не видел. Все это рассказала мне Вера Дмитриевна. Мне казалось, что вам это всё известно.... Христина Даниловна пережила смерть мужа (1901 г.), сына своего Ивана (1917 г.), сына Григория (1920 г.) и сама умерла в августе 1920 года. Так что о гибели сына Дмитрия она уже не узнала, и так много горя свалилось на её голову...». Упоминает об этом в своем письме к дочери и В.Г. Душин: «Дедушка твой Дмитрий Алексеевич Алчевский был расстрелян в тюрьме».*

*В последнее время стали более доступны для исследователей многие прежде «секретные» архивы и документы. Становятся известными и имена жертв красного террора. На сайте историка Сергея Владимировича Волкова в Интернете опубликованы Леонидом Михайловичем Абраменко списки тех, кто был расстрелян тогда под Ялтой, в печально знаменитой Багреевке (вблизи имения Фроловых-Багреевых). Среди невинно погибших был и Дмитрий Алексеевич Алчевский. В этой публикации Дмитрий Алчевский и расстрелянные вместе с ним выделены в отдельную главу - «Забытая папка: Алчевский и другие», где сообщается, что по постановлению чрезвычайной тройки крымской ударной группы управления особых отделов ВЧК Южного и Юго-Западного фронтов в составе председателя Удриса и членов Тольмаца и Агафонова от 22 декабря 1920 г. были приговорены к расстрелу 22 человека. (Не знаю, случайна ли эта цифра – 22, в другие дни расстреливали десятки и сотни человек). Дмитрий Алексеевич Алчевский, 1865 г.р., уроженец Харькова был второй в списке. В деле указано, что он в 1887 г. окончил физико-математический факультет Харьковского университета, кандидат естественных наук, до революции работал управляющим заводом в Лисичанске, проживает в Ялте, пос. Кекенеиз, имеет 2-х дочерей. (По поводу Лисичанска ничего не могу сказать – ошибочная это информация или нам не знакома эта страница жизни Д.А. Алчевского). Вместе с Д.А. Алчевским были расстреляны – Алексеев Леонид Михайлович, 1871 г.р., окончивший математический факультет Петроградского университета и служивший писарем в Белой армии. А также сёстры милосердия Возницкая Изабелла Ивановна, 1896 г.р., Залиева Нина Захаровна, 1895 г.р., Кащинова Елизавета Николаевна, 1875 г.р., Киселева Александра Романовна, 1898 г.р., Манскэ Евгения Львовна, 1891 г.р., Негоженко Мария Кузьминична, 1867 г.р., Фотиева Евгения Ивановна, 1895 г.р., работавшие в Ялтинском морском санатории, и Попова Евгения Федоровна, 1897 г.р., уроженка Харькова, сестра милосердия в санитарном поезде. Как видим, многим из них было всего лишь 22—25 лет. Список продолжают неграмотный рядовой казак, унтер офицер – каптенармус, юнкер-писарь 19 лет, солдат уроженец Курской губернии, полковник царской армии Чернопятков Николай Ефимович, инженер-строитель Субботин Николай Павлович, один из строителей элитарного курорта Симеиз и другие...

Федор Семенович Рофе-Бекетов и Тамара Владимировна Душина на открытии памятника А. К. Алчевскому

Христина Даниловна и Григорий умерли в том же роковом двадцатом году. Совпадение это легко объяснить и причина здесь одна - голод. Много имён не досчиталась русская культура в эти годы. Так же тихо ушёл из жизни А.Блок. От голода и лишений в своих ледяных квартирах в Петрограде умерли выдающиеся учёные — академик истории А.А.Шахматов, академик геологии Е.С.Фёдоров, ботаник Х.Я.Гобби и многие другие.

Дочь А.К.Алчевского Христина писала: «Року 1920 майже вся сім'я Алчевських вимерла через скрутне матеріальне становище. Лишились тільки я, моя сестра і один брат». (Но и брат Христины Алексеевны Николай так же умер от голода, в 1942 году во время оккупации в Харькове). Сама Христина чудом осталась жива. Она вспоминала:

«Року 1921-го я захворіла на тиф, бо захопила його в обстанові солдатських касарень 51-х піхотних командних курсів... Після хвороби, або під час її, я б, може, пропала від скрутного матеріального становища, та добрі люди підтримали мене посилками «АРА». Дивишся, то там, то тут заведуть тебе в список на отримання їх. От і врятували».

Газеты писали тогда о трудностях с продовольствием и топливом. В Петрограде 76% заболевших тифом приходилось на интеллигенцию.

После внезапной и трагической смерти мужа в 1901 году Христина Даниловна оказалась без средств к существованию. Вера Дмитриевна Щербакова вспоминала: «После похорон пришлось думать и о наследстве - а наследство это ничем не обеспеченные акции, которые надо погасить. На погашение пошло всё недвижимое имущество, и семья стала перед необходимостью искать средства к существованию». Была продана усадьба в Алексеевке и дом в Харькове.

Материальной опорой Христины Даниловны после смерти мужа был Иван Алчевский - известный оперный певец. Его не стало в 1917 году. Христина Даниловна ненадолго пережила сына, так и не дождавшись пенсию, выхлопотанную ей известной революционеркой Анной Хопёрской. Это не удивительно. Уже к осени 1918 года всё

население Москвы, Петрограда и других крупных городов было поделено на группы: работники физического труда, работники умственного труда, неработающие. Нормы снабжения продовольствием были установлены в пропорциях 4:2:1. При нехватке продовольствия, что случалось часто, те, кто принадлежал к третьей, а порой и второй категории, были вынуждены голодать.

Многие писатели, академики, артисты, научные работники, врачи, юристы перешли на службу в государственные учреждения и получали зарплату «буржуазных специалистов». Другие зарабатывали частным образом. Отвергнутые новым режимом, они не могли рассчитывать на получение каких-либо благ. Им было тяжелее всех в период rationирования продовольствия, их сильнее поразила инфляция. Буржуазное происхождение вызывало подозрение у местных властей и часто вело к дискриминации при поступлении в вузы, решении жилищной и других проблем.

Христина Дмитриевна тяжело переживала после смерти отца, которого очень сильно любила. А когда случайно увидела в Ялте человека, похожего на него, это отразилось на её психике. Она начала сходить с ума...

Жили они тогда недалеко от домика Чехова в так называемых «Серых дроздах», занимая там второй этаж.* Чтобы как-то выжить, Христине Дмитриевне приходилось носить в «Торгсин» немногие оставшиеся серебряные вещи, работать в музее, почтальоном...

В то время слово «интеллигент» стало почти ругательным. Новая власть опасалась влияния «бывших» на советское общество, даже когда они занимали скромное положение, сторонились политики и пытались скрыть своё прошлое. Представители «чуждых классов» не имели права голоса. Местные советы должны были выявлять их и исключать из списков избирателей. «Буржуазные специалисты» часто воспринимались, как замаскированные классовые враги. Слово «интеллигент» и «буржуй» стало почти синонимом. Такие газеты, как «Речь» и «Русские ведомости» писали о «травле интеллигенции в городе и деревне», о «настоящем крестовом походе против интеллигенции». Бесправие угнетало Христину Дмитриевну. С соседями по дому Бреловскими у неё сложились тяжёлые отношения. Они пытались забрать у неё квартиру, травили её и кричали: «Отнеси детей в детский дом, а сама ступай в больницу».

Соседи не унимались и вызвали её на суд. Но за неё вступилась другая соседка — Варвара Васильевна, мать которой работала управдомом. Тяжело больная эта добрая женщина пошла на суд, что видимо, стало причиной её скорой смерти. Христина Дмитриевна осталась совсем без защиты. В это время её муж, Владимир Гурьевич Душин, которого мы так усердно цитируем, бросил её и скрылся. С матерью отношения не складывались, чтобы избежать скандалов, приходилось уходить на частную квартиру.

Мать её Евгения Александровна (дочь генерала Попова) была чёрствая, гордая и бесчувственная женщина. Высокая и стройная, чтобы не портить фигуру, она всегда носила корсет. У неё был очень властный характер, и обе они не любили друг друга. Всю жизнь Евгения Александровна хотела иметь сына, но у неё было две дочери. И когда у Христины Дмитриевны родился Юра, она всей душой полюбила внука и подала в суд, чтобы ей отдали его на воспитание. Но суд при здоровом отце отказал бабушке в её просьбе. Все это, конечно, отразилось на здоровье истерзанной и измученной Христины Дмитриевны. У неё отняли любимого отца, а теперь хотели забрать ещё и ребенка. Она совсем замкнулась, стала курить, заходить в рестораны...

В 1931 году она попадает в психиатрическую больницу в Симферополе. Через год умирает её мать. Детей отдают в детский дом.

*Недавно я узнал, что дом Дмитрия Алчевского в Харькове находился на Садово-Куликовской улице, рядом с особняком коммерсанта Чарльза Блекки, представителя английской королевы, в котором сейчас «Дом художника», а в доме Д.А.Алчевского размещается школа №1. (Ю.Белов, 2007г.)

7 мая 1901 года Алексей Кириллович пишет своё последнее письмо, заканчивая его малопонятными и странными словами: «Мама, может быть, умрёт, Христя сойдет с ума, Митя погибнет, как и другие из-за меня».

Можно сказать, что всё это случилось, но только через много лет.

Конечно, Алчевский писал о своей дочери, а не внучке - Христине Дмитриевне. В семье любили это имя. Так звали его жену Христину Даниловну и дочь Анны — Христину Алексеевну Юрковскую.

Т. В. Душина с дочерью Мариной

В конце 20 -х годов, давление на детей «социально чуждых элементов» достигло своего пика. Некоторые были вынуждены отречься от своих родителей. Многие скрывали своё происхождение. Разоблачение скрытых врагов было широко развёрнуто в эти годы.

Лишь в 1935 году, когда Сталин, поддержав комбайнера - стахановца, чьи родители были кулаками, заявил, что «сын за отца не отвечает», положение, казалось, изменилось. Но пословица «Яблоко от яблони далеко не падает»

уже крепко вошла в сознание. В Конституции 1936 года говорилось о победе над классовыми врагами и что советское общество теперь состоит из двух дружественных классов - рабочего класса и колхозного крестьянства, которые находятся в гармоничном союзе с прослойкой интеллигенции.

Прослойка эта была уже достаточно тонкая. Но начиналась новая «охота на ведьм», поднимался кровавый призрак тридцать седьмого года. Кто знает, что ожидало Христину Дмитриевну, не попади она в психиатрическую больницу.

Я не буду описывать скитания Тамары Владимировны по детским домам. Пробыла она там до 1944 года. В 1952 году вернулась в Ялту, остановилась в гостинице и нашла свой дом, где всё было давно разграблено, и жили чужие люди. Ещё была жива её няня Евдокия Красовская. Они долго говорили, вспоминали... Но двери в прошлое были плотно закрыты, нужно было начинать новую жизнь. Работать пришлось, не покладая рук — санитаркой, рабочей в парке, копать, копать, копать...

В 1959 году родилась дочь Марина. Когда ей было пять лет, объявился Владимир Гурьевич. По радио он услышал Д.И.Щербакова, через него узнал адрес и написал в Ялту. Но Тамара Владимировна не верила в его чувства, и презирала отца. Когда с дочерью она приехала к нему в гости в Тулу, он засыпал её вопросами:

«Тамарочка! Ты помнишь, как мы жили, как было хорошо... Ты помнишь маму?». Что она могла ему сказать? Когда он их бросил, ей было пять с половиной лет. Но она помнила, помнила все эти годы - годы лишений, годы без материнской ласки, годы, которых могло не быть...

... Она помнила и не стала жалеть отца, а сказала просто и твёрдо:

«Я помню, как ты её бил».

Какие бы чувства не вызывал у нас Душин, письма его — достоверные свидетельства того времени. Это письма раскаяния, которыми он пытался смягчить свою вину перед дочерью. Они помогают «воскресить» давно ушедших людей:

«Когда я пишу тебе это письмо у нас теперь утро, но я никак не могу прийти в себя от увиденного мною сна, и нахожусь сейчас под его живым впечатлением. Вижу, что я опять в Ялте, как много, много лет назад, в кругу нашей семьи. Вижу маму, стоящую возле керосинки, бабушку с маленьким Юрочкой на кровати, который во что-то играет, а бабушка ему напевает: «В селе малом Ванька жил, Ванька Таньку полюбил». А ты стоишь посреди комнаты маленькая, черноглазая девочка с куколкой в руках, которую старательно заворачиваешь в какой-то яркий лоскуток.

Всё во сне было так живо и ярко, что, проснувшись, я не мог отличить, где сон, где действительность. Я долго сидел на кровати, вспоминая далёкое прошлое, и мне стало очень грустно и тяжело на душе, что я больше никогда не увижу ни Юрочку, ни бабушку, ни маму. Их давно уже нет в живых, а ведь они когда-то жили: видели звёзды, улыбались и радовались, у них были свои мысли и у каждого своё ощущение жизни. И вот теперь этих милых и близких моей душе людей уже нет, они навсегда исчезли с земли и никто кроме нас, их не будет знать и помнить».

* * *

Каждый год мы отмечаем День Победы и вспоминаем тех, кто защищал нашу Родину и не дожил до этого светлого дня. Среди павших на полях войны, был и сын Христины Дмитриевны, правнук Алексея Кирилловича — командир танка Т - 34, лейтенант Юрий Владимирович Душин. Он погиб, а «похоронка» уточняет — умер от ран, 25 марта 1945 года в Венгрии и похоронен в г. Веспрем.

Ему было немногим более двадцати лет.

* * *

С детства Христину Дмитриевну окружали художники, поэты.

Тамара Владимировна вспоминает: «Я очень хотела в детстве научиться играть на пианино, но так и не пришлось. С пятилетнего возраста меня тянуло на сцену. Где только не увижу сцену, начинаю «выкручиваться» на ней. Любила Каррузо, смотрела итальянские оперы. А когда пришлось в Киргизии работать служанкой у киргиза и присматривать за шестерыми детьми, посещала театры и смотрела на киргизском языке «Евгения Онегина». В детском доме она занималась в драматическом, танцевальном, физкультурном и хоровом кружке.

Тамара Владимировна бережно хранит грамоты за участие в художественной самодеятельности. Ей предлагали учиться, она всей душой стремилась в театр, но началась война... Такой же, несбывшейся мечтой осталось желание Марины блистать на арене цирка. Она с детства готовилась к этому, но когда поехала поступать, быстро поняла, что одних знаний и умения здесь недостаточно. Пришлось похоронить свою мечту и думать о насущном — как зарабатывать на жизнь.

К этому времени Тамара Владимировна была вынуждена оставить мужа, он пил и брак нельзя было назвать удачным. Когда Марина вышла замуж и родилась Леночка, казалось, судьба улыбнулась им, в доме поселилось счастье. Они ездили к родителям мужа в деревню, и семейный альбом пестрит фотографиями в духе голландских пасторалей, где Леночка с козочками и барашками на фоне идиллического сельского пейзажа. Когда смотришь на её милое лицо, невольно вспоминаешь слова, сказанные по другому поводу, о той, что жила более полувека назад — «Дитя природы».

Муж Марины пришёл с Афганистана, и в семье вздохнули с облегчением. Остались позади тревоги и волнения, появилась надежда на твёрдую опору в жизни. Но беда не заставила себя ждать. Через три месяца его убили. Погиб он не от пули моджахедов, а под ножом неведомого убийцы.

Так и живут они, как многие сегодня, считая «копейки», которых не хватает на жизнь. Пенсия у Тамары Владимировны небольшая и весь семейный бюджет держится на зарплате Марины. Она работает телефонисткой. А хочется и ребёнку доставить радость, ведь так заманчивы разноцветные обёртки в коммерческих киосках. Скромное их жилище требует внимания и ухода. Надо топить печь, ходить за водой в соседний санаторий, дают её на час - два и не каждый день. Но они привыкли к этим «маленьким неудобствам». Даже то, без чего нельзя обойтись, находится, чуть ли не в соседнем дворе. Хорошо, что зимы в Крыму мягкие.

Вместе ходят они в горы за дровами и так же втроем за водой. Маленькая Леночка не отстаёт от мамы и бабушки, и терпеливо ждёт своей очереди у старой колонки. Только не по - детски грустные у неё глаза, она ещё не понимает, что всё могло быть иначе.

Мы много говорим сегодня о генофонде, том культурном, плодоносящем слое, который и в природе создается годами, десятилетиями. Его легко разрушить... Среди тех, кто носил фамилию Алчевских, были музыканты, певцы, композиторы, поэты, литераторы... Это яркое явление нашей культуры. Легко понять Тамару Владимировну, когда с надеждой смотрит она на маленькую внучку и не перестает повторять Марине: «Учи ребенка красивой музыке». И когда Леночка сама, без подсказки, садится за пока ещё игрушечный рояль и что-то по-детски поёт и наигрывает, сколько теплоты и ласки у бабушки в глазах. Хочется верить, что повезёт ей больше и возродит она семейные традиции. Правда и сегодня времена для этого не самые лучшие.

Когда мы прощались с Тамарой Владимировной, она спросила:

«Как отнесётся новое поколение к вашим статьям? Поколение глухое...».

Надеюсь, что это не так. Надеюсь, что буду услышан.

* * *

римая. Она была всего лишь пылинкой на поле битв и сражений классов, и останется в нашей памяти такой, как на старой фотографии - маленькой девочкой в татарском костюме в тумане нарисованного пейзажа.

Мы расстались с Христиной Дмитриевной на пороге психиатрической лечебницы. Лишь недавно я узнал, что провела она там долгие мучительные годы...

За стенами больницы шла жизнь, поднимались заводы и электростанции, набирал силу невиданный в мире эксперимент, на Украине голодная смерть собирала обильную жатву, в Сибирь угоняли последних кормильцев деревни, начинались кровавые процессы, и всё громче пели хвалу великому горцу...

1 ноября 1941 года немцы вошли в Симферополь. Главврач больницы был арестован, по дороге в гестапо он вместе с женой успел принять яд. Все обитатели больницы были расстреляны. Так солдаты Вермахта поступали с калеками, стариками, неполноценными, теми, кто был обузой и не мог принести пользу «великому рейху». Так погибла Христина Дмитриевна - удивительная и неповто-

В один из приездов к Тамаре Владимировне, кажется в 1995 году, я написал пару этюдов с видом на далёкое море и замок Водарского - вечером, как только взойшла луна, и рано утром, когда первые лучи солнца мягко скользили по тропинке, которая вела к её старенькому дому. Их вы и видите на этой странице. (Ю.Белов, 2007 г.).

Алчевские в Крыму

1. БАРХАТНЫЙ СЕЗОН НА «РУССКОЙ РИВЬЕРЕ» Газета «Огни», 28 февраля 1996 г.

Христя долго лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к стуку колёс. В памяти проплывали картины милой ей Малороссии. Весь вечер она не отрывалась от окна, любясь дорожными пейзажами, и провожая последние огни... Исчезали вдали хатки и ветхие колокольни, рощицы и овраги с остатками последнего снега. Казалось, она расставалась с чем-то дорогим и близким, а впереди ожидало новое и неизвестное...

Через плотные занавески робко пробивались в купе первые лучи. Далеко над горизонтом прямо из воды поднималось солнце. Серая, унылая гладь тянулась с обеих сторон вагона. Поезд как бы парил, летел над ней. Так бывает только во сне. Но видение скоро кончилось, и за окном замелькали редкие постройки, а где-то далеко, в розовеющем тумане виднелись горы. Проехали Сиваш – «гнилое море», впереди был Крым.

Перрон Симферопольского вокзала ослепил яркостью красок, разноголосым шумом, тёплым весенним солнцем. Курьерский поезд стоял на первом пути, пыхтя и выпуская последние клубы пара. Торговки, носильщики, смуглые татарские лица мелькали в пёстрой толпе.

Казалось, люди всех континентов съехались на этот праздник красок - греки, болгары, армяне, турки в пурпурных фесках... Слышалась и знакомая украинская речь. Не зря город получил своё название ещё в Екатерининские времена. Ведь «симферо» - это собираю, а «полис» - город. То есть соединивший разные национальности. Старое название Ак-Мечеть (белая мечеть), которое дали ему татары, давно забыто.

Без особого труда Алчевские нашли комиссионера почтового сообщения «вручили ему багажную квитанцию. Их вещи доставили прямо к почтовой карете, запряженной парой лошадей. Это был наиболее удобный транспорт. Правда, до Ялты можно было ехать и мальпостом, но в тесноте и долго, целых 12 часов. Предлагали свои услуги и частные извозчики, соблазнительно выглядели экипажи, запряжённые «тройкой вороных». Но роскошь эта была обманчива, лошади их в пути не менялись, и пришлось бы ночевать в Алуште, растягивая поездку на целых два дня. И просили они с человека гораздо дороже - 25 рублей, а в почтовом фазтоне всего 16, и лошадей до Ялты меняли шесть раз. Вся дорога заняла бы 8-9 часов, а лишний двугривенный ямщику мог заметно ускорить движение.

В Симферополе задерживаться не стали. Алексей Кириллович бывал здесь уже не раз, да и деловых отношений заводить было не с кем. Из крупных предприятий только консервная и «конфектная» фабрики Эйнем и Абрикосова.

Город быстро остался позади, и экипаж выехал на «хорошо шоссированную» дорогу. По обеим сторонам открывались живописные виды. До Ялты было 90 вёрст, и ничего не оставалось, как любоваться пейзажем.

Слева раскинулась долина реки Салгир, справа виднелись развалины крепости и фонтанов. Проехали слободу Петровское, где находилась фабрика Абрикосова. Дорога шла мимо фруктовых садов и богатых имений. На седьмой версте показалось старое татарское кладбище, а за ним, на другом берегу реки, большой двухэтажный дом Кеслера. Имение его славилось рациональным хозяйством и приготовлением сыра не хуже швейцарского. За долиной реки пошла степь, напоминающая просторы Малороссии. Против имения графини Монжене виднелась церковь, построенная в 1891 году на средства крестьянина Петрова. Через две версты, посреди деревни, стояли развалины старого здания, в котором был когда-то монетный двор. За имением князя Долгорукого, где раньше нахо-

конный завод татарских дворян Крымчатовых, дорога стала более живописной. Она шла среди огромных деревьев, и прямо к шоссе спускались крутые обрывы, поросшие лесом. Приближались к самой высокой точке перевала - 2492 фута над уровнем моря. Здесь, в полуверсте от дороги, стоял обелиск в память путешествия по Крыму Александра I в 1824 году. Осмотрев памятник и перекусив в кофейне, где оказался самовар, путники поехали дальше. Начинаясь самая интересная часть пути. Дорога спускалась вниз. Слева показалась гора Демерджи, или, как её ещё называли, Екатерин-гора, из-за выступа, напоминающего гордый профиль императрицы. Уже виднелись первые домики Алушты, а за ними что-то синее и бесконечное сливалось с таким же глубоким и бездонным небом.

Ялта. Набережная. С открытки начала XX века

Христя первая увидела эту манящую синеву, и губы её невольно прошептали: «Море...».

«Так вот оно, море!...» - вспомнились слова поэта, рано умершего на этой благословенной земле.

В Ялте были к вечеру, остановились в гостинице «Россия». Выбрали номер на первом этаже с балконом и видом на море.

Из окон доносился приглушённый шум улицы. Улица вела к морю. Как и сто лет назад, спешили куда-то люди. Палящее южное солнце не проникало за толстые стены, и здесь, в старом здании городской библиотеки имени Чехова, стояла такая непривычная для Ялты прохлада.

На полках, в застеклённых шкафах зала редких книг хранились увесистые тома и древние фолианты. В них я надеялся разыскать сведения об Алексее Кирилловиче Алчевском. Но повезло ему меньше, чем жене и детям.

Советские энциклопедии про него забыли, но удивительно, что и ни в одном дореволюционном исследовании о видных людях России нет о нём сведений. Молчит «Русский биографический словарь» 1900 года и многотомное издание 1904 года «Промышленность и техника». В пятом томе «Горное дело и металлургия», где, казалось, он должен занимать достойное место, о нём ни слова. И только «Новый энциклопедический словарь» 1916 года, подробно рассказывая ещё при жизни о деятельности Х.Д.Алчевской, скромно уточняет – «жена харьковского негоцианта».

Купец - другого определения не нашли для него современники.

Так же мало известно и о пребывании Алчевского в Крыму. А если быть более точным, неизвестно ничего. Скажу больше, его даже не было в том поезде, который «пыхтя, подходил к зданию Симферопольского вокзала». Христина Даниловна приехала с дочерью и гувернанткой-француженкой. Правда, узнал я об этом гораздо позже, после

нескольких месяцев кропотливых поисков, и не стал ничего менять. Всё, о чем я пытался писать, лишь «заметки по поводу...», желание представить то далёкое время, вдохнуть неповторимый, напоённый ароматами крымский воздух ранней весны 1900 года. Как раковина обволакивает жемчужину, так и я по камешку строил этот «невидимый замок», пытаясь создать окружение, среду, атмосферу, в которой находились Алчевские, надеясь, что это поможет больше узнать о них, об этой поездке в Крым.

Не знаю, будет ли это интересно, но, если опустить все вольные фантазии и предположения, рассказ займёт несколько страниц. Меня увлекал сам поиск, а каждая новая находка приносила радость и казалась важной и значительной.

Говорят, что если интересно автору, то и читателя не оставит равнодушным. На это и остаётся надеяться.

Гостиница «Россия» была лучшая в Ялте и насчитывала 150 номеров, Алчевские жили в № 25, это известно достаточно точно. Но в Ялту они могли приехать и другой дорогой - поездом до Севастополя и морем до Ялты. Скорее всего, так и было.

Фамилии Алчевских, конечно, нет на мемориальной плите у входа в старое здание. Задолго до них в 1876 г. в № 68 останавливался Н.А. Некрасов. Бывали здесь Бунин и Маяковский. Глядя из окна на входящие в порт корабли, поэт написал «Товарищу Нетте - пароходу и человеку». Но это уже совсем другая история.

Многое пережила «Россия». Открылась гостиница 19 декабря 1875 года. Она отличалась внутренней роскошью, отделкой и разными удобствами. Светлые, высокие меблированные номера, обстановка по образцу западноевропейских отелей, изящная мебель, множество балконов, два больших зала с роялем для концертов, ресторан, зимний сад с фонтаном. Имелись электрические звонки, газовое освещение. Правда, электричество появилось уже позже - в 1902 году.

После революции здесь разместился санаторий «Большевик». (Чем не угодила «Россия»?). В начале войны - госпиталь, а с 1960 года - гостиница «Таврида», потом общежитие для иностранцев.

Старое здание давно пришло в упадок и стоит уже несколько лет пустое. Говорят, его продали англичанам или канадцам, и после реконструкции от «России» останется прежним только фасад. Давно нет старинной мебели, ничего не сохранилось от прежнего великолепия. Жалкое зрелище представляет «зимний сад», ободранные стены, разобранный паркет...*

*Наверное, моя информация устарела. И надеюсь, что сегодня гостиница выглядит лучше, чем во время моего посещения. Но за эти годы я больше не бывал в Ялте, поэтому ничего не могу об этом сказать. Единственное в чём я совершенно уверен, что если она и преобразилась, то на памятной плите у входа всё же нет упоминаний об Алчевских и тех событиях, о которых мне предстоит рассказать. (Ю.Белов, 2007 г.).

Я бродил по пустым и тёмным коридорам, пытаюсь найти комнату, где останавливались Алчевские. Помещение было давно перепланировано, и номера уже не раз менялись. Интуиция привела меня к одной из дверей. Она была закрыта и не поддавалась моим усилиям. Под ногами скрипел какой-то мусор, и в темноте не разобрать было надпись на двери. Но почему-то я был уверен, что именно здесь когда-то находился № 25.

Ялта и тогда была похожа на то, что мы привыкли видеть сегодня. Она всегда являлась центром притяжения курортной публики. Так же гуляли по набережной пары, так же плескалось море...

В популярном до революции путеводителе Григория Москвича говорилось: «Для многих не секрет, что с точки зрения курортных достоинств, многие местности Южного Берега не только не уступают Ялте, но во многом превосходят её. Но все же она обладает и

ещё, вероятно, долго будет обладать особой притягательной силой, тайна которой заключается в том, что едут в Ялту далеко не всегда с целью лечиться в узком значении слова. Огромный процент наезжающей сюда публики ищет исцеления не столько от тяжких недугов и болезней, сколько видит в Ялте просто привлекательное место, где можно отдохнуть, рассеяться, развлечься, пофлиртовать...».

Ялта занимала в этом отношении среди крымских курортов первое место, и за ней прочно установилась репутация «русской Ниццы». Правда, поэт Надсон, который приехал сюда в 1886 году, писал: «После Ниццы Ялта кажется довольно невзрачной». Да и Чехов говорил: «Не понимаю, зачем это здоровые люди в Ялту ездят? Что там хорошего?».

Для меня долго было загадкой, почему Алчевские приехали в Крым весной, как казалось, не в самое удобное время, пока я не прочёл у Куприна в рассказе «Винная бочка»: «Этот год ялтинский сезон был особенно многолюден и роскошен...».

Куприн объясняет, о каком сезоне идёт речь: «Надо сказать, что в Ялте существует не один сезон, а целых три: ситцевый, шёлковый и бархатный. Ситцевый - самый продолжительный, самый интересный и самый тихий. Делают его обыкновенно приезжие студенты и курсистки, средней руки чиновники и, главным образом, больные... Само собой разумеется, что шёлковый сезон нарядный и богатый. Публику этого сезона составляют: купечество выше, чем среднего разбора, провинциальное дворянство, чиновники покрупнее и так далее. Тут уже жизнь разматывается пошире... Номера в гостиницах почти все заняты, и цены на всё нужное и ненужное возрастают вдвое или втрое». Кажется, ничего не изменилось за сто лет. Но Алчевские приехали в Ялту 2 апреля, значит, они выбрали для отдыха самое неудачное время?

А Куприн продолжает: «Но бархатный сезон! Это золотые дни для Ялты, да, пожалуй, и

Ялта. Гостиница «Россия». 1900-е годы

Х. Д. Алчевская

для всего Крымского побережья. Он продолжается не более месяца и обыкновенно совпадает с последней неделей великого поста, с пасхой и Фоминой неделей». (А не осенью, как мы привыкли думать). Но читаем дальше: «Одни приезжают для того, чтобы избавиться от печальной необходимости делать визиты; другие - в качестве молодожёнов, совершающих свадебную поездку, а третьи - их большинство - потому что это модно, что в это время собирается в Ялте всё знатное и богатое, что можно блеснуть туалетами и красотой, завязать выгодные знакомства. Природы, конечно, никто не замечает. А надо сказать, что именно в это раннее - весеннее время Крым весь в бело-розовой рамке цветущих яблонь, миндаля, груш, персиков и абрикос, еще не пыльный, не зловонный, освеженный волшебным морским воздухом - поистине прекрасен».

Конечно, Алчевские могли приехать именно тогда, весной, в первых числах апреля, ведь начинался бархатный сезон на «Русской Ривьере».

Сезон 1900 года был и впрямь замечательный.

Ожидался приезд Московского художественного театра. Это было большое событие для Ялты. Сестра А.П.Чехова Мария Павловна писала: «В начале апреля 1900 г. я выехала на пасхальные каникулы домой в Ялту... Гастроли театра должны были начаться лишь на пасхальной неделе, сначала в Севастополе, а потом в Ялте. На страстной неделе в те времена всякие зрелищные предприятия не работали, все театры были закрыты...».

С 10 по 13 апреля театр показал в Севастополе все четыре пьесы, и в пятницу 14 апреля прибыл в Ялту. К этому времени в Ялте собрались писатели - М.Горький, И.А. Бунин, А.И.Куприн. Это был первый приезд Куприна в Крым, позже он писал: «Художественный театр приезжал в Ялту, кажется, с исключительной целью показать больному тогда Антону Павловичу постановку его пьесы. Дом писателя был полон гостей. Чехов любил такое оживление. Это было лучшее время из всей его ялтинской жизни. Он был жизнерадостен, весел, остроумен и совсем забыл о той болезни, которая заставила его жить в Крыму». Ещё недавно - 8 января 1900 года он писал А.С.Суворину:

«Доктора не выпускают меня из Ялты. А этот милый город надоел мне до тошноты, как постылая жена. Он излечит меня от туберкулёза, зато состарит лет на десять».

И 19 января В.М.Соболевскому: «Живём тут, точно сидим в Стрельне, и все эти вечнозелёные растения, кажется, сделаны из жести, и никакой от них радости». Он не раз повторял: «Тут бывает сезон, а жизни нет».

И вдруг всё изменилось...

Я не зря уделяю столько внимания настроению Антона Павловича, пытаюсь создать обстановку, в которую окунулись Алчевские, приехав в Ялту, Христина Даниловна пишет письмо Чехову. Она выражает своё восхищение его талантом и посылает ему два тома своей книги «Что читать народу?».

В письме она сообщает:

«Теперь мы работаем над 3 томом «Что читать народу?», и нам удалось прочитать в нашей мало подготовленной аудитории ваш рассказ «Бабы» и «Мужики»... Вы, быть мо-

жет, не знаете, Антон Павлович, как именно воспринимаются Ваши произведения читателем из народа, насколько они доступны ему. Если вопрос этот интересует Вас, не угодно ли Вам прочесть когда-нибудь в свободную минуту прилагаемую рукопись. Она может оставаться у Вас 2-3 недели, а затем я попрошу Вас возвратить её мне, так как у меня нет дубликата.

Адрес мой: гостиница "Россия", № 25

Глубоко Вас уважающая,

Х. Алчевская».

В письме Алчевской и её просьбе не было ничего необычного. Куприн вспоминал: «Самые разнообразные люди приезжали к Чехову: ученые, литераторы, земские деятели, доктора, военные, художники, поклонники и поклонницы, профессора, светские люди, сенаторы, священники, актеры - и Бог знает, кто ещё. Часто обращались к нему за советом, за протекцией, ещё чаще с просьбой о просмотре рукописи...».

Как же отнесся Чехов к работе Алчевской? Забегая вперед, скажу, что эти рецензии на рассказы «Бабы» и «Мужики» вышли в том же 1900 году в 5-6 номере «Русской школы». Сам же Чехов назвал их «искренними, правдивыми, что встречается не часто».

Известно, что за несколько лет до этого Лев Толстой положительно отозвался о работе Алчевской, называя себя «самым рьяным пропагандистом» её книги «Что читать народу?». Воскресная школа в Харькове, которую возглавляла Алчевская, за эту работу получила высшие награды на международной выставке в Париже, на выставках в Бельгии, в Антверпене. Своим трудом она всего лишь пыталась доказать, что простому народу не нужна какая-то особенная, «лубочная» литература, что он способен понять

А. П. Чехов среди артистов Художественного театра

настоящее художественное произведение. Была проделана огромная работа. Подготовка первого тома длилась 14 лет, второго и третьего по 5 лет. Каждое произведение читали вслух ученикам воскресной школы в Харькове или крестьянам села Алексеевки, и вели наблюдения, как воспринимали простые слушатели содержание книги, какие они делали замечания. Многие издания были признаны непригодными для народного и детского чтения. Такая работа была под силу лишь большому коллективу преподавателей. В первом томе был дан критический обзор на 1007 книг, во втором на 1477, в третьем - 1674. Но не все с пониманием относились к этой деятельности Алчевской. Она вспоминала, как на Всемирной выставке в Париже в 1889 году к стенду, где была выставлена их книга, подошёл небрежно, но изящно одетый молодой человек и, перелистав страницы, спросил: «Почём вы знаете, что читать народу?».

«Мы вовсе не знаем этого, - ответила Христина Даниловна, - мы только ставим себе и другим этот интересный вопрос, сознавая своё полное бессилие разрешить его».

В Америке, на выставке в Чикаго книга получила большую золотую медаль. Именно тогда Алчевскую выбрали вице-президентом Международной лиги просвещения. Кроме этого, она была почётным членом многих просветительских обществ, была награждена медалями Московского и Петербургского комитетов грамотности. Алчевская вправе была рассчитывать на благосклонное отношение к своей работе известного писателя.

3 апреля 1900 года Чехов пришёл в № 25 гостиницы «Россия», где остановились Алчевские. В память об этой встрече Антон Павлович подарил юной Христе свою фотографию с надписью: «Христине Алексеевне Алчевской от Антона Чехова».

Снимок этот воспроизводится в одном из томов «Литературного наследия». А книги, переданные Чехову (одна с надписью: «Глубокоуважаемому А.П.Чехову»), были отправлены в Чеховскую библиотеку в Таганрог.

На другой день, 4 апреля, Христина Даниловна вновь пишет Чехову:

«Позвольте поблагодарить Вас за то, что посетили нас. Посылаю Вам наш последний коллективный труд: «Книгу взрослых».

В то время «Книга взрослых» была принята, как учебник, во всех школах России и не раз переиздавалась: первый год обучения (1899) - 16 изданий, второй год обучения (1900) - 12 изданий, третий (1900) - 9 изданий.* Занимался этим известный на всю Россию своими книгами для народа И.Д. Сытин.

Иван Дмитриевич вспоминал: «С этого и начались мои деловые отношения с харьковской интеллигенцией... Вскоре кружок Алчевской обратился ко мне и с другими предложениями, и наша фирма выпустила новый труд харьковской воскресной школы – «Книгу взрослых». Школа сама назначила очень доступную цену для книги и получила всю прибыль от издания, за исключением всего лишь десяти процентов. Книга выдержала много изданий и принесла доход в тридцать три тысячи рублей, который

пошёл на нужды школы и обеспечил ей существование».

После смерти мужа для Христины Даниловны это была серьёзная поддержка в её деятельности. В письме к Чехову Алчевская напоминает об обещании познакомить её с Горьким и достать билеты на спектакль МХАТа в Ялте. Попасть на спектакль было не просто. Билеты продавали в лавке Синани, цены были выше обычного, но они

«В Ялте перед восходом солнца. Маяк». Ю. Белов. 1995 г.

разошлись, чуть ли не в один день.

Как видно из письма, которое было написано 5 апреля, Чехов выполнил эту просьбу:

«Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Прежде всего, позвольте искренно поблагодарить Вас за билеты, полученные мною вчера на все 4 спектакля, а затем просить сообщить мне адрес и имя Горького, которому я хочу послать обещанные книги».

Весной 1900 года имя Горького ещё не было широко известно. На слуху был его псевдоним. Звезда Алексея Максимовича только начинала всходить на литературном небосклоне. Но среди произведений, которые читали в воскресной школе, были и его рассказы.

Встреча с Горьким, наверное, состоялась. Он пробыл в Ялте с 16 марта по 28 мая, и вместе с Чеховым, художником В.Васнецовым и врачом А.Алексиным уехал на Кавказ. Кроме того, в «России» поселились и артисты Московского театра во главе с К.С.Станиславским и В.И. Немировичем-Данченко. Тут жили с семьями В.И.Качалов, Л.М.Леонидов,

М.Ф.Андреева, В. В. Лужский, В.Э.Мейерхольд, И.М. Москвин и др. По вечерам артисты собирались в отдельном кабинете гостиницы «Россия», кто-то обязательно играл на рояле. Бывал здесь и Горький. Да и сам Чехов хорошо знал «Россию». Он жил здесь с начала марта до начала апреля 1894 года, что, правда, не указано на мемориальной плите у входа в здание.

Неизвестно, как отнеслась Алчевская к спектаклям и игре актёров, в письмах к Чехову она об этом не упоминает. Но интересно вспомнить, что отношение к театру у Христины Даниловны было особенное. Ещё в молодости играла она в любительских спектаклях, обладая звучным меццо-сопрано. В числе поклонников её таланта был некий старик Криницын. Он воспитал и вывел на сцену известную тогда актрису Асенкову, звезду первой величины. Он говорил родителям Христи: «Ради Бога, отдайте мне её! Я сделаю из неё вторую Асенкову». К сожалению, нам это сравнение ни о чём не говорит. Чтобы понять, какие горизонты открывались перед Христей Алчевской, надо знать хоть немного о той, с кем её сравнивали.

Варвара Николаевна Асенкова родилась в 1817 году. Её мать получила в своё время театральное образование и хотела видеть свою дочь на сцене. Но все попытки были неудачны. Из театральной школы её вернули со словами: «Дочь ваша вполне бездарна и не годится к сцене...». Но мать не хотела с этим мириться и уговорила известного в то время актёра Сосницкого позаниматься с дочерью. (В воспоминаниях Христины Даниловны, это Криницын. Возможно, Сосницкий это псевдоним, в то время часто выходили на сцену с вымышленной фамилией). Но и усилия опытного артиста были тщетны. Прошло немало времени, и лишь однажды, разучивая роль, Варвара Николаевна так вошла в образ, что Сосницкий в восторге упал перед ней на колени, воскликнув: «Варя, теперь я

«Ялта. Колокольня Эшлимана». Ю. Белов. 1995 г.

ручаюсь, что ты будешь артисткой!». Потом было признание и бесконечный упоительный труд. Она полностью отдала себя сцене. Играла по 6-8 ролей в день и сгорела, как свеча. Умерла Варвара Николаевна от неизлечимой тогда чахотки в 24 года. Случилось это 19 апреля 1841 года через две недели после того, как в семье учителя Журавлёва родилась дочь, которую называли Христя. Место Асенковой так и не было занято. Вот какую судьбу и славу предсказывал Христине Даниловне «старик Крини-

цын». Но матери её, которая могла понять эти мечты, уже не было в живых, а отец говорил: «Никогда моя дочь не будет актрисой, разве переступит через мой труп».

У неё и правда была возможность стать актрисой. В то время о ней писали газеты, а богатая барыня Игнатьева, большая любительница драматического искусства, видела её в спектаклях и горячо уговаривала бросить всё и ехать с ней в Петербург. Она сулила ей блестящую будущность и предлагала окружить любовью и комфортом. Позже Христина Даниловна вспоминала: «Когда я вышла замуж, иные обязанности и заботы наполнили мою жизнь. Страсть к сцене мало-помалу стихала, и душу захватили другие увлечения. Сначала при посещении театра мне было больно до слёз смотреть на сцену, и видеть, как бездарная актриса портила свою роль; мне хотелось выгнать её прочь и самой произнести с увлечением и страстью её прекрасный монолог. Потом мне казалось это только смешным, а затем я совсем, почти перестала посещать театр, - меня не тянуло туда более».

Теперь вы понимаете, какими глазами смотрела она на сцену той ранней весной 1900 года, когда перед ней играли лучшие актёры того времени. Какие это воскрешало в её душе воспоминания. Наверное, любовь к театру не прошла бесследно и переплавилась в бесконечное, глубокое чувство к сыну, известному оперному певцу Ивану Алчевскому, с которым она была особенно близка. Но до первого выхода его на сцену оставалось еще больше года. А сама Христина Даниловна давно уже была далека от мысли переделывать свою судьбу. Она посвятила себя другому делу и, наверное, не жалела об этом.

На другой день после того, как Чехов пришёл к ним в номер 25 гостиницы «Россия», ей исполнилось... 59 лет.

Конечно, хотелось знать, о чём они говорили, и как проходила эта встреча. К сожалению, в своих воспоминаниях «Передуманное и пережитое» Христина Даниловна об этом не упоминает. Казалось, ничего уже не узнать о событиях тех дней. Но жизнь готовила ещё один сюрприз. Сохранилось письмо, написанное Алчевской 3 апреля 1900 года, в тот самый день, когда приходил к ним Чехов. Оно касается её личных переживаний и написано, видимо, близкой подруге. В нём тайна и загадка... Я перечитывал его не раз, и не выходят из памяти эти строчки: «...я плачу, плачу целый день. Благо, что погода прекрасная и Х. с Melle гуляет без конца. Могу на свободе плакать и писать, писать и плакать...».

Христя Алчевская на берегу моря

«Вчера он был у нас...»

Так называется рассказ Инны Гофф, написанный более двадцати лет назад. Есть у него и второе название – «Вокруг одного письма».

В увлекательной форме она сообщает о том, как попали к ней письма умершей в Москве незнакомой ей женщины. Среди них оказалось одно, которое показалось ей интересным потому, что в нём упоминался Чехов. Письмо было написано безукоризненным женским почерком на двойном листе хрупкой, пожелтевшей бумаги, с проступившими на страницах коричневыми пятнами, со всей старой орфографией и буквой «ять».

Неясно было, кто автор письма. Все, о ком в нём упоминалось, были обозначены только начальными буквами. Или потому, что были хорошо знакомы адресату, а может, из желания скрыть их имена от случайных глаз.

Поиск привёл Инну Гофф к неожиданной разгадке - письмо написано Христиной Даниловной Алчевской. Но интересно не только это. Отправлено оно из Ялты 4 апреля 1900 года.*

Христина Даниловна пишет неизвестной нам Марии Николаевне, по-видимому, хорошо ей знакомой, возможно, близкой подруге, если доверяет ей свои душевные тайны.

Прочтите внимательно эти строчки:

«3 апреля 1900 г. Ялта.

Вы не пишете мне, и я не буду отправлять Вам писем, но не писать Вам здесь, в Крыму, я не в силах. Сегодня мы проезжали мимо домика Эшлимана - ставни закрыты, пустота, нежившая ещё зелень как-то мертвенно застыла на стенах. Да, всё умерло, надежды, мечты, желания, волнения, и только ноет неугомонное сердце, и рыдания подступают к горлу. Только оно не хочет успокоиться и разлюбить.

Завтра день моего рождения.

Сейчас получила телеграмму, что А.К. не приедет. Еще бы! Будь мне не 59, а 29 лет, он, конечно бы, приехал, а исполнять желания 60-летней женщины даже смешно!.. А между тем сердце не мирится с этим, и я плачу, плачу целый день... Благо, что погода прекрасная и Х. с Melle гуляет без конца. Могу на свободе плакать и писать, писать и плакать.

А теперь появилась еще какая-то новая болезнь - удушье. Нечем дышать. Это особенно страшно ночью, так и кажется, что вот-вот задохнёшься. Елпатьевский говорит, что это чисто на нервной почве и даёт бром, который, впрочем, что-то не помогает... Да вряд ли я поправлюсь в Крыму!».

Письмо это удивительно. Оно лучше всяких исследований помогает понять и увидеть внутренний мир Христины Даниловны со всеми её мыслями и переживаниями. На этом оно не заканчивается и ещё имеет продолжение, но попробуем пока разобраться в том, что узнали.

*Не могу не вспомнить здесь о своих родителях, которым очень многим обязан, и которых бесконечно люблю. Но, к сожалению, мой отец, (о котором я сейчас пишу книгу), умер ещё летом 1975 года, за три месяца до моей первой выставки, так и не успев разделить со мной эту радость. А мама ушла из жизни через девять лет, в сентябре 1984 года, задолго до моих первых публикаций и выпуска «Коллажа», и не предполагая, что я буду когда-то писать и заниматься историей, тем более исследованием жизни Алчевских. Но вот что удивительно. В тот день, когда в городской газете вышел этот материал, с упоминанием о рассказе Инны Гофф, который я, кстати, очень долго искал и узнал о его существовании не сразу, а сложными окольными путями, придя домой, я решил просмотреть какие-то старые мамины тетради, на которые раньше не обращал внимания. И открыв первую страницу, просто обомлел. Там было написано: «Для Юры. Инна Гофф – «Вчера он был у нас», (об Алчевских)...

Я и сегодня не могу это объяснить. Случайность это, предвидение или нечто большее... (Ю.Белов, 2007 г.).

Для нас, конечно, не загадка, что А.К. - это Алексей Кириллович Алчевский, а Х. - младшая дочь Христя. Письмо, казалось, полностью разрушает версию о приезде Алчевского в Ялту, но к этому мы ещё вернёмся, главное, самое интригующее и непонятное - это «домик Эшлимана» и связанные с ним переживания. Как предполагает Инна Гофф, он «внушает Алчевской особую грусть и напоминает об ушедшей любви». Но вскоре она отказывается от этой мысли, узнав, что Эшлиман - главный архитектор Южного Берега Крыма не годится для отведённой ему роли, так как умер в 1893 году, и было ему уже 85 лет. Тогда она решает, что переживания Христины Даниловны связаны с её мужем, что они в молодости могли гостить у Эшлимана, и это навесило её воспоминания. И лишь в одном месте она выдвигает робкое предположение, а «был ли у Эшлимана сын?..», «Был ли мальчик?». Но после встречи с внучкой Алчевского Еленой Алексеевной Бекетовой, которая гневно отвергла даже всякую мысль о любовном романе, отказывается от этой версии. Елена Алексеевна утверждала, что Христина Даниловна очень любила своего мужа, и «этого быть не могло!..». Думаю, я не оскорблю память Христины Даниловны, если хоть немного «приподниму занавес» и попробую узнать лишь самую малость - был ли у Эшлимана сын?.. «Был ли мальчик?».

В романе М.Горького «Жизнь Клима Самгина» есть такой эпизод. Катаясь на коньках, Клим пытается спасти мальчика Бориса, который вместе с другими детьми провалился в полынь. Но ремень, который он подал мальчику, затягивает Клима в воду, и он отпускает его. Дети утонули, а когда начинаются поиски, Клима поражает чей-то серьёзный недоверчивый вопрос: «Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было». Эта фраза и стала выражением крайнего сомнения, стала «крылатой».

Артисты Художественного театра, А. П. Чехов и М. Горький возле Массандровских подвалов. 1900 г. Иногда считают, что на этой фотографии гости князя Л. С. Голицына в Новом Свете, но достаточно взглянуть на фотографию подвалов в Массандре и характерную форму их окон, чтобы отпали сомнения, где сделан снимок

Так «был ли мальчик»? Конечно, был, и звали его Эммануил Карлович Эшлиман. Архитектор, инженер-механик, он похоронен там же, где и его знаменитый отец, на старом кладбище рядом с колокольной на Поликуровском холме, построенной главным архитектором Южного берега Крыма Карлом Эшлиманом.

Это, конечно, ещё не повод для различных предположений. Он мог быть гораздо младше

Христины Даниловны, и тогда эта версия сама бы собой развалилась. Но здесь и начинается серия таинственных совпадений. Родился Эммануил Карлович в 1842 году и был почти одного возраста с Христиной Даниловной, а умер... Дата смерти указана на памятнике. Он сохранился. Надпись прочесть можно, и она заставляет о многом задуматься. Трудно отнести это к случайному совпадению.

Дата, указанная на памятнике - 1900 год.

Перечитаем ещё раз письмо: «...всё умерло, надежды, мечты, желания, волнения, и только ноет неугомонное сердце, и рыдания подступают к горлу. Только оно не хочет успокоиться и разлюбить».

Эти слова как бы дополняет более ранняя запись из дневника Христины Даниловны:

«Жизнь приучает нас к утратам и потерям, но есть утраты настолько тяжёлые, что примириться с ними, привыкнуть к ним почти невозможно».

Но рано утверждать, что мы уже знаем, о чём переживала Христина Даниловна, проезжая мимо домика Эшлимана. На пути этом ещё много загадок. Да, Эммануил Карлович умер в 1900 году, но, как сообщает надпись на памятнике, 14 мая. Это случилось через полтора месяца после приезда Алчевских в Крым.

Я не смог выяснить причину смерти. Кажется, он покончил с собой...

«От Ялты по направлению к Гурзуфу идут две шоссейные дороги. Верхнее (Симферопольское) шоссе проходит над Гурзуфом и далее на Алушту» Первым по пути из Ялты, слева расположено имение гр. Мордвинова, почти против, ниже кладбища, на возвышенном месте находится дача, бывшая Цибульского, где скончался поэт Надсон. За Мордвиновским имением дачи г. Франка и кн. Барятинской, а ещё далее несколько дач гр. Часновской. Затем следует дача Эшлимана «Планжи-сарай». Отсюда дорога разветвляется».

Об этом говорится в уже известном нам путеводителе по Крыму Г. Москвича.

Дача Эшлимана сохранилась, но, кажется, за неё принимают совсем другое здание - большой дом, украшенный скульптурами. Скорее всего, он принадлежал другому известному архитектору - Отто Венигеру. Об этом напоминают буквы О.В. на фасаде здания. А домик Эшлимана, именно «домик», как написано у Алчевской, находился немного дальше, у самого поворота. Он и сейчас на прежнем месте, только слегка перестроен. (Это помог мне выяснить ялтинский краевед и коллекционер старых открыток с видами города Иван Николаевич Севастьянов).

Массандровские подвалы. 1900 г.

Это была дача, как сказано в путеводителе, куда приезжали только отдыхать. Поэтому и ставни ранней весной были закрыты, и «неожившая ещё зелень как-то мертвенно застыла на стенах».

Но «домик» стоял по дороге на Симферополь, а Алчевская увидела его уже после приезда 3 апреля, значит, попали они в Ялту всё же другим путём - морем из Севастополя или Одессы.

Что же привело Хрестину Даниловну на эту дорогу? Причины могли быть разные - поездка в Массандру, для знакомства с винподвалами (такие экскурсии были популярны среди отдыхающих), или в только что построенный в 1900 году Массандровский дворец, кстати, архитектором О.Венигером. Дворец обошелся в 500 тысяч рублей, и взглянуть на него было много желающих. Но есть и ещё одно предположение.

В старом путеводителе сказано, что на 5 версте, внизу от дороги «виден красивый белый дом г. Журавлёва». Имение украшал памятник Александру II из серого мрамора с бронзовым бюстом императора работы скульптора Чицова. Вспомним, что девичья фамилия Христины Даниловны - Журавлёва. Так величали её отца и двух братьев. Не могло ли это имение принадлежать кому-то из родственников Алчевской?

Интересно, что летом 1896 года в имении Н.А.Журавлёва жил художник В.Верещагин. В Крым его привела болезнь старшей дочери Лидии. «Умная, острая, бойкая, она заболела туберкулезом головного мозга и умерла, заразившись от свой чахоточной няни», - писал он своему московскому приятелю. Там же указывает свой адрес: «Таврическая губерния, гор. Ялта, Магарацское имение Журавлёва». Позже, 17 ноября 1898 года он пишет тяжело больному П.М.Третьякову, у которого была парализована жена, и советует ему приехать с ней в Крым.

В письме он сообщает: «Невольно приходит на ум Магарац, где я нанимал за 100 руб. в месяц нижний этаж дома Журавлёва (континентального). Место высокое, не жаркое в середине лета, и восхитительное весной и осенью. В доме обыкновенно никто не живёт, а воздух!!!» П.М.Третьяков не успел воспользоваться советом Верещагина, он умер через две недели, 4 декабря 1898 года.

В путеводителе Г.Москвича упоминается ещё одно «загадочное» имение Алчевских в районе Ореанды, которая принадлежала Государю Императору. Участки здесь стоили особенно дорого. Кто из Алчевских владел имением, пока не ясно, но интересно, что их соседом по даче был А.А.Журавлёв, инициалы почти как у хозяина уже знакомого нам имения. Скорее всего, они были братья, поэтому В.Верещагину, указывая адрес имения Журавлёва, понадобилось сделать приписку «магарацское», ведь существовало ещё одно - в Ореанде. А слово «континентальный» видимо было характеристикой, своеобразной приметой одного из Журавлёвых. Смысл его не ясен. Ничего, кроме гостиницы «Континенталь», в голову не приходит, но думаю, что со временем и это станет известно.

Среди тех, кто уже в советское время часто бывал в доме Чехова и оставил воспоминания о

Летний ресторан гостиницы «Россия». 1900-е годы

А. К. Алчевский с женой и дочерью Христей в Ялте

Марии Павловне, был народный артист РСФСР, мастер художественного слова Дмитрий Николаевич Журавлёв. В лице его есть что-то молдаванское, напоминающее о предках Алчевской. Не был ли он сыном Н.А.Журавлёва - владельца магарачского имения, и не это ли привело Христину Даниловну на Симферопольскую дорогу, которая делает поворот у домика Эшлимана. Ведь Дмитрий Николаевич родился в 1900 году.

Верещагину мог быть знаком еще один Журавлёв, художник-жанрист (1836-1901 гг.), автор известной картины «Перед венцом», но звали его Фирс Сергеевич. Вряд ли он имеет отношение к нашим поискам.

Остаётся выяснить главное - приезжал ли Алексей Кириллович в Крым. Ведь телеграмма, о которой упоминает Христина Даниловна, полностью разрушает мою версию и выглядит она теперь не более, как фантазия. Ничего не остаётся, как попытаться доказать невозможное, что А.К.Алчевский был в Крыму в апреле 1900 года. Да, он не приехал вместе с женой и дочерью, дал телеграмму, но это ещё не значит, что он не был в Ялте позже, после 4 апреля...

Христина Даниловна обижается на мужа за равнодушие к ней, но причины могли быть и другие. Вспомним, какое это было трудное время для Алчевского. В стране начинался экономический кризис, через год Алексея Кирилловича не станет. Возможно, он и охладел к жене, уйдя с головой в промышленные и финансовые дела, но и сама она признавалась, что в его финансовых проблемах ничего не понимает, а когда заходит об этом разговор, уходит из комнаты. Вряд ли это сближало их, похоже, что они жили каждый своей жизнью. Это совсем не значит, что Христина Даниловна не любила мужа. И он в своём последнем письме напишет: «Мама может быть умрет!», понимая, что она не переживёт его смерти.

И здесь самое время вспомнить о фотографии, на которой Алексей Кириллович рядом с женой и дочерью на фоне цветущей зелени, правда, без каких-либо признаков Ялты или Крыма. Считалось, что фотография сделана в Харькове во дворе дома Алчевских. Но Е.Д.Радкова, исследователь жизни Алчевских из Харькова, упоминает эту фотографию в письме к Тамаре Владимировне Душиной. Она пишет: «Не помню, посылала ли я вам этот снимок – А.К.Алчевский, Х.Д.Алчевская и их дочь Христя в Крыму...».

Пришлось провести небольшое исследование. Но «окружающий пейзаж» и одежда Алчевских не давали возможности точно определить место, и время когда была сделана фотография. И вот удача... На старых открытках с видами Ялты оказались точно такие скамейки с деревянной спинкой и изогнутыми ножками, и не где-нибудь, а возле гостиницы «Россия» в летнем ресторане и сквере перед ней. Это было излюбленное место отдыха фешенебельной публики.

Христина Даниловна упоминает в письме, что «погода прекрасная». И на фотографии тёплый, солнечный день... Одеты Алчевские по-весеннему. На Христе платье с длинными рукавами, как и у матери.

Если Алексей Кириллович изменил своё решение и всё же приехал в Ялту, случилось это между 3 и 10 апреля. Так как позже погода резко испортилась, стало холодно, дул сильный ветер, о чём вспоминают артисты Художественного театра, приехавшие 10 апреля в Крым на гастроли. Первое представление давали в Севастополе. Погода становилась всё хуже. Спектакль «Чайка» шёл при ужасных условиях. «Ветер выл так, что у каждой кулисы стояло по мастеру, которые придерживали их, чтобы они не упали в публику от порыва ветра. Все время слышались с моря тревожные свистки пароходов и крики сирены, шёл дождь...», - вспоминал К. С. Станиславский.

Чехов, который приехал на представление театра из Ялты, на фотографии в шляпе и пальто, которое развевают порывы ветра. Немирович-Данченко писал: «Несмотря на резкий холод, он был в лёгоньком пальто».

Когда вечером 14 апреля артисты прибыли в Ялту, «пошли ветры, бури». На пристани их встречала толпа публики, «цветы, парадные платья, на море выюга, ветер - одним словом, полный хаос».

Через четыре дня закончились гастроли, и вся труппа собралась для завтрака на плоской крыше дома у гостеприимной Фаины Карловны Татариновой. Вспоминали, что был «жаркий день и сверкающее вдали море». Фотография Алчевских могла быть сделана и в эти, последние дни пребывания их в Ялте.

Я бы не затевал всю эту историю с фотографией, если бы внутренний голос не подсказывал мне, что снимок этот сделан именно тогда, в апреле 1900 года. Достаточно взглянуть на Алексея Кирилловича и лицо Христины Даниловны с его гаммой чувств и переживаний. Это когда-то красивое лицо уже увядающей женщины, на котором, кажется, обнажен каждый нерв и «снята кожа». Оно особенно контрастно рядом со спокойствием и даже равнодушием мужа и такой естественной радостью дочери. Мне даже кажется, что я понимаю, о чём она думает сейчас. Может быть, я ошибаюсь, но и телеграмма А.К., и домик Эшлимана, и каждая строчка этого письма к Марии Николаевне, всё «написано» на этом застывшем лице. Она смотрит из той далекой весны, апреля 1900 года.

Сохранилась визитная карточка Христины Даниловны, отправленная Чехову, с надписью на обратной стороне: «Глубокоуважаемый Антон Павлович! В понедельник, рано утром, мы уезжаем, и потому убедительно прошу возвратить мне мою рукопись. Х.Алчевская». Написано это поспешным мелким почерком, с плохо скрываемым раздражением. Рукопись была дана Чехову на 2-3 недели, они истекали к понедельнику 24 апреля. Возможно, это и была дата отъезда.

Мог ли Антон Павлович забыть о своём обещании, вернуть к этому сроку рукопись? Если это и так, его можно понять. Сам Чехов писал: «На святой неделе в Ялте был Художественный театр, от которого я никак не могу прийти в себя, так как после длинной, тихой и скучной зимы пришлось ложиться спать в 3-4 часа утра и обедать каждый день в большой компании - и так больше двух недель». «Больше двух недель»... Чехов и сам не ожидал, что приезд театра внесёт в его жизнь такие изменения.

В понедельник 24 апреля провожали артистов Художественного театра. Они выехали на пароходе в Севастополь и в тот же день поездом отправились в Москву. Пароход из Ялты отходил обычно в 9 часов утра. В записке Алчевской сказано: «В понедельник, рано утром мы уезжаем». Возможно, они уехали этим же рейсом, 24 апреля.

А. П. Чехов и М. Горький в Ялте.

Но, кажется, мы забежали вперёд. Вспомним, что у письма Христины Даниловны было продолжение. 3 апреля она сообщает о даче Эшлимана и «плачет, плачет целый день», а, скорее всего, к вечеру встречается с Чеховым. Но в письме об этом пока ни слова, и лишь рано утром 4 апреля, переполненная впечатлениями от этой встречи, она пишет слова, которые у Инны Гофф стали заглавием рассказа:

«Вчера и на моей улице был праздник! Третьего дня я послала Чехову свои рецензии при письме, а на другой день, т.е. *вчера, он был у нас*, чтобы благодарить за них и сказать, что никогда ни одна критика не доставляла ему столько удовольствия и не вызывала столько интереса, как эта. Он называл эти рецензии искренними, правдивыми, что встречается не часто, и просил оставить у него на недельку, чтобы прочесть их Горькому. Он обещал познакомить с Горьким и достать билеты на Московскую труппу, которая приедет сюда исполнять пьесы Чехова под его непосредственными наблюдениями. Он обещал часто заходить к нам и уезжать никуда не собирается.

Чехов произвёл на нас самое хорошее впечатление - прост, натурален в высшей степени, ни малейшей позировки, или самомнения.

Вчера же получила Ваше открытое письмо. Но, Боже мой, письмо ли это? Несколько деловых слов, и только, Бог с Вами! Ваша Х. Ал...» (неразборчиво).

Я уже упоминал, что рецензии Алчевской были одобрены Чеховым. Когда в 1897 году вышел рассказ «Мужики», Немирович-Данченко писал ему: «Судя по отзывам со всех концов, ты давно не имел такого успеха». Но многими рассказ был принят враждебно, как «хула на мужиков». И.Бунин считал его «далеко не лучшей Чеховской вещью». Л.Толстой высказался более категорично – «плохое произведение, «Мужики» - это грех перед народом». Горький отозвался положительно, считая, что после Короленко, который первый сказал новое и веское слово о мужиках, Чехов написал замечательные рассказы. Не потому ли Антон Павлович хотел показать рецензии Алчевской именно Горькому?

Есть в письме Христины Даниловны небольшая приписка, которая сделана, видимо, позже: «Сейчас Клавд. Ник. сообщила мне, что Вы были больны и даже лежали в постели. Милая моя! Дорогая! Быть может, это было причиной того, что Вы не писали мне! Тогда простите мне все мои упреки!

Непременно напишите о здоровье. Х. Шлёт Вам привет».

Клавдия Николаевна - это жена Николая Алексеевича, сына Алчевской. Вместе с мужем она работала в Харьковской воскресной школе. Николай часто заменял мать, а в последние годы её жизни руководство школой лежало на нём. В 1900 году в школе работало 82 педагога и училось 619 учеников.

В письме Чехову от 3 апреля Алчевская сообщает, что в Ялту приехал её сын Николай Алексеевич, «которого тоже интересует вопрос с водой, но он не знает, к кому обратиться с этим». Инна Гофф предполагает, что у Алчевских в Ялте был свой дом, куда они приезжали на лето, иначе, зачем Николая Алексеевича интересовал «вопрос с водой», который заботил Чехова в связи с поливкой его аутского, тогда ещё молодого сада.

В Ялте дома у Алчевских не было, но Николай мог строить дачу в той же Ореанде или Гурзуфе. Много загадок связано и с именем Алчевских в Ореанде.

В начале 1900 года строительство здесь, безусловно, велось. В путеводителе Г. Москвича за 1901 год, там, где описана местность за Ореандой и Ай-Тодором, говорилось:

«За именем кн. Долгорукова находится земля, приобретенная проф. Тарновским, г. Алчевским и известным артистом Сазоновым. Новые владельцы энергично приводят в порядок свои участки, а г. Сазонов выстроил уже большой дом».

В путеводителе А. Безчинского за 1903 год владельцем имения уже названа Алчевская. В его же путеводителе 1908 года - вновь Алчевский. И в путеводителе Г. Москвича 1910 года снова Алчевская, но упоминается, что «участки эти приведены в порядок и обустроены». Кто же был владельцем имения, и сохранились ли постройки?

Николай Алексеевич приехал, конечно, поздравить мать, но был, наверное, занят и на строительстве дачи, поэтому его и нет на фотографии. Если только он сам не является автором снимка. Но была ли сделана фотография в апреле 1900 года, а не раньше или позже? Христе, должно быть, на ней 18 лет, она родилась 4 марта 1882 года. Определить это, конечно, с точностью по снимку невозможно.

Христина Даниловна могла приехать в Ялту и в 1899 году, и видимо, была она здесь уже не раз. В письме подруге она не считает нужным объяснять, кто такой Елпатьевский - писатель, врач, лечивший Чехова, видимо, о нём уже сообщалось раньше. Кстати, Елпатьевский строил тогда дом в Ялте, и по «вопросу с водой» можно было обратиться к нему. Но если это 1899 год, то Алчевская и тогда могла встретиться с Чеховым, ведь он уже жил в Ялте с осени 1898 года. Оказывается, не могла, и это легко доказать. Перед самой Пасхой, в первых числах апреля 1899 года, он уехал в Москву, 20 июля едет на Кавказ, потом возвращается в Крым и в начале августа снова в Москву. В Ялте он пробыл осень и зиму. 1900 год для этого знакомства был самый благоприятный.

В письме Ф. Достоевскому Алчевская как-то писала: «Мать у меня была молдаванка - дочь, нет, внучка господаря Молдавии - Гика, женщина холерического темперамента. И вот я унаследовала все её отрицательные качества: порывистость, нетерпимость, вспыльчивость, нервность, впечатлительность - всё то, что мешает человеку спокойно и беспристрастно смотреть на мир».

Христина Даниловна приехала в Крым лечить нервы, но, кажется, и Христа оказалась в Ялте не случайно. С детства она получала образование дома в «семейной школе», и лишь с 5-го класса её отдали в женскую гимназию. Но ей не давалась математика. Она вспоминала: «Я так трудилася, що нервово перевтомилася й захворіла так сильно, що мені взято з VII класу лише за 1,5 року я кінчила освіту на тимчасових учительських курсах в Парижі року 1902 (уже по смерті батька)».

Это объясняет, как оказалась Христа в Крыму весной, когда шли занятия в гимназии. В 1900 году она едет в Париж, скорее всего, с матерью, ведь там проходила Всемирная выставка, вторая после 1889 года, на которой Христина Даниловна показывала свою книгу «Что читать народу?». Возможно, это была причина спешки, с какой они покинули Ялту. Но думаю, что приезд Алчевских именно весной был тоже не случаен. О гастролях театра было известно заранее. Еще 29 февраля 1900 года Чехов писал В.А.Поссе: «Есть слухи, что на Пасхе в Севастополе и Ялте будет играть Московский Художественный театр». Наверное, эти «слухи» как-то повлияли на решение приехать в Ялту именно в начале апреля.

В 1903 году, после учительских курсов в Париже, смерти отца, Христа снова приедет в Крым. Её влекла Ялта, томили воспоминания... Она остановится в гостинице «Россия».

В письме Алчевская даёт характеристику Чехову: «...прост, натурален в высшей степени, ни малейшей позировки, или самомнения». Интересно сравнить это со словами Горького из письма к жене после знакомства с Антоном Павловичем в марте 1899 года: «Чехов - человек на редкость добрый, мягкий, вдумчивый... Говорить с ним в высокой степени приятно».

В мае 1900 года, вскоре после отъезда Алчевских, Чехов послал 1000 рублей на постройку школы в Мухалатке, ещё раньше он пожертвовал на школу, которой грозило закрытие, 500 рублей. Я не связываю эти события, но Чехов был далеко не богатым человеком. Да, он продал Марксу право на издание своих сочинений за 75 тысяч рублей, но к тому времени получил только часть денег, которые пошли на строительство дома в Ялте, приобретение имения в Кучук-Кое и т.д. Договор был грабительским, издателю он принёс огромные прибыли. В письме Марксу, которое подписали Ф.Шаляпин, Л.Андреев, И.Бунин и др., говорилось: «Антон Павлович не только не богат - об этом не смеет думать

русский писатель, - он просто не имеет того среднего достатка, при котором много поработавший и утомлённый человек может спокойно отдохнуть без думы о завтрашнем дне».

Чехов помогал приезжающим в Ялту малообеспеченным туберкулезным больным, содействуя ялтинскому благотворительному обществу, собирал пожертвования. Он мог обратиться и к жене известного промышленника и банкира. Но сама Христина Даниловна не распоряжалась деньгами, это мог сделать лишь Алексей Кириллович... Если только он был тогда в Ялте.

Но что могло привести Алчевского в Крым? Конечно, день рождения жены, желание отдохнуть, но были, наверное, и другие причины.

Возможно, это дела Земельного банка, который он возглавлял. К тому времени влияние его распространилось не только на Харьковскую, Курскую, Воронежскую, Екатеринославскую, Полтавскую, Орловскую губернии и Донскую область. Филиалы банка были в Севастополе, Симферополе и Ялте. Рост оборотов сопровождался и широкой благотворительной деятельностью. На свои деньги банк субсидировал школу глухонемых, благотворительное общество, в учреждениях которого воспитывалось 200 сирот, было до 80 беспомощных стариков и старух, и действовало 19 участковых попечителей о бедных. У меня нет сведений за 1900 год но только в 1893 году банк пожертвовал 3000 рублей Харьковскому коммерческому училищу, 2000 рублей - бедным, пострадавшим от наводнения, 5000 рублей - различным учреждениям.

Харьковский Земельный банк был хорошо известен в Ялте. К его услугам обращались многие жители города. Не мог об этом не знать и Чехов. В центральном государственном архиве хранится две квитанционные книжки Антона Павловича для сбора пожертвований. Интересно, нет ли там фамилии Алчевских?

Когда через несколько лет после смерти отца Иван Алчевский приедет в Ялту и даст концерт в гостинице «Россия», половина суммы от сбора поступит в пользу Ялтинского благотворительного общества, состоящего под покровительством Великой княгини Ксении Александровны.

Но кому же было отправлено это загадочное письмо, кто эта неизвестная нам Мария Николаевна? Инна Гофф упоминает, что Елена Алексеевна Бекетова - внучка Алчевского называла несколько знакомых Христины Даниловны с таким именем и отчеством. Она считала, что, скорее всего, это одна из преподавательниц воскресной школы, с которой дружила Алчевская и которая была гораздо моложе её. Это и вызывает большие сомнения. Вряд ли она делилась с более молодой подругой столь личными переживаниями. Кроме того, упоминается о болезни Марии Николаевны, - «Вы были больны, и даже лежали в постели». Скорее всего, это человек одного с ней возраста, который был свидетелем тех событий, которые навевают столь грустные воспоминания. Ведь не случайна фраза: «не писать Вам здесь, в Крыму, я не в силах».

Много лет прошло с тех пор, как был написан рассказ Инны Гофф, но не убавилось вопросов, связанных с этим письмом. Уже не узнать, как попало оно к той женщине, умершей в Москве, кто был адресат и где другие письма к подруге Алчевской, ведь их, наверное, было не мало.

Давно нет Христины Даниловны, она умерла в голодном 1920 году. Вместе с ней умерла и тайна... тайна Эшлимана.

Инна Гофф (1928-1991), к сожалению, не успела прочесть эту статью. Она была опубликована лишь через несколько лет после её смерти. Наверно мало кто знает, что она была автором многих известных песен – «Август, за окнами август...», «Поле, русское поле...» из кинофильма «Новые приключения неуловимых» (музыка Яна Френкеля) и др. Она была женой известного поэта К. Ваншенкина. Достаточно напомнить написанную на его стихи песню «Алёша». Жизнь Инны Гофф была тесно связана с Харьковом. Её мама преподавала в школе основанной Алчевской. Видимо не случайно оказалось у неё письмо, отправленное из Ялты в апреле 1900 года...

Дмитрий... Дмитрий царевич убиенный... (Назойливо лезет в голову эта фраза).

Дмитрий Алексеевич уби... Дмитрий Алексеевич Алчевский - убит, в 1920 году. Что мы ещё знаем о старшем сыне А.К.Алчевского?

Родился в 1862 году...

С детства прекрасно играл на гитаре, виолончели, хорошо пел, увлекался рисованием. Окончил гимназию, поступил в Харьковский университет, защитил здесь диссертацию магистра. Кандидат естественных наук. Помогал отцу в финансовых вопросах, единственный из детей продолжил его дело. В документах завода ДЮМО, которые хранятся в Луганском областном архиве, и после смерти Алчевского встречается его имя. Работал в Харьковском Земельном банке, который прежде возглавлял его отец.

Солнце ещё не поднималось, когда, пройдя по тихим и сонным улицам Симеиза, я вышел на старую дорогу у подножия горы Кошка. Отсюда открывался вид на утопающие в зелени причудливые дачи, гордую вершину Ай-Петри, скалу «Дива» и обломки «Монаха». Рядом, у самой дороги виднелась дача «Нюкта» инженера путей сообщения Кузьменко, с фигурой «Богини ночи» на фронтоне. Здесь, в гостях у своего товарища, жил будущий академик геологии Дима Щербаков и сюда приезжала Вера Алчевская. По этой дороге, которая, извиваясь, терялась в зелени Лименской долины, скакала она на резвой лошадке, совсем не похожая на студентку консерватории, и, наверное, так же любовалась на этом повороте величием пейзажа.

Край неба стал теплее, и первые лучи осветили факел, высоко поднятый в руке «Богини ночи».

В 1783 году Указом Екатерины Крым был присоединён к России. До этого Южный берег был мало заселён. В 1769 году греческое войско при эскадре графа Алексея Орлова помогало сражаться против турок в Средиземном море. За эти заслуги греки были

Дорога из Симеиза. 1900-е годы

переселены в Керчь и Таганрог, а после присоединения Крыма, по распоряжению Потёмкина, переведены на Южный берег. Они несли в Крыму пограничную службу, а в свободное время вели хозяйство на отведённых им землях. Большим участком владел командир Балаклавского пограничного батальона Феодосий Дмитриевич Ревелиотти. Принадлежало ему 609 десятин,

да «под берегом моря, его крутостями и обрывами» ещё 31 десятина 419 сажень. Штаб пограничного батальона находился в Кикенеизе, а сама дача генерала, которая называлась «Святая Троица», располагалась ближе к морю, где-то на месте современной Понизовки. Там было позже и имение Дмитрия Алчевского.

Дорога в Кикенеиз была для меня не просто прогулкой, я давно мечтал и грезил о ней, и стало это уже каким-то «священным актом». Я должен был непременно побывать там и увидеть всё своими глазами. Всё, конечно, изменилось за это время. Дорога была асфаль-

Скульптура «Богиня ночи»*

тирована и благоустроена, но, как и много веков назад, нависали над ней каменные глыбы. Ещё И.М.Муравьев-Апостол, который проезжал здесь в 1820 году, писал: «Начался ужаснейший спуск, который одним помышлением о нём наводит трепет... Особенно и выше всякого описания угол каменной горы, который объезжается у самого моря. Скала на скале загромождают путь; страшные обломки висят над головой и на каждом шагу грозят страннику...

...О, роковое страшилище, помедли!»

Дорога уже не казалась столь опасной, но, пройдя шагов двести, я увидел большой камень, который недавно сорвался со скалы, примяв ещё свежие цветы.

В своей книге о Симеизе, вышедшей в 1913 году, В.М.Кузьменко рассказывал об «огромной величины камне», который стоял на вершине горы, на самом краю пропасти, почти на одной точке. И под него с одной стороны, «кажется нарочно», были подсунуты другие камни. Татары считали, что его поставили генуэзцы для встречи неприятеля. (Позже я нашёл этот камень на небольшом уступе, на вершине горы Кошка, обращённой к морю. Как не странно, он так и стоял, подпиёртый несколькими камнями поменьше. Не знаю, уцелел ли до настоящего времени, при огромном наплыве варваров-туристов). На самом высоком месте находился когда-то и крест, поставленный лименским помещиком Петром Васильевичем Шипиловым.

Дорога спускалась вниз, к пляжу. До революции здесь было обширное имение Филибера с дворцом, который разрушен землетрясением 1927 года. Дальше от берега, в глубине долины, где виднелась группа высоких тополей, стояла дача Македонской. В её саду украшала клумбу большая древнегреческая амфора, одна из тех, что находили здесь в виноградниках. Рядом находится источник «Ай-Ян», который татары считали святым. По преданию, он вытекал из-под алтаря стоявшей здесь когда-то церкви Св. Иоанна.

Когда я спустился к Кацивели, солнце уже поднялось высоко, и расплавленными искрами сверкало море.

Дача В. М. Кузьменко в Симеизе

*Чтобы сделать тогда эту фотографию «Богини ночи» без искажений, мне пришлось воспользоваться телеобъективом и снять её на расстоянии более 100 метров, с возвышенности напротив. (Ю.Белов, 2007 г.)

Гребень горы Кошки, Дивы и Панзи слился в один причудливый силуэт. Эту картину столет назад мог наблюдать Куинджи. Здесь начиналась его земля. В 1886 году Архип Иванович, как и Алчевские, купил у сына Ревелиотти участок в 245 десятин за 30 тысяч рублей. Он мечтал построить здесь дом для собраний, библиотеку, надеялся, что сюда будут приезжать художники. Умирая в 1910 году, Куинджи передал «Обществу» его имени 500 тысяч рублей, все свои картины и землю в Крыму. Но революция всё списала.

Кикенеиз. С литографии сер. XIX века

Земля эта так и не была устроена. Дорога тянулась среди кустарников и заборов, строительного мусора и бетонных мутантов – брошенных долгостроев. Как бы хорош был пейзаж без этого грубого вмешательства в природу. Где-то я прочёл, что Южный берег был спроектирован и воплощён гениальным архитектором – Господом Богом, и нашим главным законом должно стать: «Не навреди». Но примеры обратного можно увидеть на каждом шагу.

В книге Карла Крачковского «Дневник Путешествия в Крым, совершённого в 1825 году», Варшава, 1829 г., (публикация В.Навроцкого и И.Неяченко – «Крымский альбом», 1998 г.), есть описание Кикенеиза: «Прибыли мы на ночлег в селение Киркенез... Въехали в Киркенез узкими и кривыми улочками. Множество плодоносных деревьев инжира, греческих орехов, шелковицы, дикого винограда затеняли дорогу. Всюду журчали источники, вода из которых узкими ручьями протекала вдоль и поперёк улиц к самому морю... В дальнейшей дороге спустились к самому морю, бурные волны которого с грохотом отражались прибрежными скалами. Морские берега устланы залежами кварцевого песка. Тут и там видны дико растущие маслиновые деревья, чем-то похожие на иву. Дорога шла вдоль стены скал, как бы руин некоего замка. С самой вершины стекала тонкая струйка с живительной полоской стелющихся растений...»

Земля Куинджи граничила с имением Алчевских.

Дорога внезапно кончилась...

Нет, ещё шла куда-то белая, петляющая лента, но я остановился и не мог оторвать взгляда от пейзажа, который раскинулся передо мной. Жемчужной россыпью сбегали по склону маленькие домики, а над ними стеной уходила вдаль горная гряда. Хотелось закрыть глаза и сохранить в памяти эту картину...

Вдали простиралась татарская деревня, конечная цель моего пути – Кикенеиз.

Название это встречается в самых разных вариантах – Кикенеиз, Кикинеиз, Кекенеиз. Трудно сказать, какое из них более верное. Татары появились в Крыму в начале XIII века, но селились в основном в степной полосе. А южную, гористую часть побережья в период господства татарского владычества заняли генуэзцы. Ещё в прошлом веке многие исследователи отмечали, что жители Кикенеиза, Лимен и Симеиза отличаются от других обитателей Крыма формой своих лиц и считают своими предками генуэзцев.

В 1475 году турки в союзе с татарами взяли у генуэзцев Кафу (Феодосию), и южный берег стал турецкой провинцией под управлением крымского хана.

В списке картин, оставленных Куинджи после смерти, первой значится «Татарская деревня при лунном освещении на южном берегу Крыма», написанная в 1868 году, задолго до того, как было куплено имение в Крыму. Значит, он бывал здесь и раньше.

Описание этого уголка Крыма сохранилось в воспоминаниях княгини Е.Горчаковой. Проезжая здесь в конце прошлого века, она писала: «Тут же стояло тому назад сто лет богатое селение Кикинеиз, бывший греческий город, известный в XV веке под именем Кинсанус. Это селение пострадало в 1786 г. от страшного обвала; почти все строения, греческая церковь, мельницы, виноградники и сады, устроенные на шиферной глинистой почве, постоянно размываемой подземной водой, стекающей из бассейна Яйлы, вдруг скатились в море; жители спаслись все, но от богатого селения осталась только незначительная часть, где теперь деревня Кикинеиз и несколько домов в деревне Кучук-Кой».

Kikineiz.

Кикенеиз. С литографии К. Кюгельхена, сер. XIX века

кровли на домах, похожие на террасы; татары сушат на них табак, орехи, лук, чеснок, и пр., а во время праздников танцуют на них. В Кикинеизе почтовая станция. Мы тут

По другим сведениям, 16 татарских домов было унесено тогда в море. Здесь же в деревне Кучук-Кой в конце 1898 года А.П.Чехов купил себе не дорогой участок за 2000 рублей, который оказался ему, в общем-то, не нужен, но уж очень было дешево. Так Антон Павлович стал соседом Алчевских. Сюда он приезжал с Горьким, который вспоминал:

«Однажды он позвал меня к себе в деревню Кучук-Кой, где у него был маленький клочок земли и белый двухэтажный домик».

Из-за оползней в период истребления татарских, наименований Кикенеиз получил более прозаическое название – Оползневое. А когда стали возвращаться депортированные татары и строить рядом с деревней свои дома, им не позволили вернуть старое название, и новый посёлок окрестили просто – Оползневое-2.

Княгиня Е.Горчакова сохранила для нас и описание Кикенеиза: «В нём поражают плоские

остановились, чтобы напиться чаю. Нам подали самовар на длинном открытом балконе, с видом на море». Воспоминания княгини были изданы в 1883 году. Через три года обширный участок земли вблизи Кикенеиза был куплен Алчевским.

Где-то я уже встречал такое название, трудно придумать другое для описания Кикенеиза – «Райский уголок» Это и правда одно из красивейших мест в Крыму, на самой

южной точке полуострова, между Симеизом и Форосом. Несколько раз я приезжал потом на этот берег и обошёл его «вдоль и поперёк». Мог бы и сам рассказать многое об удивительных пляжах и бухтах, но лучше обратиться к «первоисточнику» - описанию имения, которое оставила сама владелица, жена Дмитрия - Евгения Александровна Алчевская:

«Особенности имения следующие: Общий склон к юго-западу, великолепная защищённость от самой неприятной и постоянной группы ветров, восточной. Редкий в Крыму широкий простор, исключительная живописность, 2 бухты, защищённая одна от восточной, другая от западной волны. Исключительной ширины и удобства пляж, отличная стоянка, виды на закат солнца, опускающегося большей частью года в море, а потому зимой - больше на 1/2 часа продолжительность солнечного дня, чем в Ялте».

Пляж этот называют «Золотым», В Крыму их несколько с таким названием. Здесь уже не помнят Алчевских, а об «исключительной широты» полоске у моря говорят тепло и ласково «Пляж Куинджи».

Кроме приморской части, 1800 сажень в имении было выделено под виноградники. Они находились выше почтового шоссе. Когда-то в Кикенеизе у Ревелиотти были «роскошные богатые виноградники», разведенные ещё в 1830-е годы, но позже они были запущены, а постройки разорены. Округ был заражён филлоксерой - бедствие, которое в конце XIX века охватило большую часть побережья.

Сами татары виноградниками не занимались, соблюдая закон Магомета, запрещающий употреблять виноградный сок. Правда, на Южном берегу не везде этого придерживаются.

1600 сажень у Алчевских было под огородом, 400 сажень - сад, 1000 сажень - табачные плантации и столько же под парком, да еще 50 десятин - под лесом, 12 - под оврагами, 5 - под дорогами, 600 сажень - под прудами и столько же под постройками...

Всего - 144 десятины и 1718, квадратных сажень..

О самой Евгении Александровне известно не много. Она получила хорошее образование, окончила институт благородных девиц. Её мать - Вера Ивановна Гольденбрант. Отец - Александр Иванович Попов, был заслуженным генералом. Его мать Вера Александровна Яснова принадлежала к известной русской фамилии. Её мать Клавдия была дочерью Клавдия Мусина-Пушкина, а у её брата Сергея Клавдиевича было 15 детей, среди них известные всей России имена - Александр Сергеевич и Пётр Сергеевич Мусины-Пушкины. Отец генерала Попова был родом из Тамбова. Кстати, же-

Д. А. Алчевский с женой Е. А. Алчевской

на известного химика Анна Ивановна Менделеева (1860-1940) урождённая Попова. Она уехала в Италию и оставила интересные воспоминания о художниках - передвижниках, которые бывали в квартире её мужа.

Евгения Александровна умерла в 1933 году и похоронена в Ялте.

Из тех, кто оставил воспоминания о Кикенензе, я уже упоминал художника Рылова. Он отдыхал в имении Алчевских, и его описания стали для меня путеводной нитью во всех поисках. Настолько яркими были впечатления от встречи с Кикенеизом, что через 20 лет, когда Рылов стал работать над своей книгой, каждая строчка её сверкает образными сравнениями: «Какие волшебные лунные ночи. Какой воздух - не надышишься.

Санаторий в Понизовке

Земля под деревьями покрыта узорными тенями. Серебром блестят листья. Кое-где камни белеют. Море дышит и сверкает. В тёмное небо уходят далёкие скалы Яйлы. Под ними спит татарская деревня, и только один огонёк едва виднеется. Воздух напоён ароматом цветов. От этих ночей я приходил в волнение. Я восхищался и не находил себе места от такого непонятного беспокойного состояния».

Невольно вспоминаются «лунные пейзажи» его учителя Куинджи, так удивительно описание природы. Это маленькие шедевры, достойные кисти художника: «Лунные ночи, аромат белых цветов в саду, порхающие над цветами сфинксы туманили голову, как старое вино».

Рылов начал писать эти воспоминания в 1934 году и диктовал сразу на машинку, по конспектам. Вряд ли в них сохранились ещё какие-то упоминания об Алчевских.

На месте имения раскинулся дом отдыха «Понизовка» с неуклюжими новомодными корпусами, и лишь одно старое здание с островерхой крышей скромно спряталось среди вековых деревьев на краю утёса.

Москва, Измайлово...

Именно здесь, несколько лет назад, среди развала бесценной рухляди какой-то старик продавал пожелтевшие фотографии. На снимках здание, похожее на замок, с башней и островерхой крышей. Фотографии передают все этапы его строительства, но надписей нет.

На языке коллекционеров это «беспаспортный» никому не нужный хлам. Их купил один собиратель, правда, его

Кикенеиз. Дом с островерхой крышей. 1900-е годы

интересовал только балет, у каждого свои причуды, но фотографии могли пригодиться

для обмена. Здание смутно напоминало ему постройки, виденные в Крыму. Прошло время, и редкие фотографии легли на стол в скромной коммунальной квартире на улице Рузвельта. Из окна её был виден строгий силуэт колокольни Эшлимана, а рядом, в двух шагах, плескалось море...

По воле случая или судьбы новый владелец фотографий, Иван Николаевич Севастьянов, оказался моим хорошим знакомым, большим знатоком Ялты, который не раз помогал мне в поисках. Не сразу, но тайна «старого замка» была разгадана, и вот в одном из его пухлых альбомов с видами Крыма, рядом с пожелтевшими снимками, появилась короткая надпись: «Кикенеиз, дом отдыха «Понизовка», корпус № 7».

Я уже знал это здание, поднимался по его ступеням, прикасался к холодному металлу изящно изогнутой ручки, ходил по пустым высоким комнатам и слушал самые разные легенды. Несведущие художники приходили сюда поклониться памяти Куинджи, связывали его с именем известного чайного фабриканта Кузнецова, построившего знаменитую церковь над Форосом, и никогда не существовавшего, придуманного народной молвой, графа Понизова.

Такую легенду рассказал мне и один мужичок-пастух, которого я встретил по дороге в Кикенеиз. Попал он сюда, кажется, из Белгородской губернии, да и весь народ здесь пришлый, татары были выселены, и места заново обживали уже после войны. Не понимая старые слова, пытались их объяснить на свой лад. Но было у этого островерхого «замка», затерявшегося среди старого парка, ещё одно название, которое в недавние времена произносили не иначе, как шёпотом – «Дача Берии».

Кикенеиз. Дом с островерхой крышей. 1900-е годы

Лаврентий Павлович, говорят, бывал тут не часто, приезжал иногда на пару дней. Много по Южному берегу старинных дач и особняков в самых красивых местах носит его имя.

При нём, уже после войны, появились у входа устрашающие львы, стоял рядом и неизменный бюст Сталина. Со временем, с помощью одного из знатоков Крыма, на фотографии была сделана ещё одна надпись: «Дача Ивана Алчевского, архитектор А.Н.Бекетов». Но такое предположение требовало

проверки. Мог ли Иван Алексеевич быть владельцем этого дома и бывал ли он вообще в Кикенеизе? Книга «Иван Алчевский» (авторы П.Ивановский и К.Милославский) не давала ответа на эти вопросы. Там были воспоминания Веры Дмитриевны Алчевской - племянницы Ивана Алексеевича, но, как это обычно бывает, попали они в книгу с большими сокращениями. Полный текст рукописи хранился в Москве у её дочери Ксении Дмитриевны, к которой мне и пришлось обратиться за помощью. С её согласия, я использую ранее неопубликованные воспоминания.

Да, Иван Алексеевич бывал в Крыму в 1907, 1909 и 1912 годах. Может быть, эти сведения и не полные. В июле 1907 года после гастролей за границей он возвратился на родину. Побывав в Петербурге, Харькове, он отправляется на гастроли, на Кавказские

минеральные воды, поёт в Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках, а затем в Крыму. Он приезжал погостить в Алушту к сестре Анне и в Кикенеиз. В Ялте проходили его концерты. Известно об одном из них в гостинице «Россия», где в 1900 году останавливались Алчевские. Сохранился такой документ: «Его Превосходительству Господину Главнoначальствующему г. Ялты и Ялтинского уезда, от артиста императорского театра

И А. Алчевского – ПРОШЕНИЕ :

«Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство разрешить мне устроить в воскресенье, 26 августа с/г. в зале гостиницы «Россия» концерт, половинная часть с коего поступит в пользу состоящего под августейшим покровительством Её императорского Высочества Великой княгини Ксении Александровны Ялтинского благотворительного общества. В концерте примет участие пианист Г.Семёнов и скрипач Армандо Цани Заки».

Алексей Кириллович и не подозревал, какое будущее ожидает его сына. Первое выступление известного певца состоялось 4 декабря 1901 года. После смерти отца Иван Алексеевич, студент-химик, решается на смелый шаг - поступить в оперу.

Вера Дмитриевна вспоминает: «Надо сказать, что в семье очень любили музыку... Иван Алексеевич пел в студенческом хоре. Там он выделялся своим красивым тенором. Голос у него был большого диапазона, пел он с

увлечением и легко брал верхние ноты. У нас он иногда встречался с молодым Шаляпиным: Гости собирались вечером и сидели иногда до утра. Бывало за столом, среди ужина, раздавалась какая-нибудь заздравная песня, а любимым занятием Ивана Алексеевича было взять высокую ноту в тон тонкому хрустальному бокалу, держа его перед собой, и бокал рассыпался. У него был абсолютный слух, и фокус неизменно удавался».

Любопытный эпизод, специалистам судить, насколько это возможно. Но где встречался Алчевский с Шаляпиным? «У нас», - это могло быть и в Кикенеизе, и в Харькове, и в Петербурге, где жили Алчевские. В воспоминаниях самого Шаляпина на это ответа нет. Он лишь упоминает о совместной работе с Алчевским в спектаклях Дягилева в Париже. Да и сам Дягилев немногословен. Лишь несколько слов об Иване Алексеевиче в письмах, и не больше.

В грандиозном спектакле «Борис Годунов», показанном в Париже, Алчевский выходит на сцену вместе с Шаляпиным в роли Шуйского. Премьера «Бориса» в Grand Opera состоялась 6 мая 1908 года, накануне седьмой годовщины со дня смерти отца.

После гастролей в Америке Иван Алексеевич приезжает в Крым.

Вера Дмитриевна вспоминает: «В Нью-Йорке ему платят большие деньги, но на обратном пути в Европу он заезжает в Монте-Карло и проигрывает их в рулетку.

Обвинив крупье в жульничестве, он попадает в психиатрическую больницу из

Иван Алексеевич Алчевский

Строительство дома в Кикенеизе. 1900-е годы

Симеиз. Вилла «Мечта». Ю. Белов. 1995 г.

«Прогулки в горы, поездки на яхте, теннисные партии с братом, а в конце оперные партии прямо на теннисной площадке, (услышав которые с балконов соседних дач свешиваются слушатели и неистово аплодируют), да бесконечные споры на музыкальные темы, вот чем заполнен день Ивана Алексеевича. После отдыха работа: разучиваются новые партии, в которых предстоят новые успехи».

Окончательно Иван Алчевский возвратился на Родину только в 1914 году, «когда вспыхнувшая первая империалистическая война грозила отрезать его от родных и нежно любимой матери». В эти годы он мог подумать и об устройстве дома в Крыму, но был ли он владельцем этой дачи? Вряд ли...

«Восход солнца. По пути в Кикенеиз». Ю. Белов. 1995 г.

которой его выпускают уже без копейки денег, только с билетом в Петроград. В Петроград он попадает летом, все в разъезде и только у своей старой поклонницы Абаза он достает достаточную сумму, чтобы приехать в Крым. К нам в Кикенеиз он является без смены белья лишь в одном костюме, и мы вытаскиваем старые вещи моего отца, чтобы несколько его одеть».

Чем же занимался Иван Алексеевич в Кикенеизе, строил ли дачу? Как и все приезжие, он отдыхал, и, кажется, день его был заполнен до предела:

Симеиз. Дача Зыкова». Ю. Белов. 1995 г.

Постоянные гастроли, турне по российским городам... Где ему было найти время для строительства? Если только он не купил уже готовое здание и не был одним из его последних владельцев. Но кто же построил дачу для Лаврентия Павловича Берии?

«Тропинка приводила меня к берегу под утёс. Тело приятно обвевалось утренним воздухом под лучами солнца. Входишь в плотную, прозрачную воду, поплаваешь от одного камня до другого, полежишь на спине, заложив руки за голову, будто на мягкой постели, и идёшь домой по знакомой тропинке. На балконе уже ждёт кофе с теплыми бубликами и швейцарским сыром. А затем ящик через плечо, зонтик и - на этюд...».

Это уже знакомые нам воспоминания художника Рылова. Фамилия Алчевских в книге не упоминается, а где же находится дом, к которому вела тропинка? Все, кто занимался его поиском, считали, что он не сохранился. Хотелось верить, что мне повезёт больше, и, не надеясь на лёгкую победу, я решил для начала найти тропинку, тропинку под утёс...

Археологи говорят, что самое вечное - это яма. Что бы ни случилось, и через тысячу лет легко обнаружить её очертание из-за разницы в плотности земли. Я бы сказал, что и дороги, а в нашем случае и тропинки, так же долговечны.

Весь Крымский берег изрезан ими, как большой пирог. Их проложили животные и люди, выбирая всегда самый короткий и удобный путь. Думаю, что там, где мы, не задумываясь, спускаемся к морю, ходили до нас и сто, и двести лет назад.

Но имение Алчевских занимало две версты морского берега. Чтобы окинуть его взглядом, нужно подняться на дорогу к автобусной остановке. С высоты открывался вид на весь берег. «Это был не вид, а рахат-лукум», как любил говорить Чехов, глядя с балкона своей дачи.

К морю спускался склон, поросший кустарником, и редкими кипарисами. Где искать нужную тропинку? Вспомнились слова Н.Рериха: «Если хочешь найти место самое древнее, ищи самое живописное». Но где же здесь самое красивое место? Где мог поставить свою дачу Ревелиотти, где был дом Алчевских, где бы я сам выбрал место, если бы, конечно, мог выбирать? Боюсь, что я оказался не оригинален. Место, которое я выбрал, было уже занято, там стояла «Дача Берии».

Смотровая площадка находилась рядом, на краю утеса. Её ограда появилась уже после войны, но вряд ли это место и раньше не использовали по назначению. С высокого обрыва открывался изумительный вид на море, широкий пляж и домик пограничной заставы, который венчал каменистый мыс - мыс «Святой троицы». Вдали в розовеющей дымке таяли горы и далёкий Форосский берег. Было что-то знакомое в этом пейзаже. Кажется, у Рылова есть упоминание о «пограничной страже». Я без труда нашёл нужную страницу: «Место дикое, нетронутое. Лес, камни, скалы и синее море. Нет никакого жилья поблизости, если не считать домика пограничной стражи по соседству на горе».

Конечно, ещё со времен Ревелиотти, здесь была пограничная застава, она и осталась на прежнем месте.

Я перелез через ограду смотровой площадки и чуть не наступил на большого полоза. Он золотой лентой мелькнул в высокой траве. Кажется, мы оба порядком испугались, но цель была достигнута.

По краю обрыва шла тропинка, она спускалась вниз под утёс...

«Вечер. Гора Кошка». Ю. Белов. 1996 г.

«Кикенеиз. Земля Куинджи». Ю. Белов. 1995 г.

Это уже четвертый, последний материал об Алчевских в Крыму. И пока мы с вами не простились, хочу поблагодарить тех, кто помог мне в такой сложной работе. Это потомки Алчевского - Тамара Владимировна Душина и Фёдор Семёнович Рофе-Бекетов, краевед Иван Николаевич Севастьянов и историк Анна Абрамовна Галиченко, их имена, в Ялте, не нуждаются в представлении, сотрудники дома-музея А.П.Чехова, музея Леси Украинки, библиотеки города Ялты и многие другие. Я не раз использовал сведения, собранные журналистом и знатоком Крыма И.Неяченко.

Тех, кого моя работа не оставила равнодушным, приглашаю на выставку в Перевальский музей. Здесь вы увидите и колокольню Эшлимана, и Лименский берег, и Кикенеиз, где было имение Алчевских и земля Куинджи.*

*Выставки этой конечно давно уже нет, но всё же несколько своих этюдов, написанных тогда, во время путешествия в Кикенеиз, я решил поместить в этой книге.

Сто лет назад, 26 мая 1886 года, на заводе ДЮМО была пущена первая доменная печь, а в это время на окраине Керчи началось строительство металлургического завода...

В 1927 году в Польше, на перроне Варшавского вокзала 19-летним гимназистом был смертельно ранен пятью выстрелами в упор полпред СССР П.Л. Войков. Он успел сделать два ответных выстрела и, через несколько часов, скончался в больнице.

Два этих события связаны между собой и имеют отношение к цели нашего поиска...

По официальным источникам отец Петра Войкова Лазарь Петрович - украинский крестьянин, сумел получить среднее образование и поступить в Петербургский горный институт. По другим сведениям дед известного дипломата был родом из Сербии и бежал во время какого-то восстания, долго скитался по свету, пока не попал в Малороссию. В последнее время называют и «настоящее имя Войкова» - Пинхус Вайнер.

Его мать - Александра Филипповна была образованной женщиной, окончила Керченский институт благородных девиц, много читала, любила музыку. Жили Войковы дружно, у них было четверо детей. Но вскоре семью потрясло трагическое событие. Покончил с собой младший сын Павел. А когда перед очередным торжеством в зале гимназии стали снимать занавес с огромного, во весь рост, портрета Николая II, он оказался разрезан ножом от головы до ног. Там же была записка, в которой сообщалось: «Прошу никого не винить, это сделал я, Павел Войков».

Наверное, смерть брата повлияла на судьбу будущего дипломата. На строительство завода из Москвы и Петербурга приезжало много революционно настроенных рабочих, в городе создавались нелегальные кружки. Войков бывал на заводе, где работал его отец, и здесь встречался с товарищами по подпольной работе. Вскоре он был исключён из гимназии за участие в забастовке учащихся. За ним было установлено негласное наблюдение. В своё время и его отец, «украинский крестьянин» Лазарь Петрович Войков, был исключен из института за участие в студенческих беспорядках, переехал в Тифлис, окончил учительскую семинарию и получил место учителя математики в Керчи. Он работал в ремесленном училище, но вскоре был уволен и оказался на металлургическом заводе. Можно предполагать, что здесь и пересеклись пути Лазаря Войкова и Алексея Кирилловича Алчевского. Не ясно, имел ли Алчевский отношение к строительству завода в Керчи, но известно, что ему принадлежали угленосные земли в этом районе.

Когда Лазарь Петрович, зная, что за сыном установлено наблюдение, решает уехать из Керчи, мы встречаем его в Кикенеизе в имении Алчевских. Здесь он был не только агрономом, устройтелем дорог, но и доверенным лицом. Когда Алчевские помещают в путеводителе по Крыму объявление о продаже участков, то предлагают обращаться в Кикенеиз... к Войкову.

Лазарь Петрович жил в «большом сером доме у дороги». Со слов его дочери Валентины Лазаревны Гавронской, это был небольшой «домик». Она вспоминала: «С двух его террас открывался вид на море. За домиком площадка, окружённая кипарисами, по другую сторону сада свободное место, которое старик Войков занял под огород. Он очень любил домашнюю птицу, разводил кроликов, завёл несколько ульев...

И что за прелесть был этот клочок земли. Небольшой абрикосовый сад, а за ним на склоне виноградник. Домик небольшой, но уютный, утопал в вишне и черешне, и везде кусты смородины, крыжовника и кизила. Сад был сильно запущен, прямо джунгли. На верху склона из-под огромного камня кристально ледяная вода ручейком сбегала через весь участок и водопадом падала на шоссе, где был установлен длинный жёлоб - водопой для почтовых лошадей»...

На Южномъ берегу Крыма

въ имѣніи

„Кекенеизъ“

Е. А. Алчевской

имѣніемъ, свыше 2 верстъ морского берега
предлагаются въ продажу

УЧАСТКИ

земли, мѣрою около 600, 1000, 1200, 2000 и болѣе квадрат. саж. Всѣ участки прилегаютъ къ широкимъ шоссе, по которымъ дорогамъ и имѣютъ такой же въѣздъ на казенное шоссе, идущее изъ г. Севастополя въ г. Ялту.

Виды изъ живописѣйшихъ въ Крыму.

Оъ запросами обращаться въ гор. Харьковъ, въ Торговый Домъ Алчевскихъ, Сумская № 7; въ Кекенеизъ (Тавр. губ.), къ г. Лазарю Петровичу Войкову; С.-Петербургу — къ г-жѣ Евгеніи Александровнѣ Алчевской, Алтекарскій пер. № 6.

После революции 1905 года Ялта была объявлена на чрезвычайном положении, и Войкова вновь исключают из гимназии. В доме его родителей в Кикенеизе был обыск. После бурного разговора с отцом Пётр с одним узелком белья покидает родительский дом. Он находит работу в порту, вечерами учится, готовится к экзаменам. Вскоре происходит событие, о котором Войков старается не вспоминать в своей биографии. Он участвует в покушении на любимца царя градоначальника Ялты князя Думбадзе. Товарищи его были арестованы, а ему удалось скрыться и пробраться в Кикенеиз.

Перечитывая это описание, невольно начинаешь сомневаться, а не идёт ли здесь речь об одном и том же здании - доме Алчевских. У Войкова он с «двумя террасами», Рылов пишет о доме с двумя балконами, сама Е. А. Алчевская сообщает: «Дом жилой о 5 комнатах, с кухней и двумя террасами». Не мог ли Лазарь Петрович, если он был у Алчевских управляющим, жить в том же доме, ведь они приезжали только на летние месяцы. Оставим это как версию, их будет ещё немало. Не раз я находил и жёлоб для воды, и похожий склон, даже каретный сарай, и всё это, к сожалению, не имело отношения к дому Алчевских.

Пётр Войков был принят в Ялтинскую гимназию, и со всем пылом окунулся в политическую жизнь. Он был: «Высокий, стройный, со слегка вьющимися светлыми волосами, живыми пронзительными голубыми глазами, открытым приветливым лицом, и внешне производил на окружающих приятное впечатление».

Самуил Маршак, который учился с Войковым в гимназии, вспоминал: «Войков был не по-взрослому серьёзен, приветлив, добр».

Здание гимназии и сейчас украшает доска, напоминающая о пребывании здесь Войкова и Маршака. Правда, пребывание это было недолгим.

После революции 1905 года Ялта была

Отец помог устроить сыну побег. Начальник почтового отделения, приятель отца, не зная о случившемся, взял Петра в Севастополь. И когда на рассвете в Кикенеиз нагрянула полиция, он был уже по дороге в Харьков.

Войков уезжает за границу, следы его теряются. Лишь в мае 1917 года он появляется на политической арене. Вместе с Лениным и Свердловым он пересекает границу Германии в «запломбированном вагоне»...

Летом 1917 года Войков приезжает навестить родителей в Кикенеиз.

Я не могу связывать гибель Дмитрия Алчевского с именем Войкова. Неизвестно, был ли он в Крыму в сентябре 1920 года. Смерть Алчевского среди тысяч других была ничтожной каплей в том деле, которому посвятил себя Войков и в которое, наверное, верил. На его совести достаточно и других грехов.

После приезда в Крым летом 1917 года он объявляется в Екатеринбурге. Да, рядом с Ипатьевским домом, где томила в ожидании своей участи семья Романовых. Войков входил в состав местного совета, который принял решение об их смерти. Нет, он не стрелял из нагана и не добивал невинные жертвы штыком.

После смерти царской семьи к месту, куда были отвезены трупы, привезли до 40 ведер бензина и 11 пудов серной кислоты. Разрубленные части тела уничтожали при помощи бензина, а более крепкие обливали кислотой.

Снабжение бензином и кислотой было обеспечено заботами комиссара Войкова, - «спокойного, доброго, с голубыми глазами»...

Пять выстрелов, которые были сделаны в упор «фанатиком монархистом», не были акцией польского правительства, как пыталась представить советская сторона.

Это было возмездие...

«Пароход приближался к широкому отлогому и бедному растительностью Кикенеизскому мысу, под которым видна деревня Кикенеиз. Рядом с деревней, с западной её стороны белый дом покойного художника Куинджи. Ближе к морю на мысу идёт ряд дач Кикенеиза (серое здание с красной крышей среди кипарисов и далее 2 белых дачки), затем пустынный участок Куинджи, далее Кацивели»...

Это описание из «Панорамы южного берега» 1920-х годов. Изображение берега я отыскал в путеводителе 1914 года под редакцией К.Ю.Бумбера. Там видны и белые дачки, и серое здание и дом Куинджи.

Вообще, с легкой руки Рылова сложилось мнение, что у Архипа Ивановича не было дома в Крыму. В книге Рылова описана временка из щитов, которую привозили и ставили только летом. Но было время, когда Куинджи жил на берегу просто в шалаше вместе с женой, и местные татары принимали его за отшельника. А дом Куинджи описан во многих путеводителях и находился далеко от здания с островерхой крышей.

У Г.Москвича читаем: «За Кекенеизом, ниже верхнего шоссе большое белое здание, окруженное очень молодыми деревьями - дача Куинджи. Западнее за группой небольших 3-4 построек у моря.... «Кастрополь» пансион Первухина».

Там находился ещё один участок Куинджи:

«За именем Д.А.Алчевского расположено имение г-жи Дыхановой, за ним участок Клячко, второе имение Куинджи...». Видимо, здесь и нужно искать его дом.

Но где были «две белые дачки»? И мы совсем забыли о главном, куда же вела тропинка?

Тропинка спускалась вниз под утёс... Она вела к поляне, окруженной старыми деревьями, которые помнили, наверное, и первых владельцев. Крутые ступени лепились к краю обрыва и вели к морю. Далеко внизу пенились волны в маленькой уютной бухточке, которую отдыхающие облюбовали для «дикого пляжа».

От смотровой площадки шла дорожка к небольшому двухэтажному зданию со следами уже несуществующего балкона. Характерная кладка из дикого камня подтверждала, что построено оно в начале века. Когда-то здесь размещалась администрация санатория, к домику была сделана пристройка, и прежние его очертания можно только предполагать.

Была ли эта одна из «дачек»? Исследователь Южного берега, журналист И. Неяченко считал, что это «сторожка», которая стояла у ворот в «купеческое имение», огороженное забором. Но не могли ли её использовать для этой цели уже позже? Оставалось найти вторую дачку. Она оказалась в сотне метров, среди хозяйственных построек, которые облепили старый дом с «островерхой крышей»

Её было трудно заметить. Виднелся лишь угол здания с такой же кладкой из дикого камня. Но я был так же далек от цели, как и в начале поиска.

У Г. Москвича в путеводителе 1910 года сказано:

«Среди зелени мелькают кое-где затейливые дачки, оживляющие местность».

Затейливыми «мои дачки» не назовёшь. Под это определение подходила лишь одна, построенная именно в 1910 году генералом Чернявским.

Упомянув о нём, неизменно добавляют «Красный генерал».

Георгий Фёдорович Чернявский родился в 1860 году. Он окончил Харьковское реальное училище, затем Николаевское инженерное училище и военно-инженерную академию в Петербурге. Ещё в молодости он мечтал переехать в Крым. А после перенесённого тяжелого воспаления легких по совету врачей приезжает на Южный берег и покупает участок земли в имении Алчевских. По своим чертежам, в 1908-1910 годах строит дачу и сам руководит всеми работами.

С 1880 года Георгий Фёдорович «служит царю и отечеству». В 1912 году он генерал-майор, начальник инженеров Варшавской крепости. С начала и до конца войны – «производитель позиционных работ» на Северном фронте, инспектор инженеров Минского военного округа. После революции переходит в ряды Красной Армии. С 1918 года – начальник Всероссийского квартирного управления в Москве, затем инспектор инженеров XII армии. С этой должности, по состоянию здоровья, он уходит в отставку и переезжает в Крым.

Умер он в 1921 году и похоронен рядом со своим домом в Кикенеизе.

По инициативе директора дома отдыха А. П. Величко могила его была благоустроена и содержалась в порядке. На ней была установлена гранитная плита с надписью: «Красный генерал Чернявский Георгий Фёдорович». В 1989 году здесь побывали его внуки. Но эпитет «красный» оказал генералу плохую услугу. Вскоре плиту на могиле разбили и куда-то забросили. Я так и не смог разыскать её обломки.

Мне было о чём поговорить с Артуром Петровичем Величко, он сделал много для сохранения памяти о заслуженном генерале, но, к сожалению, его уже не было среди живых.

После смерти Чернявского в ноябре 1921 года на даче осталась его больная жена и три дочери. Жена его, Юлия Ивановна, принадлежала к известной русской фамилии. Её отец был родственником ученого и путешественника Семёнова-Тяньшанского, а мать – Людмила Павловна Крылова состояла в родстве с известным баснописцем.

Георгий Фёдорович был хорошо знаком с Бонч-Бруевичем и имел «охранную грамоту» на дачу от Советской власти. Но время тогда было тревожное, вокруг действовала банда из местных татар. В 1922 году на дачу было произведено вооружённое нападение. Угрожая убийством женщин, забрали всё имущество. Они переехали в Симеиз и устроились на работу в санаторий. Дача перешла в ведение «Общества крестьян» татарской деревни Кикенеиз.

Наверное, в тоже время покинули своё имение и Алчевские. Дмитрия Алексеевича уже не было в живых, а его жена с дочерью Христей переехала в Ялту и поселилась в доме

с непонятным и странным названием – «Серые дрозды». Здание это было построено в начале XX века Судзиловскими. В путеводителе Москвича упоминается «частный пансион Судзиловской». Видимо, о нём и идёт речь. Алчевские поселились в комнатах второго этажа. Вдали виднелось море, и под окнами старое, уже сухое дерево облюбовали «серые дрозды».

Мы шли очень долго, всё выше поднимаясь по узким улочкам. Я еле успевал за Тамарой Владимировной - правнучкой Алчевского. И вот мы у высоких каменных ступеней. Здесь можно замедлить шаг... Перед нами здание, о котором я уже, кажется, так много знал, но видел впервые – «Серые дрозды». Тонкий орнамент вился по старой штукатурке, которая местами осыпалась, ветхие ступени, разрушенные перила... Этот чудный образец «модерна» стоял на задворках, вдали от туристских маршрутов, и никому, кажется, не было дела до его скорой и неизбежной гибели. Гирлянды бельевых веревок украшали балкон и тянулись через двор, к старому дереву...

Дрозды, как и раньше, прилетают каждый год, но никто из новых обитателей дома уже не помнит прежних владельцев. С волнением поднимался я по стёртым мраморным ступеням. В тёмных коридорах были свалены какие-то вещи, а в самом дальнем углу стоял старый платяной шкаф. Он, как узник, был прикован к стене. Высокий, до самого потолка, из другого мира, из иного времени... Хотелось открыть тяжёлую дверь и войти в прошлое...

Кому не знакомы слова поэта: «Я знаю, город будет, я знаю, саду цвезть»...

Идея идеального города родилась, конечно, не в советское время. Можно сказать, что она стара, как мир. И в начале XX века она витала в воздухе. Крым идеально подходит для воплощения любой фантазии. Он мог стать «колыбелью» идеального города, «города-сада». В книге «Неудачная попытка г. Ялты остаться городом-садом», изданной в 1912 году, читаем: «Городам-садам» (Garten-Stadt) за последнее время посчастливилось и не только в Западной Европе, где «города-сады» уже твёрдо закрепили за собой право на жизнь, но и в России, где хотя и нет пока ни одного «города-сада», но зато хоть пропаганда их уже даёт о себе вести...». Попытки создания такого города были. Рядом с именем Алчевских, в Симеизе, на заранее спланированных участках, к которым был подведён водопровод, канализация, дороги, началось строительство элитарного курорта. Непременным условием при возведении дач и пансионатов было согласование их проектов с владельцами участков наследниками С.И.Мальцева. Разreshалось строить только по индивидуальным проектам.*

* В 1996 году я провёл лето в Симеизе, собирая материал по его истории, встречался с потомками бывших владельцев имений, находил интересные документы, письма, фотографии, зарисовывал детали архитектуры (кованные решётки, лепку и т.д.). Была задумана книга «Лето в Симеизе», к сожалению пока не реализованная.

«Серые дрозды».

За 10-15 лет было возведено несколько десятков прекрасных зданий. Революция прервала этот набирающий силу процесс. Сейчас уникальные памятники архитектуры заброшены, разрушаются, а многие просто уничтожены.

Алексей Кириллович был, конечно, знаком с Мальцевыми. Ведь их отец С.И.Мальцев (1810-1893 гг.) был известен не только стекольными, но и металлургическими заводами. Первые русские паровозы, первый винтовой двигатель, первые русские рельсы, сталь которых славится и сегодня, - всё это Мальцев. На своих заводах он первый вводит для более трудных работ 8-часовой рабочий день, строит рабочим небольшие каменные домики городского типа на 3-4 комнаты, с усадебной землей (до тысячи кв.сажень), даром отводит выгон и отпускает топливо, в заводских центрах открывает школы. Алчевский шёл тем же путём. Вспомним Старую и Новую колонии с их уютными домиками, школы в Алексеевке, Харькове... Симеиз начал строиться ещё при его жизни, когда незабываемой весной 1900 года он приехал в Крым.

В.Н.Кузьменко в книге «Новый Симеиз» (1913 г.) писал: «В 1900 году у владельцев имения явилась идея использовать эту местность для основания здесь дачного поселка».

Велись работы и в Кикенеизе, на земле Алчевских. Большой участок земли (90 десятин 168 кв. сажень) принадлежал Алексеевскому горно-промышленному обществу. Возможно, он перешёл к нему уже после смерти Алчевского. По доверенности правления общества им владел его сын Дмитрий. Вторая часть имения принадлежала его жене Евгении Александровне. В 1903 году в Харькове издаётся план имения Алчевских в Кикенеизе, на котором указаны улицы, аллеи и проспект (улица Горная, Морская, Церковная и т.д.). К этому времени уже был проведён водопровод и вся земля разбита для продажи на 101 участок.

Когда в 1920 году в Крыму установилась Советская власть, имение в Кикенеизе национализировали. По этому поводу был составлен соответствующий документ. В нём интересно описание имения, сделанное самой Е.А.Алчевской:

«...Имение имеет чрезвычайно большое значение в курортном отношении и как сырой материал представляется совершенно исключительным... Усилия прежних владельцев были систематически направлены на то, чтобы подготовить сырой материал для культурного поселения, в коем духовные интересы могли сочетаться с трудовыми.

Территория первоначально купленного имения была разбита на участки, из которых продано свыше 100 общей площадью более 55 десятин. Проведены широкие шоссированные пологие дороги, магистраль водопровода,

Тамара Владимировна Душина

Евгения Александровна Алчевская

вода. У частных участков принята средняя норма 1200 сажень, необходимых для того поселенца, который жизнь в прекрасном уголке пожелал бы соединить с трудом в саду, огороде, винограднике. Наиболее живописные участки оставлены в общественное пользование и для общественных учреждений. Нетронутой осталась площадь, на которой намечен акклиматизационный сад, желательный для Крыма, так отстающего в этой области...». Примечательна подпись под этим документом:

«Заведующая Советским именем Кекенеиз – Алчевская».

Но скоро времена изменятся, её вышвырнут из собственного дома, оставив без средств к существованию. В имении разместится дом отдыха ОГПУ, потом МВД а в одном из старых зданий уже знакомая нам «дача Берии».

С 1960 года здесь находится дом отдыха «Понизовка». И если пройти по его аллеям и дорожкам, которые во многом повторяют старую планировку, можно представить городсад, о котором мечтали Алчевские. Он, как невидимый град Китеж, скрыт под этой землей. Но почему же не были застроены более ста участков, и не появился на этом берегу цветущий элитарный курорт?

Кто из приезжающих в Крым не мечтал о том, как хорошо, не выходя из вагона, проехать до Ялты, Алушты или по всему Южному берегу. Кажется, фантастика? Да нет, был такой проект, и не один, а целых пять.

Ещё в конце девятнадцатого века предлагали провести железную дорогу в Ялту, и не только из Симферополя, Севастополя, Бахчисарая, а даже через горы, из Магоби, на зубчатых колёсах. Об этом только и говорили в то время. И Алчевский, покупая участок земли в Кикенеизе, видимо, надеялся, что он не только поднимется в цене, после проведения железной дороги, но и станет более доступным и удобным для отдыхающих.

«Проект века» по разным причинам так и не был осуществлён. Помешала война с Японией, события 1905 года, первая мировая и революция. Да и потом всё как-то было не до этого. Но подготовительные работы велись. Недалеко от Кикенеиза в Кастрополе, где открыл пансионат инженер Первухин, в 1903 году располагался штаб изыскательной партии по строительству железной дороги. Возглавлял партию талантливый инженер, известный писатель Н.Г.Гарин-Михайловский. В Кастрополе он работал в то время и над повестью «Инженеры», но, к сожалению, об этих событиях в ней ничего не говорится. Интересно, что среди владельцев участков и дач в Симеизе и по всему Южному берегу много инженеров путей сообщения. Наверное, это не случайно. Но Гарин-Михайловский, конечно, не по своей инициативе вёл изыскания, кто же стоял за ним и финансировал столь грандиозное предприятие. Ответ вскоре был найден – Алексеевское горно-промышленное общество. Напомню, что названо оно так по посёлку Алексеевка, что в 8 километрах от нынешнего Алчевска. Здесь зарождалось будущее предприятие. Тут было

Симеиз в начале XX века

имение Алчевских, школа, построенная на их средства, где обучала детей и крестьян Христина Даниловна. Алексеевскому горнопромышленному обществу принадлежали земли и шахты в этом районе, и задолго до возникновения завода ДЮМО, который положил начало Алчевску, оно стало возводить рядом с железной дорогой у станции Юрьевка коксовые батареи. Во главе общества стоял купец первой гильдии, известный промышленник и банкир Алексей Кириллович Алчевский.

Выход Крымской ж. д. на Южный берег

К тому времени, когда велись изыскания в Крыму, его уже не было в живых, но идея создания железной дороги родилась гораздо раньше, и он, наверное, имел к этому самое прямое отношение.

В одном из документов того времени – «Записке об экономическом значении железной дороги» говорилось:

«Проезжающего по южнобережному шоссе туриста не может не поразить масса пустых, необработанных и незаселённых мест. Каждое из этих мест обладает, однако, всеми необходимыми задатками для столь же

высокой культуры, как излюбленные публикой Ялта, Гурзуф, Алушта и другие счастливые места, доставшиеся в руки людей достаточно богатых и энергичных.

Несомненно, что с проведением электрической железной дороги, дающей удобства, скорость и дешевизну, вся остающаяся заброшенная громадная территория в ближайшем будущем заселится и превратится в культурную площадь... Открытие дешёвого доступа ко всему побережью вызовет, несомненно, быстрое увеличение числа приезжих, так как в настоящее время жизнь на побережье доступна только людям с хорошими средствами...

Несомненно, что все эти условия жизни на Южном берегу, - которые возникнут после проведения железной дороги, - будут иметь своим неперенным последствием значительное увеличение ценностей казенных, удельных и общественных земель».

В 1896 году кв. сажень земли на окраине Ялты стоила 15 рублей, в 1908 - уже 25 рублей. Предполагалось, что с проведением железной дороги удорожание земли пойдёт ещё быстрее.

Дорога была необходима государству. Ежегодно отдыхающие вывозили за границу до 100 млн. рублей. Если бы даже часть этих денег осталась в Крыму, выгода была бы несомненной.

Наверное, об этом не поздно подумать и сегодня.*

* В последнее время всё больше пишут и говорят о проведении железной дороги по Южному берегу Крыма. Возможно, и станет реальностью проект, который был разработан более чем 100 лет назад. (Ю.Белов, 2007 г.)

НАПР. Ж. Д. ЮЖНОБЕРЕЖНОЙ ПО ПРОЗНТУ ЯР. БЕРНАЦН.
 ШТУНЕНБЕРГ
 КРЫМСКИЯ " " МИХАЙЛОВСК
 ЧАЕВА

Автобус уносил меня всё дальше от Кикенеиза. Он мягко катил по новому Севастопольскому шоссе. Оно было проложено в 1950-е годы, гораздо выше старого почтового тракта, именно там, где должна была пройти железная дорога. Даже остановки в память о «первопроходцах» сделали в тех местах, где на старых планах были указаны станции. Значит, не совсем уж зря трудились люди. Казалось, стоит закрыть глаза, и услышишь далёкий голос: «Следующая станция...»

Я уезжал, так и не решив все загадки. Кажется, их стало ещё больше. Я долго пытался найти хоть один документ, подтверждающий факт продажи земли Алчевскими. Фотограф И.Фомин из Гаспры рассказывал мне, что переснимал по просьбе А.П.Величко купчую, подписанную Алчевской, но негатив не сохранился, и о самой фотографии ничего не известно. В библиотеке дома отдыха «Понизовка», у Жозефины Даниловны Панариной я встретился с владельцами ещё одной «дачки», которую сразу не заметил. Она стояла в стороне от дороги, скрытая густой зеленью. Владел ею профессор истории Б.Веселовский, который умер в 1956 году. Он купил эту землю у Алчевской, что удостоверяла купчая. Она перешла к новым владельцам. Это четыре семьи, которые по объявлению, сообща купили дачу еще в 50-е годы. Они живут в Москве, и документ этот для меня пока за «семью печатями».

Уже в Ялте у одной старушки я увидел старую открытку с очень знакомым пейзажем. Это была работа Рылова «Штиль», которая хранится в Пензенской картинной галерее. Всего лишь несколько камней в воде и часть высокого берега. И вот я снова в Кикенеизе, и после недолгих поисков стою на том же месте, где восемьдесят лет назад Рылов рисовал свой пейзаж. Я сравнил его с открыткой, проверил линию горизонта, даже глянул под ноги, но почва была каменистая, и следов на ней, конечно, не было.

Рядом стоял «домик пограничной стражи» дул сильный ветер, и волны разбивались о камни. Вспомнились слова Рылова: «Входишь в плотную прозрачную воду, поплаваешь от одного камня до другого, полежишь на спине... и идёшь домой по знакомой тропинке».

Тропинка пробегала рядом, извиваясь по краю утёса, спускалась в небольшой овраг и снова появлялась на пригорке, игриво, как бы смеясь надо мной, скрывалась среди деревьев.

Я шёл всё дальше от берега. Мелкие камешки сыпались из-под ног.

Я понял, что искал не там. Это здесь ходили Рылов и Ревелиотти, Дмитрий Алчевский и Куинджи...

Где-то очень близко, за деревьями, стоял дом из пяти комнат с двумя балконами, увитый розами и каприфолием...

Там была дача Алчевских.

(Продолжение следует).

«Берег моря. Штиль» — художник Н. Рылов

Продолжение следует потому, что я должен вернуться на этот берег. Еще не раз пройти по дорожкам, проложенным отцом известного дипломата, побывать в Ореанде, где было ещё одно имение Алчевских, сходить на могилу Эшлимана и увидеть стройный силуэт колокольни из окна старой коммунальной квартиры на улице Рузвельта.

Продолжение следует...

Потому, что в Крыму весна и скоро всё зацветёт.

Ведь начинается бархатный сезон на "Русской Ривьере".

Н. Г. Гарин-Михайловский

Проехать вновь по дороге проложенной в местах изысканий Гарина-Михайловского, мне было суждено только через 10 с лишним лет. Правда, до Кикенеиза я тогда не добрался. Уже работая над вёрсткой этой книги, совершенно неожиданно для себя, оказался в Севастополе на свадьбе близких мне людей, а оттуда со свадебным кортежем направился по дороге в Форос, куда съезжаются из Севастополя все молодые пары после посещения памятника Нахимову, Сапун горы и Мамаева кургана. Такая хорошая традиция существует в городе-герое. Я, конечно, не отказался от этой поездки, тем более, что на Южный берег таким способом ещё не попадал. (Не считая того, что спускался когда-то пешком от Байдарских ворот к знаменитой церкви построенной чайным фабрикантом Кузнецовым на обрыве, как Ласточкино гнездо, и заходил в Форос, так его толком и не рассмотрев через решётки здравниц). Но объять взглядом дорогу, проложенную почти

над пропастью, по краю скалы и понять всё её величие, и грандиозность замысла известного писателя и инженера я тогда конечно не мог. И теперь, приближаясь на машине, которая неслась с большой скоростью, к морю я, наверное, с большим нетерпением, чем все остальные ожидал, когда перед нами раскроется бесконечная, голубая ширь.... И вот справа у скалы мелькнула белая часовенка, и небо, казалось, распахнулось, и будто по воздуху мы неслись дальше над обрывом, огибая прекрасную бухту Ласпи. Где-то внизу уже виднелся Форос, слева громоздились причудливые скалы и в дымке таяли крымские дали...

На обратном пути я попросил водителя остановить на перевале, который носит имя Н.Г.Гарина-Михайловского и, минуя часовню, поднялся по каменным ступеням, отполированным тысячами ног, на уступ скалы, где была небольшая смотровая площадка, с которой открывался великолепный вид на простирающийся внизу Южный берег. Здесь же на скале был установлен большой барельеф с портретом Гарина-Михайловского и памятная плита с надписью. Конечно, на ней ничего не было сказано об А.К.Алчевском, но ведь и сам я мог только предполагать о его участии в этом грандиозном проекте. Правда, я всёравно думал о нём, поднимаясь по каменным ступеням. И мне казалось, что он стоит где-то рядом...

Здесь остаётся вспомнить слова самого Гарина-Михайловского: «Придёт время и справедливая история воздаст каждому должное».

К сожалению рамки этой публикации, не позволяют рассказать больше о Н.Г. Гарине-Михайловском (1852-1906). Работая над книгой, я, конечно, просмотрел всё, что можно о нём в Интернете. Скажу лишь, что это был замечательный человек, и память о нём хранят не только в Крыму. Жители Новосибирска считают его основателем своего города. Здесь, в не менее сложных условиях, он проводил изыскания ещё в 1891-1893 годах. И от его расчётов и не желания идти на компромисс во вред делу, зависело, где будет находиться будущий город. В Новосибирске его имя носит площадь перед вокзалом, станция метро, школа и одна из библиотек.

Если вы помните очерк «Алчевские в Крыму», опубликованный около года назад, то, наверное, не забыли о тех безуспешных поисках, которые я вёл в районе Кикенеиза, надеясь разыскать дом Алчевских или хотя бы место, где он находился. Конечно, другие проблемы могли заслонить в вашей памяти это незначительное событие, но я об этом не забыл. И когда снова оказался в Симеизе, хорошо знал, что не смогу покинуть гостеприимный берег Тавриды, не побывав ещё раз на мысе Святой Троицы.

Уже оставалась неделя до моего отъезда, и я позвонил в Ялту правнучке Алчевского Тамаре Владимировне Душиной, надеясь, что она отправится со мной на поиски. Но она получила приглашение на празднование столетия Алчевска и была занята сборами в дорогу, также надеясь, что я поеду с ней в это радостное путешествие. Но поскольку я приглашений не получал и не был связан никакими обязательствами, то выбрал Кикенеиз.

Дорога была мне уже знакома, да ещё повезло, и часть пути я проехал на попутной машине. Заранее было выписано всё, что касалось моего поиска, но даже в хорошо известном до революции путеводителе по Крыму Григория Москвича было много противоречий.

В издании 1910 года в разделе «Из Севастополя в Ялту морем» говорилось: «...далее - отлогий мыс Кекенеиз с благоустроенным имением Алчевской».

В разделе «Из Севастополя в Ялту по шоссе»: «...внизу - выдающийся в море мыс, где расположено благоустроенное имение Алчевской». И тут же на странице 248 читаем: «им. Кекенеиз Е.А.Алчевской расположено на самой южной оконечности полуострова (мыс Св.Троицы)».

Ориентиры очень расплывчатые – «мыс Кекенеиз», «возле мыса Кекенеиз» и «мыс Св. Троицы». Как оказалось далее, определить, где находится мыс Кекенеиз, а где мыс Св. Троицы, было сложно. «Знающие люди» все показывали в разные стороны.

Но был ещё один ориентир – «дом с красной крышей».

* * *

Я не знаю, как меня занесло в этот овраг. Видимо, хотел сократить путь. Но недавно прошёл дождь, там было сыро, скользко и никакой возможности перебраться через многочисленные ямы и рытвины. Отступать было поздно, но когда я, наконец, выбрался на противоположный берег, и предстал перед изумлёнными дачниками, понял, что с этой стороны к ним ещё никто не приходил. Они показали мне более короткую дорогу, но предупредили, что она не намного лучше. Предстояло пробираться по узкой тропинке над бушующим морем чуть ли не по отвесной стене. Да и тропинка местами куда-то пропадала. Когда я наконец попал на закованную в бетон набережную санатория «Зори России» и почувствовал под ногами нечто надёжное, то вздохнул с облегчением. Вряд ли

Е. А. Алчевская с детьми. 1900-е годы

нашлась бы уже причина, которая могла заставить меня проделать весь путь обратно. Первый человек, которого я встретил, указал мне на лодочную станцию. Она виднелась где-то в километре, так, где кончался пляж. Уж моряки-то должны были знать, где находится мыс Святой Троицы. Но и они показали туда, где вряд ли когда вообще было человеческое жильё.

Я уже собирался уйти ни с чем, но тут мальчишка, который «вертелся под ногами», вспомнил про «дом с красной крышей» и старые деревья вокруг - остатки какого-то парка. Я уже слышал о том, что когда строили корпуса санатория «Зори России», выкорчёвывали вековые деревья, поэтому и искал в этом районе, но не думал, что от них что-то сохранилось. Весь берег был застроен громадами корпусов. Они «гармошкой» спускались к морю и обойти их, кажется, было невозможно. Я опять попадал в какие-то ямы, тупики, перелезал через заборы, с замиранием сердца обходил скопления собак, пока достиг цели.

Передо мной была аллея из старых кипарисов. Когда-то здесь проезжали экипажи, слышался беззаботный смех, мелькали белые зонтики и шляпки. Может быть, на этом месте, по земле, на которой я стою, проходил Алексей Кириллович Алчевский... Наверное, так это и было.

В конце аллеи виднелся серый дом с красной крышей...

Дочь Д. А. Алчевского Тина (Христина). Кикенеиз

Когда я только начинал эти поиски, то не был до конца уверен, что имение в Кекенеизе и попытка строительства здесь «города - сада» связаны с именем Алексея Кирилловича Алчевского. Имение принадлежало его сыну Дмитрию, и сам Алчевский нигде в документах не упоминался. Больше я полагался на свою интуицию и не ошибся. «Недостающее звено» было найдено. В «Очерках мобилизации земельной собственности по южному берегу Крыма за время с 1897 по 1909 год», изданных в Одессе в 1911 году, я разыскал эти строчки:

«В начале текущего столетия разражается крах блеснувшего пышным метеором финансового воротилы Алчевского. Принадлежавшее ему в этой даче крупное имение перешло по праву преемства к Алексеевскому горно-промышленному товариществу».

«Блеснувшего пышным метеором»...

Такого образного сравнения и характеристики Алчевского я ещё не встречал

Далее в «Очерках» говорится, что имение разбито на участки и «Увенчавшийся успехом опыт товарищества нашёл подражание.

Собственник другого крупного имения

«Кацивели» инженер Половцев парцеллирует своё имение». Но Кацивели находится ближе к Симеизу, где в начале века создавался новый элитарный курорт. Почему же не его владельцы Мальцевы были примером для подражания Половцеву. Значит, можно предположить, что идея Алчевского всё-таки родилась раньше. Не зря его называли «пионером во всех начинаниях».

Но мы немного отклонились от цели нашего путешествия, пора вспомнить эти строчки из «Панорамы южного берега» 1920-х годов: «Ближе к морю на мысу идет ряд дач Кекенеиза (серое здание с красной крышей среди кипарисов и далее 2 белых дачки)»...

Трудно передать чувство, с которым поднимаешься по гладким каменным ступеням. Они видели многое, о чём мы давно забыли.

Мне повезло. Дом оказался обитаем. Одна пожилая женщина присматривала за всем этим прежним великолепием. Она никогда не слышала фамилии Алчевских, но дала мне ключи, и я долго бродил по пустым комнатам. Снаружи здание казалось более благополучным, но, войдя в тёмный коридор, я увидел, что здесь всё разрушено и царит запустение. Полы были сорваны, и пробираться пришлось по кое-где сохранившимся балкам. Кованые решетки давно вырвали из мраморных плит. Вот полукруглая ниша в стене, наверное, для умывальника, спальни, гостиная, чудный вид на море...

Здание было на балансе санатория гражданской авиации «Мрія», многоэтажный корпус которого строился рядом, видимо, уже не первый год. Раньше здесь находился питомник, выращивали саженцы кипарисов. Потом в «доме с красной крышей» решили сделать гостиницу. Но, видимо, «Бог не дал ума» устроителям этого проекта. Перегородив большие комнаты на маленькие клетушки, поставили каменные стены прямо на старые, сгнившие деревянные полы, которые провисают и разрушаются. Наделав столько глупостей, на дом этот просто махнули рукой. Дальнейшая судьба его непонятная, а может и не такая уж долгая.

Изучив напоследок полуразрушенный подвал и не найдя ничего интересного, я распрощался с хозяйкой дома и стал выбираться к шоссе, где на фоне голубеющих гор виднелась татарская деревня, ныне Оползневое, а в прошлом Кекенеиз. Я знал, конечно, что всех татар выселили во время войны, и не многие пережили дальние странствия, но кто-то вернулся. Может, их память сохранила то, что я так долго искал. Мне показали неказистый домик, который приютился на возвышенности. Дороги к нему не было, но, «закалённый в испытаниях», я уже с лёгкостью пошёл на штурм крутой насыпи.

Хозяин дома Шамиран Хошу был где-то на огороде, но его жена сходила за ним и, пока он сам появился в дверях, успела, по татарскому обычаю, напоить меня чаем. На первый же вопрос он радостно воскликнул: «Алчевские, Алчевские...». Произносил он это необычно, с ударением на букву «ё». Да, он помнил, где стоял их дом. И, подведя меня к окну, откуда открывался вид на сверкающее море, далёкий Форосский берег и красную крышу среди зелени старого парка... показал в другую сторону.

Их забирали ночью. Солдат-конвоир сжалился и сказал, чтобы взяли еду и одежду.

Обычно не говорили. Все думали, что едут дня на три и скоро вернутся. Деньги не брали. Зачем во время войны...

Их погрузили на машины и через Ай-Петри вывезли в Бахчисарай. В закрытом вагоне ехали на Север. За окном мелькали сосны. Прибыли на какую-то станцию. Долго стояли. Потом поезд развернулся и пошёл в Среднюю Азию... Ехали месяц, подолгу простаивая на станциях. Только тогда и могли приготовить себе еду. Бывало, соберёшь дровишки и разложишь костер, а поезд уже тронулся. Никто не знал, где и когда будет конец этому пути. Приехали в Андижан. Здесь их расселили по деревням. Многие еще верили, что ненадолго. Каждый раз мать предупреждала: «Не уходите далеко, машина приедет, останетесь». Начался голод. Собирали на полях колоски и относили на мельницу. Половину отбирали, а того, что оставалось, конечно, не хватало. Первым умер младший брат 1940 года рождения, потом девятилетняя сестра.

Шамиран сидел, обхватив голову руками, что-то причитая по-татарски. Нахлынули воспоминания, и он продолжал свой рассказ: «Мне было 11 лет. В 42-ом году мы с братом через Ай-Петри дошли до Симферополя и оттуда в товарном вагоне попали в Мелитополь. Купили семян. Но в поезд сесть было невозможно. Стояла охрана в чёрной форме. Резали мешки, искали гранаты. Ячмень уродился хороший, с большими крепкими колосьями. Когда детям рассказываешь - плачут. Дома остались все вещи, постель, кровати, полный двор скотины».

Я уже слышал, что, когда людей вывезли, дня два выла, блеяла и мычала голодная и недоенная скотина. Вещи и одежду сносили в одно место, потом куда-то увозили. Говорили, что в детские дома, а правда ли, неизвестно.

После 1950-х годов переселенцы стали жить лучше. Кто был поумнее, и взял с собой деньги, сумели построить дома, кто-то получил квартиру на заводе или фабрике, остальные жили в бараках. Потом была Ферганская резня, сжигали дома, убивали детей. Уже в 1960-е годы некоторые пытались вернуться, но в основном стали уезжать в конце 1980-х. Их не выгоняли, но везде стали насаждать узбекский язык. Они были лишние. Их пока ещё вежливо спрашивали: «А вы ещё не уехали?».

Пришлось бросить всё - квартиру, небольшой виноградник. Продавали за бесценок. Вырученных денег хватило только на контейнер, чтобы перевезти вещи. Двое сыновей собирали по округе камни и из них слепили этот маленький домик. Ни воды, ни света, и участок на 4 сотки. А дом из которого Шамиран ещё мальчишкой ушёл 18 мая 1944, года стоит совсем недалеко, там живут новые хозяева, цветёт сад, посаженный им ещё до войны, на земле, которую он перебрал своими руками.

Дородная хозяйка не пускает его даже на порог, не то, чтобы угостить яблоками с деревьев. Он приходит и плачет...

А дом с красной крышей, как далёкий мираж, манил и притягивал взгляд. Кому же он принадлежал? И он сказал, так просто, как будто это и не было загадкой. И сразу всплыли в памяти строчки из очерка «По Крыму» В.М. Кузьменко. Я, признаться давно уже знал их наизусть:

«За парком, пройдя с правой стороны дачу Дыхановой, и с левой - г. Алчевского, путники оказались среди обширного будущего посёлка...»

Он так и сказал, немного коверкая по-своему это слово: «Ди-Ханов».

Я прошёл еще раз по старой пыльной дороге. Она огибала овраг, с которого началось моё путешествие, и вела к двухэтажным корпусам дома отдыха «Понизовка». Слева строилось несколько дач с претензией на восточную архитектуру. Где же искать? На пустыре, или в густой зелени, среди этих построек, или там, где застыл недостроенный корпус «Мрії».

Это похоже на погоню за призраком. Я ещё никогда не был так близко к разгадке, но, как это ни грустно, приходится признать поражение. Уже поздно и пора ехать...

На остановке никого не было. Внизу виднелся дом с красной крышей, но я вскоре забыл о нём, любуясь золотом заката. Ведь это единственное место в Крыму, где солнце опускается прямо в море. Вернусь ли я когда-нибудь сюда?

Прости и прощай, Кикенеиз!

Проверяя ошибки в тексте, и вставляя фотографии и пропущенные слова, я заново пережил то, что чувствовал тогда, совершая, как кому-то может показаться, эти бессмысленные путешествия. (Наверное, можно было иначе провести отпуск в Крыму). Ведь дом Алчевских я так и не нашёл. Да, в общем-то, главное и не в этом. Я ни о чём не жалею. Правда, многое уже забылось и, читая, я с трудом вспоминал какие-то подробности, и, казалось, будто не со мной это было. Хорошо, что я записал тогда свои впечатления. Надеюсь, что это кому-то будет интересно...

И всё же я ещё вернусь на этот берег, чтобы пройти до конца по тропинке, убегающей в даль. (Ю.Белов, 2007 г.).

Умная, дельная баба.

Газета «Огни», 15 февраля

1997 г.

Из дневника Льва Толстого:

1885 год.

18 мая. «Очень поздно. Нужно вставать к детскому кофе. Работа нейдёт. Но и не могу отстать от неё.

...Нечем помянуть месяц. Ничего не сделал. Попытка и начало работы тогда только можно счесть за дело, когда кончу. Одно, что дурного - знаю, не было. Если было к семье, то и то меньше... - Ещё сознание того, что надо только делать добро около себя, радовать людей вокруг себя - без всякой цели и это великая цель».

17 мая. «...пытался говорить с женой. По крайней мере, без злобы. Вчера я лежал и молился, чтобы Бог её, обратил. И я подумал, что это за нелепость. Я лежу и молчу подле неё, а Бог должен за меня с нею разговаривать. Если я не умею поворотить её, куда мне нужно, то кто же сумеет?»

5 мая. «Во сне видел, что жена меня любит. Как мне легко, ясно все стало! Ничего похожего наяву. И это-то губит мою жизнь».

3 мая. «...нашёл письмо жены. Бедная, как она ненавидит меня. - Господи, помоги мне. Крест бы, так крест, чтобы давил, раздавил меня. А это дерганье души - ужасно не только тяжело, больно, но трудно. Помогите же мне!

...Мне тяжело. Я ничтожное, жалкое, ненужное существо и ещё занятое собой. Одно хорошо, что я хочу умереть».

4 мая. «...Господи, избави меня от этой ненавистной жизни, придавливающей и губящей меня... Лучше умереть, чем так жить».

24 апреля. «Отчего я не поговорю с детьми: с Таней? Сережа невозможно глуп. Тот же кастрированный ум, как у матери».

20 апреля. «...Поздно лёг. Жена всё не в духе»...

В марте, сопровождая больного друга князя Урусова, Толстой приезжает в Симеиз. В поисках сведений об этом я и читаю дневники Толстого. Бегло перелистываю страницы, не надеясь уже найти что-то для себя интересное. И вдруг какая-то запись привлекла моё внимание. Ещё не понимая, что это, я возвращаюсь назад, но уже смутно предполагая, что там увижу. И вот это место... 14 апреля 1885 года... Всего два слова:

«...Пришёл Алчевский».

Л. Н. Толстой

Л.Н. Толстой

Христина Даниловна Алчевская

113

Перед этим она сказала кельнеру, что у неё будет Толстой, и для всех её дома нет...

А что же Лев Николаевич, подозревал ли он о том, что происходило в душе молодой женщины? Не спеша, вышел Толстой из дома и отправился к своему издателю. В его дневнике появилась ворчливая запись: «...Потом я пошёл к Вольфу. Прикашик обижается, что я не снимаю шапки. А у меня зубы болят. Я не извинился».

От Вольфа Толстой отправился к Алчевским. В назначенное время он был у дверей гостиницы. Но кельнер, получивший приказ никого не пускать, его, конечно, не узнал. Одевался Толстой просто, и его часто принимали за крестьянина. На нём была поношенная серая блуза, подпоясанная ремнём, широкие серые шаровары, заправленные в грубые сапоги, и узкое порыжелое пальто нараспашку.

Но Алчевская, измученная ожиданием, прислушивалась к каждому звуку. Она вспоминала: «В пять минут четвертого какой-то незнакомый мне старческий голос явственно произнес «Это номер 93?». «Их дома нет», - отвечал солидно наш важный кельнер. Я, как сумасшедшая, бросилась к двери...»

Но мы опустим подробности разговора Алчевской и Толстого о пользе народного образования. У них нашлось, конечно, много общего. Лев Николаевич писал для народа, Христина Даниловна в своей школе проводила исследования, что читать народу. И познакомила Толстого с первым изданием своей книги.

Толстой выразил желание побывать в школе Алчевской.

Лев Николаевич вскоре ушёл, а когда вернулся домой Алчевский, первый его вопрос к жене был о Толстом.

«Не был? - спросил он тревожно», - вспоминала Христина Даниловна. «Был», - отвечала она счастливым голосом. Ведь кельнер так и не понял, кто был у них в гостях, и сказал Алексею Кирилловичу, что Толстой не приходил.

Когда же Алчевская пыталась объяснить кельнеру, кто у неё был, он перебил её и сказал: «Как же-с, мы очень даже о них наслышаны. Говорят, они очень умные, хорошо сочиняют и к тому же простонародьем очень интересуются».

В этот день она написала восторженные слова:

«Ещё одно осуществившееся желание, ещё один счастливый день в моей жизни...

Я виделась сегодня с Львом Толстым»...

Утомленный разговором Лев Николаевич добрался домой, выслушал привычные упрёки жены, вздремнул после бессонной ночи. В дневнике появилась ещё одна запись: «Дома тяжело, заснул после обеда... Дома упрёки. Но я промолчал. - Бессонница...»

Несколько слов было и об Алчевской:

«Умная, дельная баба. Зачем бархат и на птицу похожа? Я напрасно умилялся».

Надеюсь, что она никогда этого не читала.

Слова Толстого «напрасно умилялся» объясняются, видимо, тем, что ещё в декабре 1882 года он получил письмо от Х.Д.Алчевской, где она рассказывала о работе харьковской школы и спрашивала, следует ли издать сборник рецензий учительниц и отзывов учениц о прочитанных книгах (в будущем «Что читать народу?»). Не будет ли это слишком смело, им, дилетантам, выступать в печати с такой книгой?

К письму она прилагала несколько рецензий. Как писал ей Толстой, отзывы эти привели его «в сильнейшее волнение», читая их, он плакал «от умиления».

Но суждения Толстого, как всегда, противоречивы. На другой день он встал поздно, убрал в комнате, поиграл с детьми... Вечером долго не выходил из кабинета, сидел за столом, задумавшись... Потом открыл дневник на чистой странице и написал:

«Почитал книгу Алчевской. Прекрасно... Дома обедал - тихо. Пошел на балаганы.

Хороводы, горелки. Жалкий фабричный народ - заморыши. Научи меня, Боже, как слушать им. Я не вижу другого, как нести свет без всяких соображений».

В январе 1885 года, видимо, с легкой руки Алчевской, в Ясную Поляну приехала познакомиться с Толстым одна из преподавательниц харьковской воскресной школы А.М.Калмыкова. Жена Льва Николаевича писала сестре: «Была у нас очень странная дама, Александра Михайловна Калмыкова, харьковская... Она была проездом из Петербурга и заезжала познакомиться с Лёвочкой и спросить у него совет какой-то тайный. Она такая живая, весёлая и всю жизнь посвятила школьной деятельности».

А.М.Калмыкова была женой председателя департамента харьковской судебной палаты. «Тайное дело», которое привело её к Толстому, касалось рукописи о Сократе, над которой она работала. История эта слегка комична. Взявшись отредактировать рукопись для журнала «Посредник», Толстой так её «перемарал», что от Калмыковой там уже ничего не осталось, но его «энергии» хватило только на первую часть, и издатели не знали, что с ней делать, настолько две половины были разные, и каждая по-своему трактовала образ Сократа. Толстой увлёкся Сократом, учение которого было ему близко в то время. 24 мая он писал Калмыковой: «Сократа вашего я мараю отчаянно. Сохраните у себя черновую, а то я так измараю и запутаюсь, что бывало со мной, и то испорчу, и своего не сделаю...» И, как бы оправдываясь, добавлял: «Сколько бы я не переделывал, основа ваша. Не было бы вашей умной, доброй и смелой работы, не над чем и было бы работать». Издателю он сообщал: «С Сократом случилась беда. Я стал переделывать... но всё измарал, и Калмыковское и своё, и запутал и остановился пока...»

Исправления Толстого, в сущности, сводили на нет всю первоначальную работу Калмыковой. Часто он просто зачеркивал всё написанное Калмыковой и на полях писал своё. 12 марта по дороге в Крым Толстой заехал в Харьков. На другой день на вокзале его провожали Х.Д.Алчевская и А.М.Калмыкова. Они просили его телеграфировать, когда он будет ехать обратно. Видимо, Толстой так и сделал. Возвращаясь через Харьков, он проехал с Калмыковой в поезде до Орла. Тут же в вагоне он впервые и познакомился с её рукописью.

Цензура пропустила «Сократа» без малейших правок, и вскоре он был напечатан. Имена авторов указаны не были. Удивительно, но Калмыкова осталась довольна книжкой с исправлениями Толстого. Не менее был поражен

успехом книги и сам «автор». Толстой писал: «Представьте, всем нравится - мужикам очень нравится греческий философ». Нападал на книжку только критик Н.Н.Страхов. Он «горячо доказывал», что это не настоящий Сократ, и Калмыкова считала, что в первоначальной рукописи он был более похож на известную историческую фигуру.

Когда Х.Д.Алчевская читала «Сократа» среди крестьян села Алексеевки Екатеринославской губернии (ныне Перевальский район), она «с первых страниц захватила внимание слушателей. Во время чтения они смеялись, делали свои замечания и вставки. А когда прочли о смертном приговоре Сократу, один из них произнес: «Одолели!» и зарыдал так жалостно, так по-детски, что учительница сама с трудом могла продолжать чтение. Остальные слушатели тоже тихо плакали».

«Ох, так книжка!» - воскликнул один из них. Но Толстой этого не слышал.

Муза дальних странствий

Газета «Огни», 15 мая 1995 г.

(Дмитрий Иванович Щербаков и потомки Алчевского в Москве)

«Голубое небо, выжженный солнцем склон, пыльная дорога и синее, синее море. Примерно такими красками можно описать залив, носивший когда-то название Лименской Бухты. Воздух раскалён и даже дрожит, а немилосердное солнце обдаёт путника своими горячими лучами... В такой жаркий июльский день на бугре показался всадник, довольно быстро приближающийся к группе кипарисов, посаженных почти у самого моря. Лошадка под всадником была маленькой, из тех горных лошадок, которые пасутся без всякого присмотра на склонах, спускающихся от Яйлы вниз к морю. Сам же всадник похож на мальчика, одетого в черкесский костюм, однако при ближайшем рассмотрении можно было обнаружить, что это девчонка, у которой длинные волосы спрятаны под папахой. Конечно, при такой жаре подобный наряд был довольно теплым, но что это значило по сравнению с удовольствием проскакать верхом на коне одной, куда хочется, вернее, куда глаза глядят. Встречный ветер обвеивает лицо, море где-то рядом ласково плещется, лошадка несёт седока всё вперёд и вперёд, и чувство свободы, чувство движения увлекает и пьянит...»

Вера Дмитриевна Алчевская. 1900-е годы

Это страничка из воспоминаний Веры Дмитриевны Щербаковой, внучки Алексея Кирилловича Алчевского. Мы уже знакомы с ней по последнему выпуску «Коллажа» — «Семь кругов Ада». Она поддерживала Христину Дмитриевну в трудное для неё время и, наверное, единственная помогала своей сестре материально. Девочка на лошади в черкесском костюме это она, будущая жена академика Щербакова, которая прошла с ним рядом большую, интересную жизнь, разделяя радости и трудности далёких путешествий, его друг и самый близкий человек, его муза...

Муза дальних странствий.

«Не доезжая группки кипарисов, юная всадница увидела на краю дороги двух мальчишек, примерно одного с ней возраста, лет 13-14, в косоворотках и полотняных брючках. Их мужское самолюбие было явно задето — как может девчонка, одна, без сопровождающего, скакать верхом на лошади, не обращая внимания на устремлённые на неё взгляды, даже бравируя своей независимостью. Первое их желание было обстрелять её из рогатки, но лошадка мчится быстро, унося всадницу, а порывшись в карманах они убеждаются, что рогатки остались дома. Делать нечего, задумчиво возвращаются они домой и должны сознаться, что образ девочки их заинтриговал. Дома они рассказывают о неожиданной встрече, и вдруг один из присутствующих заявляет, что он знает эту девочку и предлагает их познакомиться.

И вот, через пару дней, на даче в Кекенеизе появляются двое «мальчиков», как их всегда называли в Симеизе... «Так состоялось моё первое знакомство с академиком Щербаковым» - вспоминала Вера Дмитриевна.

Легко догадаться, что один из «мальчиков» и был Дима Щербаков, а второй Василий Кузьменко, сын автора книги о Симеизе, и «Очерков южного берега и горной части Крыма», в которой увлекательно описываются путешествия «старого Вакулы. Василенко и Щербака». Вскоре произошёл их совместный поход в живописно расположенную татарскую деревню Кучук-кой. После первого похода ещё и ещё...

«Мальчики» нашли в ней достойную спутницу по крымским походам, и их мрачное недоверие к женской половине рода человеческого было сильно поколеблено.

Вера Дмитриевна писала: «Нам хотелось изучить весь Крым, исследовать все доступные и недоступные места».

В один из своих походов они решили подняться на Яйлу и обследовать пещеру около источника Бештекны (в переводе - пять корыт). Там, на самом деле, было установлено пять корыт и вода переливалась из одного в другое. Над источником поднималась стена из известняков, и в ней был расположен вход в пещеру. Юные путешественники запаслись компасом, рулеткой, веревкой и свечами. Сначала они продвигались слегка согнувшись, свечи слабо освещали стены пещеры и щебёнку, перемешанную с глиной, у них под ногами. Вера Дмитриевна вспоминала: «Мы не разговаривали - резкое эхо от сказанного слова наполняло пещеру громким гулом, и казалось, что от этих звуков вот - вот обрушится свод. Мы замирали от страха, тем более, что иногда от неосторожного движения свечи вдруг тухли, а в сырой пещере зажигать их было очень трудно. Вскоре пещера стала сужаться и, наконец, мы дошли до такого места, где пробираться вперед можно было только ползком, лежа в воде... Сузившийся свод пещеры заставил нас ползти назад на четвереньках, так как ширина этого подземного коридора не позволяла развернуться... И вот мы на поверхности! При свете дня, поглядев друг на друга, мы просто обомлели: одежда, пропитанная водой и глиной, превратила нас в свежевылепленные скульптуры... Нельзя сказать, чтобы дома встретили нас ласково. Наш вид явно показывал, что пещера была освоена».

Это всего лишь одно путешествие, а было их много. К сожалению, возможности статьи не позволяют подробнее рассказать о годах юности, проведённых Верой Дмитриевной в Крыму. Приходится сокращать целые фразы, эпизоды, и вообще, «опускать» многие страницы её воспоминаний. Понимаешь, что, вряд ли, вы сможете это когда-нибудь прочесть. Ведь большая часть их не опубликовала, а те, что были напечатаны, мне пришлось долго искать. Поэтому чувствуешь огромную ответственность, выбирая из собранного материала самое - самое, ведь нельзя «дважды войти в одну реку», и вряд ли кто после меня будет заново делать эту работу.

Профессор И.И.Пузанов, который был связан с семьёй Щербаковых многолетней дружбой, рассказывал: «В 1915 году Д.И.Щербаков женился на нашей общей приятельнице и участнице наших походов в горы - Вере Дмитриевне Алчевской, дочери владелицы имения Кекенеиз (часть этого имения ныне известна под названием «Понизовка»).

«Мальчики» — справа Дима Щербаков

Пара получилась подходящая: в ходьбе по горам Вера Дмитриевна не только не уступала прочим членам «Яйлин — клуба», объединявшем в Симеизе любителей горных прогулок, но даже превосходила большинство из них».

Когда приходилось уезжать после крымского лета в Петербург, они проводили время на лыжных прогулках.

Профессор Ю.В.Баймаков вспоминал: «Зимние воскресенья мы проводили на лыжах, однако врозь... Однажды я бежал на лыжах и вдалеке увидел угловатую, высокую фигуру моего друга в сопровождении спутницы. Знакомство с ней состоялось и перешло в дружбу.

Как-то получаю записку от Дмитрия Ивановича: «Приходите, будет «лыжная барышня»... «Лыжной барышней» оказалась Вера Дмитриевна Алчевская... Вскоре я был шафером на их свадьбе,

а через год, приехав к ним с моей невестой, участвовал в купании в деревянном корыте малютки Аси, ныне доктора наук, крупного специалиста по газовой хроматографии».

Ася - Ксения Дмитриевна Щербакова родилась в 1917 году. Многие десятилетия её жизни связаны с Московским университетом, не раз она избиралась депутатом Моссовета. Работая над статьёй «Семь кругов Ада», и разыскивая всё, что может пролить свет на гибель Дмитрия Алчевского, я позвонил ей в Москву. Она живет в той же квартире, где прошла жизнь её семьи, среди знакомых с детства вещей. О том далёком времени напоминает пейзаж Рылова, который был частым гостем на даче в Кекенеизе, — «голубое небо, выжженный солнцем склон, пыльная дорога и синее, синее море...»

Ксения Дмитриевна, несмотря на возраст, а ей 78 лет, преподаёт, правда уже на полставки, в Московском университете. Она полна сил и энергии, её трудно застать дома. И вот, наконец, я задаю волнующий меня вопрос. Ведь её родители были последними, кто видел Дмитрия Алчевского живым, сопровождая его в той поездке. Я надеялся узнать подробности тех далёких событий.

Но результат был неожиданным. Ксения Дмитриевна ничего не знает о гибели её деда, о его смерти в тюремном застенке. В семье известного советского академика об этом не говорили. И стоит ли сетовать на эту забывчивость. Понятно, что для Веры Дмитриевны такой факт биографии, как расстрел отца, не стоило афишировать в то время. И опять, снова и снова, вслед за героями очерка «Семь кругов Ада», мы повторяем ставшую уже привычной фразу: «Время было такое».

Вспоминает доктор географических наук Б.А.Федорович: «Лето 1921 года было в Крыму крайне засушливым, и зима была очень голодной. Но в Петрограде к ещё большему голоду добавлялся и холод. Приходилось оставаться в Крыму. Работы прибавилось. Организованная В.И.Вернадским комиссия вела учёт полезных ископаемых, и всё это в значительной мере ложилось на плечи Дмитрия Ивановича. Возвращаться в Петроград «недоучившимся» студентом и содержать семью было немыслимо. И он, ведя большую преподавательскую и общественную работу, находит в себе силы, чтобы блестяще сдать экзамены и закончить Крымский университет»...

Весной 1922 г. он был приглашен А.Е.Ферсманом в отдел нерудных ископаемых АН СССР и переехал с семьей в Петроград.

Об этом времени могла бы рассказать сама Вера Дмитриевна, к сожалению, её уже нет. Но Ксения Дмитриевна вспомнила, что «мама писала дневник».

В. Д. Алчевская и Д. И. Щербаков

Это скорее не дневник, а воспоминания, большая часть которых так и не была опубликована. Ксения Дмитриевна, несмотря на занятость, перепечатала интересные меня страницы и предоставила их для публикации. Воспользуемся этой возможностью и вернемся на 75 лет назад, на берег «синего моря».

«Жили мы в это время на Южном берегу Крыма, недалеко от деревни Кекенеиз в имении Е.А.Алчевской и платили ей аренду за помещение и приусадебную землю, на которой разводили огород...»

Вера Дмитриевна не указывает, что Е.А.Алчевская её мать. Да, у них были не очень хорошие отношения, но, наверное, причина здесь в другом...

«У нас была живность - корова, осёл, куры, кролики. Решили, что Дмитрий Иванович отправится в Симферополь, а я со своей свекровью и двумя ребятами - её воспитанником Митюшей и моей дочкой Асей - останемся в Кекенеизе. Летом, мы, конечно, были вместе, а осенью пришлось расставаться,

В одной половине дома жили мы, а в другой два брата - турка с семьями. Повседневные заботы, конечно, занимали весь день, но всё же без мужа мне было тоскливо. И вот в один прекрасный день я решила отправиться к нему в гости на недельку. Денег тогда у нас было мало, и самым дешёвым методом передвижения был пешеходный. «До Ялты - 30 км пройти было легко, там у меня была возможность остановиться отдохнуть у матери...»

И в этом месте своих воспоминаний Вера Дмитриевна умалчивает, что её мать и Е.А.Алчевская одно и то же лицо.

«На следующий день надо было совершить переход в несколько десятков километров.

Выйдя из Ялты на рассвете поднялась через Дерекую на другую сторону Яйлы, на бывшее Романовское шоссе, и по одному из отрогов через несколько часов вышла на

предгорье Яйлы и, перейдя вторую гряду, вступила в степную часть Крыма. Было это уже к вечеру, и вдалеке скоро замелькали огни Симферополя... Они казались такими далёкими. Ноги гудели от усталости, и казалось, что конца этому пути нет. И всё же часов в 10 вечера я добралась до намеченной цели.

Неудивительно, что эта замечательная женщина стала для Д.И.Щербакова другом и спутником на его жизненном пути, его музой, «музой дальних странствий».

Дмитрий Иванович считал себя не только геологом, но, в первую очередь представителем редкой, забытой профессии - путешественником. Длинным бы получился список путешествий - Средняя Азия, которую он исходил вдоль и поперёк, Камчатка, Приморский край, Северный полюс, Архипелаг Франца - Иосифа, поездки во Францию, Германию, Индию, Чехословакию, конгресс в Мексике, Нью-Йорк, Индия - Дели, Бомбей...

В. Д. Алчевская и Д. И. Щербаков

Кинорежиссер Д.В.Шпиркан писал: «Он объездил мир, он видел жизнь народов многих стран, но каждый раз был счастлив встрече с Родиной, потому что все его путешествия были во имя Родины». В 1964 году, когда ему было уже 72 года, Дмитрий Иванович поднимается по тяжёлым и опасным горным тропам на высоту около 4000 м, на западное окончание Джумгалского хребта, чтобы осмотреть месторождение и оценить возможности его разработки.

И это далеко не последнее его «путешествие». Впереди было Боомское ущелье под холодным ветром и форсирование вброд реки Чу, и уже за год до смерти скалистое и мрачное ущелье Кара-Балты,

Об этом человеке, оставившем добрую память в сердцах многих людей, можно рассказывать долго, это отдельный разговор, я могу позволить себе только небольшое отступление. Все, кто вспоминал о нём, неизменно обходились эпитетами: добрый, мягкий, сердечный, простой, благожелательный, остроумный, обаятельный, чуткий товарищ, человек спартанского образа жизни...

Вера Дмитриевна Алчевская (Щербакова)

Академик геологии Д. И. Щербаков

Продолжать можно долго. Достаточно взглянуть на его фотографию, она красноречивее любых слов. Такое лицо может быть только у очень хорошего человека.

Неудивительно, что когда я напомнил Ксении Дмитриевне об Алчевских, это не вызвало у неё особой заинтересованности. А может мне это показалось. Но ей, конечно, ближе был отец с его миром, и его идеалами. Он не мог не быть её кумиром. Один из очевидцев вспоминал:

«Но входит в комнату Дмитрий Иванович со своей дочерью Асей, и мгновенно всё меняется. Даже в самой комнате становится как-то светлее. Они необыкновенно дружны и вечно состязаются в веселых остротах». Ася часто сопровождала отца в его экспедициях. Это были её «университеты», под открытым небом.

Академик М.М.Адышев вспоминал: «Помню, как летом 1948 года вся экспедиция направилась через живописную долину в бассейн р. Сары-Джаз; все участники экспедиции ехали верхом, и только двое - Дмитрий Иванович и его дочь Ксения Дмитриевна - шли пешком.

Обычно они рано утром после завтрака немедленно отправлялись в путь и, пока мы выючили лошадей, были уже далеко. Непременным их «спутником» был чайник, который Дмитрий Иванович носил в своем рюкзаке; по пути они собирали сухие дрова и на привале кипятили чай». От отца перешло к Асе и увлечение фотографией, еще до войны она экспериментировала в области цветной фотографии. Об этом сегодня напоминает старый увеличитель и множество снимков.

Да, он, конечно, был её кумиром, прекрасный, добрый человек. От своей матери он унаследовал какую-то необыкновенную прирожденную вежливость, глубокую культурность. Он никогда не позволял себе резкого слова. Эти его качества часто принимали за слабость характера, чрезмерную мягкость. Его мать, Юлия Львовна, была женщина поразительно умная и вместе с тем очень милая, остроумная и приветливая. С ней он часто говорил по-итальянски. Она была итальянка, притом римлянка, урожденная Джулия Асси.

Выросла она в Петербурге и только в юности ездила в Италию. У неё был приятный голос, она прекрасно пела, с успехом преподавала музыку и пение и давала уроки итальянского языка. После смерти отца, Дмитрия Ивановича, это был почти единственный заработок семьи. Юлия Львовна обладала сильным характером, держала сына в строгости, стараясь воспитывать его по-спартански.

Это помогло ему в будущем. До последних дней он отличался удивительной выносливостью - пересекал пустыни, поднимался на ледники, и всегда был бодр и жизнерадостен. Он любил жизнь, и был примером неутомимой жажды познания. До самой смерти он был главным редактором «Природы» и председателем комиссии по Антарктике. Не одно поколение выросло на его книгах об увлекательных путешествиях. Сам он признавался, что в детстве его любимыми книгами были «Дети капитана Гранта» и «Таинственный остров». Он восхищался, как и все мальчишки, героями Майн - Рида, Фенимора Купера и Жюль Верна.

Но вернемся в Крым, к воспоминаниям Веры Дмитриевны: «И так, осенью мы ликвидировали своё хозяйство, продали корову, кроликов и кур, погрузились на арбу, чтобы ехать в Симферополь...

Помещения для жилья не было, и мы поместились в ассистентской Университета за шкафами... Время было голодное, ни одежды, ни продовольствия не хватало. Когда я отправлялась на рынок, Дмитрий Иванович обычно говорил: «Пошла на стрельбище».

В это время среди населения осталось много оружия, брошенного белыми и нередко на рынке, чтобы произвести панику, либо раздавался выстрел, либо бросались даже гранаты. Продавцы хватали мешки с крупой или мукой, народ, обезумев, бросался с рынка, мальчишки надрезали кули с крупой и подставляли подола пальто, а я обыкновенно пряталась за столб или угол какого-нибудь здания, пока людская лавина не пронесется мимо и можно безопасно идти домой. Когда я с победным видом приносила с рынка мокрый хлеб с остями, он поджаривался на чугунной печке и поглощался нами. Дмитрий Иванович работал в то время ассистентом Обручева и преподавал во вновь образованной школе – «доме будущих граждан». Утром он бежал обыкновенно на уроки и на улицах нередко наталкивался на мёртвых ребятишек, которых родители выгоняли из дому, не имея возможности их прокормить.

Ксения Дмитриевна Щербакова

Это было время голода в Крыму, когда не хватало и продовольствия, и промтоваров. Профессор Обручев приходил на лекции босиком на деревянных подошвах, цокающих о плиты тротуара, а его ассистент Д.И.Щербаков ходил в «пасталах» (пастушечья обувь), сделанных им сам из сыромятной кожи от проданной коровы.

В Симферополе мы прожили до 1922 года, а весной решили вернуться на север. Тогда ходили только ревкомовские и санитарные поезда. Последние были переполнены туберкулезниками, которые были направлены в Крым в санатории на поправку, рассчитывая на крымский воздух и солнце, однако без питания и продовольствия. И вот эти измученные и отошавшие больные возвращались в родные места. В поезде, в который мы попали, за время пути, длившегося две недели из Крыма в Петроград, умерло 9 человек. Приехали мы 1 мая 1922 года. Вещей у нас тёплых почти не было, по дороге вытащили то немногое, что было с нами, и моя дочка сильно простудилась и много лет после этого болела».

Ксения Дмитриевна дополняет этот рассказ: «К нам в вагон попросилась до Харькова одна женщина и... украла у нас всё, что только было можно, не оставив даже посуды, и я вынуждена была питаться с одной тарелки с больными туберкулезом». Это и отразилось на её здоровье. Проболела она девять лет. Учиться пришлось дома, и пойти сразу в четвёртый класс, по настоянию Юлии Львовны, в немецкую школу.

В 1934 году Академия наук переехала в Москву, а вместе с ней и её родители. Лишь в 1935 году после окончания школы она едет к ним и поступает в университет. В 1940 году заканчивает химический факультет МГУ, потом аспирантура и работа на кафедре физической химии.

Дмитрий Иванович вспоминал: «Петроград в начале 1922 года имел ещё вид «уснувшего города». За десятки километров были видны блестящие купола его церквей, не закопченные дымом, часть улиц поросла травой, жителей было мало, в городе не было обычной суеты столицы...»

А в «дневнике» Веры Дмитриевны читаем: «На Неве шёл ледокол и после Крыма, где мы уже встречали весну, было холодно. На ногах у Дмитрия Ивановича были всё те же «пасталы» и первое время он ежедневно проходил в них 10 км, отделяющие наше обиталище от Политехнического института, где он работал. Первые доклады его происходили в далеко не официальном костюме - рубашка, серые бумажные брюки и те же «пасталы». К этому времени при Доме Учёных учредили фонд, в котором получали из-за границы полотняные платья и обувь и распределяли между учёными. К осени Дмитрию Ивановичу выдали ордер на пиджачную пару и ботинки, пожертвованные французами, и он смог одеться.

К этому времени мы переехали в дом, ранее принадлежавший князю Оболенскому, но не в княжеские покои, а в квартиру повара, находящуюся во дворе. При входе в квартиру была огромная кухня с большой плитой и электрическими вертелами, на которых можно было зажарить целого барана. Конечно, эти вертела бездействовали. Водопровод также не действовал, уборная находилась внизу на чёрной лестнице. Наша квартира была из двух маленьких комнат и кухоньки, в которую солнце никогда не заглядывало. Со временем, из-за болезни дочери, мы переехали в более светлую квартиру».

«Первые шаги» известного учёного не были устланы розами. Они пришлись на тяжёлое время, и семье его было трудно, хоть и не настолько, как Христине Дмитриевне, которая оказалась в Ялте почти без средств к существованию. Вера Дмитриевна всё же имела хоть небольшую возможность помогать сестре. Добавлю, что ещё в декабре 1921 года была учреждена Центральная комиссия по улучшению быта учёных. В октябре 1921 года около 8 тысяч учёных и научных работников начали получать особые «академические» пайки, а четырьмя месяцами позже такие же пайки были выданы уже 200 тысячам учителей. К концу 1920 года значительно улучшились жилищные условия

научных работников. Отныне им разрешалось иметь дополнительную комнату. Но это официальные сведения, насколько они расходятся с жизнью мне трудно судить.

С сожалением приходится заканчивать этот очерк и расставаться с его «героями». Они прожили большую, интересную жизнь. На одной из последних фотографий Веры Дмитриевны и её мужа, которую я здесь публикую, сохранилась надпись. Она и станет, наверное, последним аккордом в этом повествовании. Это слова из забытого старинного романа:

«Счастливые годы, весёлые дни, как вешние воды, промчались они...»

В. Д. Алчевская в детстве

В. Д. Алчевская (Щербакова) с мужем Д. И. Щербаковым

Название этой статьи Взято из воспоминаний профессора И.И.Пузанова. Рассказывая о крымском периоде в жизни Димы Щербакова, он упоминает, что мальчиков всё чаще и чаще стала посещать «муза дальних странствий».

Очень помогла мне в работе книга «Дмитрий Иванович Щербаков, жизнь и деятельность» (Москва, 1969 г.). По какой-то иронии судьбы редакционную коллегию этого издания возглавлял академик Н.В.Белов, как и автором книги об Алчевском (1904 г.) был его однофамилец В.Д.Белов.

Конечно, это случайность и совпадение. Но сериями очерков об А.К.Алчевском и его потомках я как бы продолжаю эту традицию.

Благодарю Ксению Дмитриевну Щербакову* за предоставленные фотографии и материалы. Выражаю признательность всем, кто оказал мне помощь.

* Щербакова Ксения Дмитриевна родилась 30 апреля 1917 г. в Петрограде. В 1940 г. окончила химический факультет МГУ. С 1967 г. доктор химических наук. С 1971 г. профессор кафедры, а с 1987 г. - профессор-консультант кафедры физической химии химического факультета Московского Государственного Университета.

Эта публикация готовилась к 100-летию меткомбината, которое отмечалось в 1996 году и почти совпадало с трагической датой 95-летием со дня смерти А.К.Алчевского.

Христина Юрковская (1891-1973), племянница А.К.Алчевского, вспоминала: «1901-й год для многочисленной семьи Алчевских и Бекетовых стал фатальным. Неожиданно трагически закончился жизненный путь главы семьи - Алексея Кирилловича Алчевского. На его похороны собралось много людей. Ведь он был очень популярным и любимым людьми за свою чуткость и прогрессивные взгляды. До сих пор в Донбассе в городке Алчевске, что назван его именем, из уст в уста от старшего поколения к младшим передаются рассказы о добрых делах, которые он творил».

Наступил 1900 год.

В столичных кругах ещё спорили, считать ли его последним годом минувшего века, или первым наступающего, а в стране набирал силу самый тяжёлый за последние годы кризис. Алчевский предупреждал о надвигающейся опасности на проходившем в Харькове съезде горнопромышленников Юга России. Но к его мнению не прислушались. Ведь за последние полвека страну уже не раз лихорадило. К этому почти привыкли, и катастрофа представлялась не такой значительной, казалось, что он сгущает краски.

Ещё в прошлом веке, после отмены крепостного права, начался бурный рост промышленности, особенно на Юге России. К 1885 году в Славяносербском уезде было уже 37 рудников, из них 26 крупных. Количество горнорабочих с 1877 по 1893 год увеличилось на Юге почти вчетверо, а на Урале всего в 1 и 2/3 раза. К 1900 году в Донбассе действовало 470 предприятий — 289 шахт, 45 соляных заводов и копей, 12 металлургических заводов, 17 машиностроительных, 49 железных рудников. На всех предприятиях, включая и железные дороги, работало 160 тысяч рабочих. Кроме этого было еще 80 кустарных шахт - «дудок», в которых добывали уголь для местных нужд. Именно такие шахты помогал делать крестьянам Алчевский.

Известно, что первенство в открытии угля принадлежит не Алчевскому, но ещё в 70-е годы прошлого века он начинает заниматься разведочными работами в пределах Бахмутского, Славяносербского уездов и области Войска Донского, а затем и разработкой каменного угля. Результатом этого стало основание им в 1879 году Алексеевского горнопромышленного общества, которое из скромного дела с производительностью в 700 тысяч пудов в год, разрослось в громадное предприятие с шестью миллионами основного капитала и производительностью до 60 миллионов пудов угля и кокса.

В 1901 году уже добывалось угля 75 миллионов пудов, а кокса - 25 миллионов пудов. Лишь только в районе села Васильевки и деревни Каменки обществу принадлежало 3672 десятины земли. В 1890 году оно стало строить у станции Юрьевка коксовые батареи. С возникновением завода ДЮМО Алчевский организывает «Южное Горнопромышленное общество» и приобретает значительные земли в районе Кривого Рога и Керчи, богатые запасами руды.

К 1900 году шахты Донбасса давали 70 процентов всего угля страны. Чугуна выплавляли на Юге 53 процента всего производства, а ещё недавно, в 1867 году всего 0,3процента. В начале века на 16 заводах Юга работало уже 64,7 тысяч рабочих. С большой быстротой росли фабричные и заводские посёлки, еще не имевшие права городов. Вспомним, что адрес нашего города в то время был не Алчевск, не Юрьевка (так называлась лишь станция), а просто «посёлок завода ДЮМО».

Первые удары кризиса ощутили в Донбассе задолго до наступления нового века. Ещё в 1874–1884 годах в некоторых местах наблюдалось сокращение добычи угля. Молодая промышленность ещё не приобрела размаха. Тогда были закрыты шахты Юрьевки, Городища, Павловки, Штеровки, Беянки.

В начале 80-х годов наступил новый кризис. Он вызвал снижение цен на топливо. Некоторые железные дороги, и Русское общество пароходства, снизили цены вдвое, до 8 копеек за пуд. А в самые лучшие годы платили по 16–18 копеек...

Избежать нехватки топлива многим владельцам заводов (в Юзовке, Мариуполе, Алчевске и др.) помогали собственные шахты. Алексеевскому горнопромышленному обществу, которое «питало» завод ДЮМО, принадлежали Павловская, Каменская, Орловская, Родаково-Юрьевская, Кальмиусо-Богодуховская, Кременская (близ станции Кременное), Чистяковская (вблизи Амвросиевки), Картушанская и Александровская копи. В докладной записке, поданной министру финансов Витте, Алчевский, предупреждая о надвигающейся катастрофе, предлагал не ограничивать производство металла и не создавать искусственные цены на внутреннем рынке, а не уменьшая производства, вывезти часть излишка за границу. Это бы смягчило ситуацию не только в металлургической, но и угольной промышленности, где удалось бы сохранить прежнюю производительность угля. Но, как известно, к его мнению не прислушались.

Кризис 1900–1902 годов выгнал на улицу 11 тысяч металлургов, среди шахтеров было 9,5 тысяч безработных. Масштабы трагедии по тем временам казались огромными. Вспомним, что Алчевский не увольнял рабочих, что и стало одной из причин его гибели.

Закрылось более 80 шахт, из 56 доменных печей действовало только 23. Добыча угля сократилась, и цены упали с 9–10 копеек до 6–7 копеек за пуд.

Последствия кризиса сказывались до 1911 года, пока предвоенная обстановка не вызвала заметное увеличение добычи угля, но всего лишь на 20 процентов. За это время не было построено ни одного завода. Промышленный подъем конца XIX века уже больше не повторился. Не потому ли советские историки сравнивали наши достижения с 1913 годом. В 1898 году Ленин писал: «Южный район горной промышленности... молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определённого населения. В Южную Россию целыми массами переселялись и переселяются иностранные капиталы, инженеры и рабочие, а в современную эпоху горячки туда перевозятся из Америки целые заводы».

Одной из заслуг Алчевского, которую отмечали современники, было то, что он строил свой завод исключительно на русский капитал. Но оборудование часто закупалось на Западе. В 1898 году на заводе ДЮМО установили прокатные станы, прибывшие из Бельгии, использовали оборудование из Германии, откуда были приглашены специалисты на строительство завода.

Иностранные капиталисты активно вкладывали свои деньги в промышленность Юга России. Это было выгодно. На Западе прибыль обычно составляла 4–5 процентов, здесь же дивиденды доходили до 20 процентов. Русской буржуазии было не всегда под силу поднимать тяжёлую промышленность. Это требовало больших первоначальных вложений. Поэтому ведущая роль принадлежала французскому и бельгийскому капиталу. В 1897 году в Брюсселе было создано банковское объединение «Генеральное общество горной и металлургической промышленности в России», или «Русский Омниум», которое финансировало вложение в промышленность Юга.

Не случайно во многих источниках, в связи с нашим заводом, упоминаются и бельгийские специалисты, а вскоре после смерти Алчевского завод ДЮМО переходит во владение франко-бельгийского акционерного общества. Одним из первых на его гибель откликнулся из Бельгии, хорошо знавший Алчевского, А.Вандервиль. Нам уже знакомы

его слова: «Гигант пал, жертвовавший всеми своими личными интересами ради дела. Его усилия не увенчались результатами, на которые он вполне законно надеялся, оплакиваешь этого гения, этого великого человека!»

Ещё недавно мы очень мало знали об Алексее Кирилловиче Алчевском, даже не представляли, как он выглядит, принимая за него совсем другого человека (отца его жены Христины Даниловны) на известной семейной фотографии.

Но вот мы увидели его лицо, прочли письмо, написанное перед смертью, познакомились с потомками Алчевского, живущими в Харькове, Ялте, Москве, узнали много интересного, и, кажется, все открытия уже сделаны. Но перед нами фотографии, которые, казалось, никогда не придётся увидеть.

Харьков, 1901 год, здание Земельного банка, унылое серое утро, моросит мелкий весенний дождь, на булыжной мостовой уже появились лужи, против банка тумба, обклеенная афишами, и люди... много людей, под зонтами и просто с непокрытыми головами. Даже на старой фотографии видны в толпе простые, обычные лица. Десяток священников нетерпеливо мокнут под дождем.

В глубине снимка белый катафалк, запряжённый шестёркой лошадей в траурных попонах. Каждую под уздцы держит форейтор, в такой же тёмной одежде. Всё молчаливо и торжественно. Но вот процессия тронулась... Кто-то ещё задержался на ступенях банка, но уже «смазаны» зонтики в толпе идущих за гробом. Чеканит шаг почётный эскорт из жандармов в белых, парадных фуражках, с шашками наперевес. Мелькают погоны, золото парчовых одежд, молчаливые лица...

Медленно «плывёт» белый катафалк, слёзы застилают глаза...

Это похороны... Похороны Алчевского.

Харьков. Похороны А. К. Алчевского. 1901 год

Газеты того времени сообщали, что Алчевский приехал в Петербург за две недели до трагического события вместе со своим старшим сыном, и секретарём Гродецким. Жил он в Европейской гостинице, где останавливался уже 14 лет подряд, был совершенно здоров, и ничто не давало повода думать о таком печальном конце. 7 мая он до двух часов был дома, в обычное время завтракал, просматривал газеты, а в третьем часу вышел из дома с портфелем в руках. Видимо он ждал ответ на своё прошение, отправлен-

Харьков. Строения и улицы Северный банк.

Харьков. Земельный банк (с открытки нач. XX века)

ное через Витте Николаю II. Но около 4 часов Алчевский приехал на вокзал Варшавской железной дороги, зашёл в буфет, потом вышел на платформу и около двух часов прогуливался взад и вперёд. Затем он сошёл с неё и отправился по путям станции.

Известно, что он написал на вокзале два письма, одно сыну («Дорогой мой сын, дорогой мой Гриць! Прости твоего несчастного отца...»), и второе письмо Гродецкому. Не ясно, встречался ли с кем-то Алчевский, собирался ли куда-то ехать, или просто колебался перед тем, как принять роковое решение.

В одной версте от станции он бросился под дачный поезд N 39, шедший из Гатчины в Петербург. Поезд был сразу остановлен, Алчевского вытащили из-под колёс и отправили в Александровскую больницу, где, не приходя в сознание, он скончался в 8 часу вечера.

По другим сведениям он умер в 11 часов.

Тело его перевезли в Харьков. Гроб сопровождал сын Алчевского Григорий. Вам уже знакомы воспоминания внучки Алексея Кирилловича В. Д. Щербаковой. Цитирую их по рукописи, которая хранится в Москве у её дочери Ксении Дмитриевны. Текст этот немного отличается от уже известного нам, его ещё не коснулась редакторская правка:

«Перрон Харьковского вокзала. Медленно подходит длинный поезд, в конце его вагон, украшенный еловыми ветками. Остановка, двери открываются, и на руках выносят оцинкованный гроб, на котором лежат погребальные венки. Сопровождал этот гроб из Петербурга мой дядя - Григорий Алексеевич, это останки его отца, который бросился под поезд на царскосельском вокзале. Встречают гроб большое количество народа, семья, убитая горем жена Христина. Даниловна, сыновья и внучки Алексея Кирилловича, среди которых и я - мне 8 лет. Это первое моё впечатление о большом горе, когда глава семьи оставляет своих близких, чувство какой - то пустоты, чего-то непоправимого».

Газеты сообщали, что «панихида будет отслужена 9 мая на дому в 12 часов дня и 5 1/2 часа вечера. О дне погребения будет объявлено». Прощание с Алчевским проходило в здании Земельного банка. Отсюда траурная процессия и двинулась на кладбище. Незвестный фотограф оставил нам свидетельство тех событий. Снимок сделан с высоты второго этажа, из какого то здания, стоящего напротив. На старых открытках с видами Харькова это место занимает Северный банк. Здесь можно увидеть ту же рекламную тумбу и фигурные газовые фонари, их ещё не было при Алчевском.

На второй фотографии продолжение траурного шествия. Колонна растянулась по длинной мощёной улице. Впереди везут венки с надписями, останавливаются прохожие, по краю дороги большие лужи. Дождь не прекращается и лица людей скрыты под чёрными зонтами. Вдали над толпой колыхается белый шатер катафалка, какой-то мальчишка выбежал на середину дороги, идут священники, придерживая свои длиннополые одежды.

Харьков. Похороны А. К. Алчевского. 1901 год.

Их путь закончится на старом городском кладбище. Через много лет, уже в советское время здесь разобьют молодёжный парк, могилы разровняют, кого-то перевезут на другое кладбище, Алексей Кириллович останется лежать там. Место это ещё можно найти. Даже известно, как выглядела могила Алчевского. Когда в 1917 году умер его сын Иван Алексеевич, известный оперный певец, его похоронили рядом с отцом. Сохранилась акварель внучки Алчевского Христины Юрковской. Мы видим украшенный цветами крест и могилу Ивана Алчевского, а рядом еще один такой же простой крест на могиле его отца. Место это было огорожено небольшим забором, позже здесь похоронили и Христину Даниловну. Но в 70-е годы, когда создавали парк, её и сына перенесли на другое кладбище, а об Алексее Кирилловиче, наверное, «забыли»...

Харьков. Могила А. К. Алчевского и И. А. Алчевского

Фотографии похорон все эти годы хранились в семье старшей дочери Алчевского Анны, их передал для публикации её внук, правнук Алексея Кирилловича, Фёдор Семенович Рофе-Бекетов.

Копию с акварели Х.Юрковской я получил из Харькова от Е.Д. Радковой. Она давно интересуется семьей Алчевских и часто помогает мне в поисках. На одной из старых улиц Харькова, в доме, построенном ещё архитектором Бекетовым, как и в начале этого века, среди старинной мебели и семейных реликвий висит большой портрет Алексея Кирилловича. Внимательно и вдумчиво смотрит он на нас из того далёкого времени.

«Жена и дети в глубоком горе извещают, что Алексей Кириллович Алчевский в тяжких страданиях скончался в Петербурге 7 мая в 11 ч. вечера. Панихиды по усопшему будут отслужены сегодня, 9 мая, на дому в 12 часов дня и 5 ½ часа вечера. О дне погребения будет объявлено»

«Харьковский листок», №385 (ежедневная газета), 1901 год, 9 мая.

Я купил её на книжном развале в Симферополе, возвращаясь из Крыма. Она была старенькая, потрёпанная в выцветшей и вытертой многими руками обложке, без надписи. Корешок давно заменили какой-то полинявшей тряпицей, и здесь тоже не оказалось названия. Но на титульном листе я прочёл: «Книга взрослых», а ниже – «Первый год обучения. Составлена учительницами воскресных школ, при ближайшем участии Х.Д.Алчевской, с 56 рисунками». Книга была издана в типографии И.Д.Сытина, в Москве, в 1908 году и рекомендована для взрослых рабочих в вечерних и воскресных классах, а также для библиотек училищ и церковно-приходских школ. На внутренней стороне обложки стояла квадратная печать с надписью:

«Библиотека Омского тюремного замка»...

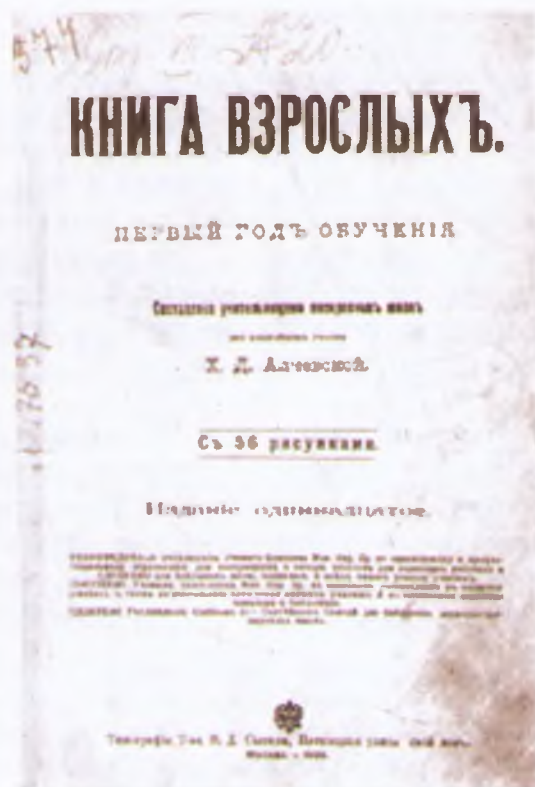
Первая, небольшая часть книги была посвящена религиозным сюжетам, дальше шли короткие рассказы и стихотворения разных писателей, а между ними повествования из истории, географии и т.д., составленные видимо учительницами воскресных школ, а возможно и самой Христиной Даниловной Алчевской. Эта небольшая книжечка, в полторы сотни страниц, оказалась очень интересной и могла быть, наверное, переиздана и сегодня.

Из неё можно было узнать о пустынях, горах, самоедах, хлебном дереве, истории появления картофеля, жителях Африки, летающих рыбах, как люди научились писать, орудиях каменного века, клубах для рабочих девушек в Англии, о винограде, море, жизни горцев и ещё многом другом.

Так же старательно были подобраны и различные стихотворения, басни, пословицы и рассказы с нравоучительной и воспитательной целью.

Например, «Камень» (вспомните «камень за пазухой») Л.Н.Толстого, трогательный до боли «Нищий» Тургенева, и его же «Дорогая могила», «Милостыня» Гончарова и «Дорогая копеечка» (рассказ каторжника) Достоевского. Тут же «Слёзы» Тютчева, «Песня» Кольцова, «Птичка» Плещеева... Всего 159 названий. Но мне особенно запомнился рассказ «Дедушка и внучек», хотелось бы опубликовать его полностью:

«Жил-был на свете дряхлый старичок. Глаза его помутнились от старости, колени тряслись, и слышал он, бедный, плохо. Когда он сидел за столом, то едва мог держать в руке ложку, проносил её мимо рта и проливал суп на скатерть. Сын его и невестка смотрели на него с отвращением и, наконец, поместили его в уголке за печкой, куда приносили ему скудную пищу в старой глиняной миске. У старика часто наворачивались слёзы на глаза, и он грустно посматривал в ту сторону, где накрыт был стол. Однажды миска, которую слабо держали его руки, упала и разбилась вдребезги. Молодая невестка разразилась упрёками несчастному старику. Он не смел ответить, и только, вздохнувши, поник головой. Ему купили деревянную миску, из которой он с той поры и ел постоянно.

Несколько дней спустя, сын его и невестка увидели, что ребёнок их, которому было четыре года, сидя на земле, складывает дощечки.

– Что ты делаешь? – спросил его отец.

– Коробочку, – отвечал он, – чтобы кормить из неё папашу с мамашей, когда они состарятся.

Муж и жена молча переглянулись, потом заплакали; и с тех пор стали опять сажать старика за свой стол и никогда больше не обращались с ним грубо».

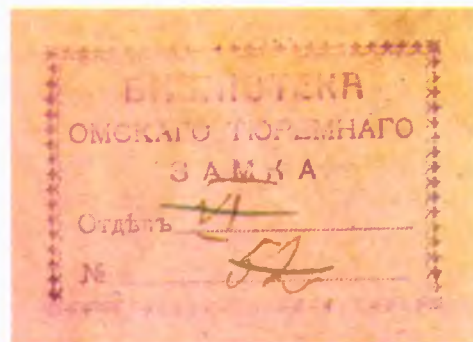
К 1908 году книга выдержала 11 изданий. Её конечно использовали в воскресной школе, созданной Христиной Даниловной в Харькове и при обучении крестьян в селе Алексеевке близ Алчевска. В 1912 году, во время празднования 50-летнего юбилея педагогической деятельности Х.Д.Алчевской, делегат Русского Литературного Кружка в Риге Ф.А.Витов поднёс ей праздничный

адрес, в котором говорилось: «Капитальный труд учительниц Вашей школы «Что читать народу?» стал настольной книгой русского учителя и деятеля по народному образованию, а по «Книге взрослых» стали приобщаться к свету и знанию тысячи воскресников от Петербурга до Тифлиса и от Риги до Иркутска...».

Книга попадала во многие библиотеки, даже тюремные, что видно из печати на оказавшемся у меня издании. Листая её страницы, я обратил внимание на небольшой рассказ «Песня птички», опубликованный без указания автора.

Начинался он так: «В тесной крепкой тюрьме большого венгерского города сидел бедный заключенный. Злые люди заковали его в цепи и бросили в тюрьму. В тюрьме было сыро, темно и холодно. Вместо постели ему бросили мокрую солому. Ему носили только хлеб и воду. Он сидел там много лет – бледный, больной, грустный. Солнце редко светило в его окошко; свежий воздух не проходил в тюрьму...».

Несчастный узник, глядя в окно, которое находилось очень высоко, не мог докричаться до людей и спрашивал у птиц, летающих в небе, сначала у орла, потом у лебедя и воробья... о своих близких. Но никто не мог ему ответить, что с его родными, детьми, которые давно забыли его и считали умершим. И только соловей спел ему песню о том, что его помнят, любят и хотят скорей увидеть...

Прочитав этот рассказ, я подумал, что, наверное, он должен был особенно полюбовиться читателям тюремного замка, и только теперь заметил обтрепанные края листов, на которых он был напечатан. Сколько же неведомых мучеников искали в нём спасения от одиночества, тоски по воле и близким, надежды? Наверное, эти затёртые в лохмотья страницы сотнями, а может быть и тысячами рук, были бы для Христины Даниловны лучшим признанием её бескорыстной деятельности на пользу просвещения и народа.

Когда статья была уже опубликована, я нашёл сведения об Омском тюремном замке, который был построен в 1826 году и до сих пор используется, как следственный изолятор, а примечателен тем, что в нём с 1850 по 1854 год отбывал наказание Ф.М. Достоевский. Свои впечатления об этих годах он описывает в «Записках из Мёртвого дома». В Омске есть и литературный музей им. Достоевского. Фёдор Михайлович был хорошо знаком с Алчевской, но умер задолго до того, как попала в тюремную библиотеку книга, которую я нашёл на книжном развале.

(К 165-летию со дня рождения Х.Д.Алчевской)

Воспоминания Веры Дмитриевны Щербаковой, внучки Алексея Кирилловича Алчевского, дочери его старшего сына Дмитрия, погибшего в 1920 году в Крыму, были написаны в декабре 1960 года и хранятся у меня уже более 10 лет. Они были присланы из Москвы её дочерью Ксенией Дмитриевной Щербаковой в период моей работы над серией очерков о потомках А.К.Алчевского, опубликованных в городской газете «Огни» в 1994-1995 г.г., но тогда эти воспоминания так и не появились в печати.

Предлагаемый отрывок посвящён Христине Даниловне Алчевской, известному просветителю и педагогу, и той атмосфере любви к украинской культуре, которая царила у неё в семье.

Христина Алчевская

26.12.1960 г.

Только что окончилась декада украинской литературы и искусства. Эта декада напомнила мне далёкое прошлое, мои детские годы, проведённые на Украине в городе Харькове. Родственники мои были настоящими украинцами, бабушка основывала воскресные школы, учила крестьян грамоте в селе Алексеевка в Донбассе, тётку я привыкла видеть часто в украинском костюме с монистом на шее и разноцветными лентами сзади. Сама я начала вышивать с шестилетнего возраста. Помню, мне давали кусок полотна и намечали места, где надо было вышить цветную звездочку, и я считала, сколько крестиков я должна вышить в день. А когда урок был закончен, моя руководительница в виде награды бегала со мной по саду взапуски. Очевидно, и руководительнице было не так много лет!

Когда два таких куска полотна были заполнены звёздочками, они превращались в рукава украинской рубашки и оставалось вышить только узкую полосочку вокруг шеи. Итак, рубашка готова, обещанный украинский костюм заканчивается, и в ближайший праздник я могу его надеть, чтобы вместе с сестрой отправиться к бабушке. Бабушка в моём воспоминании – это седая старушка, одетая в тёмное платье, очень ласковая, вокруг которой собирается многочисленная семья. Накрыт большой длинный стол – большая белая скатерть сильно свисает с боков, и к этой свисающей сбоку скатерти прикреплены длинные гирлянды цветов. Надо сказать, что такое убранство скатерти я видала только в детстве у бабушки... Цветы были сделаны из бумаги руками бабушкиных учениц, которые в праздничные дни приходили к старушке, тоже одетые в украинские костюмы. Общество было многочисленное, и вскоре все переходили в зал, где кто-нибудь садился за рояль, а присутствующие, главным образом, учительницы и ученицы воскресной школы затягивали какую-нибудь украинскую народную песню. С детства я помню ту песню, с которой начался показ представления «Мы с Украины» на большой эстраде во Дворце спорта – «Реве та стогне Дніпр широкий». Мы, ребята, конечно, тоже подтягивали, и на всю жизнь песня эта связана для меня с посещением Христины Даниловны.

У Христины Даниловны было четыре сына и две дочери, семья была музыкальная, и за рояль всегда садился кто-нибудь из сыновей, либо Григорий Алексеевич, либо Иван Алексеевич. Григорий Алексеевич обладал очень хорошим слухом и играл всё на память. Среди песен того времени я помню ещё «Стоит гора высокая, а под горою гай». И опять-таки невольно, когда мчишься в Крым на машине мимо автозаправочной станции «Зеленый гай», во мне звучит «зеленый гай, гарнесенький, неначе Божий рай». Так современная техника вызывает в памяти мелодии, запавшие в душу с детских лет, а безграничные степи родной Украины на глазах превращаются во фруктовые сады и виноградники. Лицо нашей страны меняется, но душа, певучая душа украинского народа до сих пор звучит и в песнях Гмыри, и в песнях Гнатюка, Козловского, и в мощных хорах, выступавших на Центральном стадионе в Лужниках.

За праздничный стол садилось многочисленное общество, а мы, дети, всегда сидели в конце стола. Кроме меня на праздниках бывали мои двоюродные сестры Христя, Маруся и Лена и их брат Коля. Из этого общества я, пожалуй, была самая бойкая, живая, с детства любящая танцевать, петь. Помню, бывали мы у бабушки и на ёлке, и веселый хоровод вокруг ёлки, опять-таки под руководством учительниц и учениц воскресной школы. Весной, когда солнышко уже жарче пригревало, и весенние ручьи весело бежали вдоль панелей, у здания воскресной школы выстраивались своеобразные экипажи, так называемые «линейки», где помещалось человек 8-10. Они представляли из себя четырёхколесный экипаж с длинными сиденьями, а сбоку сиденья с двух сторон во всю его длину подножки; третья подножка находилась сзади. Шумной гурьбой высыпали как ученицы, так и учительницы и с весёлым смехом усаживались на «линейки». Вся школа ехала за город, и там сажались молодые деревца. Мне думается, что это было начало теперешнего лесопарка. Яркое солнце, чуть распускающаяся зелень, цветные плахты и белые вышитые рубашки, весёлые молодые голоса – всё дышало радостью, праздничным настроением. Всё это возникало на почве тех знаний, тех возможностей, которые предоставляла им воскресная школа. Ведь раньше обучиться грамоте было не так легко, в гимназию попадали далеко не все, да и за ученье приходилось платить, а зарплата была очень небольшая. И только воскресные школы да занятия грамотой с крестьянами в деревне Алексеевка давали возможность Христине Даниловне открыть широко двери науки для народа. И как радостно становилось на душе и педагогу, и ученице, когда она начинала читать книги, одну за другой, переходя от менее сложных, к классикам нашей литературы!

Одна из сотрудниц Христины Даниловны рассказывала, что она долгое время состояла библиотекаршей в школе и Христина Даниловна обратилась к ней с предложением взять на себя группу учениц постарше – их было 5 человек. И вот началось обучение по звуковому методу, понемногу непонятные значки превращались в звуки, звуки в слова... Какова же была радость пожилой женщины, (одной из её учениц), когда она, получив письмо от сына с фронта (война 14-го года), смогла прочитать его самостоятельно!

Христина Даниловна была хорошей семьянинкой и обожала своих детей, в особенности своего сына-певца, постоянно бывала на его выступлениях, когда он пел в Харькове. Ревниво относилась к тому, кто из близких знакомых бывал на его выступлениях, и сама уже глубокой старухой всегда присутствовала на этих выступлениях, даже когда уже не могла ходить, а приносили её уже в кресле. Сын умер раньше её, и это после смерти мужа был следующий жестокий удар судьбы.

Старшие сыновья – Дмитрий и Григорий также умерли раньше её, и при ней оставались только сын Николай и дочь Христина. Много пережила на своем веку Христина Даниловна, много сделала она для окружающих, и у тех, кто её помнит, образ её останется навсегда светлым, полным ласки, тепла и доброго отношения к людям. А её восторженность и мечтательность до сих пор живут в характерах её внуков!

Весной прошлого года я был по делам в Симферополе и в поисках одной необходимой мне книги зашёл в Республиканскую библиотеку имени Франко. И здесь, на выставочном стенде, среди редких книг, которыми гордится библиотека, с удивлением и приятной неожиданностью для себя увидел книгу Х.Д.Алчевской «Полувековой юбилей», а точнее, сборник материалов, связанных с празднованием 50-летия её педагогической деятельности, которое проходило в Харькове 95 лет назад, 20 мая 1912 года. Я, конечно, знал об этой книге, но так уж получилось, что в руках её никогда не держал. Упросив сотрудников библиотеки снять её с выставочного стенда, я тут же окунулся в чтение, попутно делая выписки, понимая, что такой возможности у меня, наверное, больше не будет. Так что без лишних слов поделюсь с вами прочитанным. И начать хотелось бы словами самой Христины Даниловны Алчевской:

«Что такое, в сущности, юбилей, как не море сочувствия, разлившееся вокруг человека; как не стихийная сила, которая высоко подымает нервы, и вместе с нервами и знание, которое он держит в руке; как не союз единомышленников, голоса которых слились в одном дружном хоре; как не праздник цветов, венков, приветствий, пожеланий...».

Торжественное публичное собрание, посвященное юбилею, проходило в актовом зале Императорского Харьковского университета, в присутствии представителей многих харьковских обществ и учреждений и многочисленной публики, переполнившей зал. В книге опубликованы подробное описание торжественного заседания и тексты всех приветствий.

Распорядительная Коммиссія по устройству чествованія

Христины Даниловны Алчевской,

по случаю 50-лѣтія ея просвѣдательной дѣятельности, просить

Васъ пожаловать на торжественное публичное собраніе,

въ Воскресенье, 20 мая 1912 года, въ 12^{1/2} час. дня,

въ актовый залъ Императорскаго Харьковского Университета.

Через несколько дней, после этого события Х.Д.Алчевская писала Варваре Семёновне Костроминой: «Я вся теперь нахожусь под впечатлением только что пережитого праздника моей жизни. 13 мая у нас в школе праздновали юбилей.... Через неделю, 20 мая, был назначен юбилей в торжественно оформленном зале университета. Вот уже пятые сутки идут после этого счастливого дня, а я не чувствую ни малейшего утомления; юбилей мой продолжается: письма, телеграммы, приветствия, талантливые статьи в газетах стекаются со всех сторон и греют меня своею любовью и лаской, и я, как и в этот светлый день, чувствую себя счастливой».

В приветственном слове юбиляру на открытии торжества было сказано: «Число учениц, прошедших через воскресную школу Х.Д.Алчевской, превысило 15000. При открытии школы в 1870 году было принято более 100 учениц, в первую половину 90-х годов дошло до 550, а с устройством собственного дома поднялось до 700 с лишком. Материальным обеспечением школа всецело обязана Х.Д.Алчевской. В 1896 году для школы был построен собственный дом на капитал, образовавшийся из акций, выделенных на воскресную школу А.К.Алчевским при основании Земельного банка и доросших до 25000 рублей, остальная сумма была внесена Христиной Даниловной. Так, расходы по постройке школы дошли до 50000 рублей. Это единственная из воскресных школ, обладающая собственным домом, в котором классы, школьный музей и две библиотеки для учителей и учениц. Кроме того, в некоторых гимназиях Харькова учреждены стипендии её имени для наиболее способных учениц».

В ответном слове Христина Даниловна сказала: «Десять лет назад я пережила страшное, чудовищное несчастье. Правда, я не опустила рук и продолжала работать в школе с прежним усердием, но мне казалось, что никогда, никогда я не буду знать больше счастливых минут. И вот сегодня я чувствую себя счастливой! Я счастлива сознанием того огромного сочувствия, которое я вижу к моему делу».

Христина Даниловна говорила, конечно, о трагической смерти мужа, Алексея Кирилловича Алчевского, который был помощником во всех её делах. Благодаря его поддержке, а главное – финансовой помощи и состоялось рождение школы, и строительство для неё отдельного здания.

Много хороших и лестных слов было сказано в этот день Х.Д.Алчевской. Но для нас особенно интересны воспоминания В.Костроминой в её приветствии от имени учениц

Крестьяне села Алексеевки, которые были первыми учениками Х. Д. Алчевской. Слева — Грыцько Кныщенко, Мотря Кныщенко, Петр Иванович Черный, Мария Григорьевна Черная. Вторая справа Христия Алчевская. 1912 г.

школы: «Образ Христины Даниловны был бы не полным, если бы мы не поделились своими воспоминаниями о чтениях её с крестьянами села Алексеевки.

Воображение переносит нас в степи Екатеринославской губернии, среди которых раскинулось на берегу светлой речки имение Алексеевка.

Жаркий летний день. Горячий воздух степи, пропитанный запахами каких-то горьких трав, обжигает лицо; в небе звенит песня жаворонка; необъятный простор как-то особенно ласкает глаз после тесных городских построек, и так хорошо дышится этим теплым душистым воздухом. Мы подъезжаем с нашей спутницей, Александрой Михайловной Цветковой, к имению и, уже издали, видим семью Алчевских, которая приветствует нас радушно и весело. Хорош удобный и красивый дом с множеством террас и балконов, увитых зеленью, изящно раскинуты по газонам цветники, прекрасны группы разнообразных деревьев и кустов. То лёгких, точно кружевных, то дающих густую прохладную тень в самые знойные часы, — но лучше всего скромная белая хатка среди вишневых деревьев в глубине сада. Вся её простая обстановка — обычная крестьянская мебель, шитые узорчатые полотенца по стенам — как нельзя более подходит к этой аудитории, которая собиралась сюда слушать чтение Христины Даниловны. Просто и душевно было её обращение с этими степенными пожилыми людьми, которые беседовали с ней о своих делах, отдыхали за чашкой чая, а потом слушали её выразительное красивое чтение и делились с ней своими мыслями и впечатлениями.

Часто казалось, что они неверно понимают какое-нибудь произведение наших писателей, но потом, по дальнейшим беседам, выяснялась их мысль, которую сразу иногда не удавалось схватить. Проводивши этих гостей, мы ещё продолжали и после ухода их обсуждать эти чтения, а затем принимали участие и в других занятиях Христины Даниловны, день которой и в деревне был строго распределен с утра и весь заполнен все той же работой, какой она отдавала всё время в городе. Только в самые жаркие часы дня, когда все в природе замирало от зноя, она уходила отдохнуть, а потом приходила почта, всегда ожидавшаяся с нетерпением...

В то лето она и её сотрудницы работали над составлением и просмотром рецензий 3-го тома «Что читать народу?». Дела было много, но работать с Христиной Даниловной доставляло нам большое наслаждение, за которым забывалась усталость, не чувствовалась тягота летнего зноя, и было только желание разделить её труд, быть так или иначе ей полезной. Приятным отдыхом были часы вечерних прогулок, когда с тёмного неба ласково глядели на нас крупные яркие звёзды, сухой жар сменялся мягкой теплотой южной ночи и затихший сад оглашался звуками малороссийских песен, причём на фоне других голосов выделялся необыкновенно приятный голос самой Христины Даниловны. Быстро мчались эти приятные недели пребывания в Алексеевке, и вот поезд уже мчит нас обратно на север, к обычным занятиям, к прозе жизни, но в душе останется навсегда дорогой знакомый образ женщины, дополненный многими прекрасными чертами, обвеянный поэзией её родной, любимой Украины».

Христина Даниловна

Алчевская.

По Цветковой юбилей

(1862—1912.)

Памятник Б. Гринченко в Алексеевке

Уже дома, далеко за полночь, заканчивал я переписывать эти воспоминания для статьи. Почти механически выводя последние строчки, которые с трудом будут разбирать в редакции, и чуть не закрывая глаза, я представлял степь, и жаворонка в вышине, белую хатку, утопающую в зелени сада, и степенных бородатых учеников Алчевской, цветы и дом с террасами, и где-то далеко, казалось, слышалось нежное и за душевное пение.... Но всё же не покидала мысль, почему школа, основанная Алчевской, не носит её имени, да и памятник перед ней поставлен Гринченко, а не известной просветительнице. При всём уважении к украинскому писателю и автору словаря, нельзя не сказать, что проработал он здесь недолго (около шести лет) и Алчевская вынуждена была с ним расстаться по принципиальным соображениям. Насколько я помню, он был против обучения девочек и не согласен с Алчевской в том, что она преподавала не только на украинском, но и на русском языке.*

Наверное, всё это очень бы удивило Христину Даниловну, но таковы парадоксы истории.

*В 1912 году, уже после смерти Бориса Гринченко, Х. Д. Алчевская рассказала на страницах «Украинской Жизни» о том, что возвратясь, однажды, из-за границы, она не увидела в школе ни одной девочки, тогда как раньше их было много. Оказалось, что Гринченко, просто разогнал их и не принимал новых. Выясняя причину этого столь странного для неё поступка, Алчевская установила её характер: «Не следует калечить украинскую женщину обучением на чуждом ей великорусском языке».

Вид из дома в Алексеевке (рис. Х. Алчевской)

Когда статья уже готовилась к печати, я зашёл в гости к Людмиле Николаевне Старченко, с которой много лет проработал в Перевальском районном историческом музее. Она была ровесницей моей мамы, даже родилась с ней в один год и в один день, давно находилась на пенсии и, несмотря на свои почти 83 года, сохранила хорошую память, такую же неиссякаемую энергию и интерес к истории края.

Разговор зашёл о её тете Софии Прокофьевне Сухиной, которая работала в школе, основанной Х.Д.Алчевской в Алексеевке, и хорошо знала её дочь Христину Алексеевну. В одном из выпусков «Коллажа» я публиковал её дневник, правда, в сокращении. Да и сама Людмила Николаевна помнила, как выглядел дом Алчевских, который находился против школы, но, к сожалению, не сохранился.

Вход его обрамляли колонны, как во многих усадебных домах того времени. Их можно видеть на одном из рисунков Христины Алчевской, и фотографии, где Х.Д.Алчевская читает книгу крестьянам

села Алексеевки. Рядом был ещё один дом, под соломенной крышей – «соломенный палаццо», на два входа, выходящих к реке, куда спускались широкие ступени. Тут же, возле школы был построен и дом для учителей. Все это утопало в зелени обширного парка, который почему-то называли «Симанский сад».

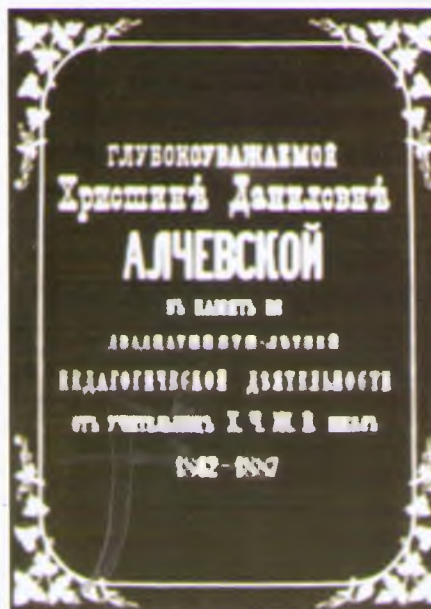
А на повороте речки, которая текла под скалой, была небольшая пещера с каменной скамьей и столом, в которой по преданию работали и Гринченко, и Алчевская. В детстве Людмила Николаевна не раз бывала там с тётёй, которая рассказывала, что очень виновата перед Христиной Алексеевной, которая, когда в советские времена начались репрессии, просила спрятать и сохранить письма к ней разных известных людей,

писателей и т.д. Об этих письмах, оставленных в Алексеевке, с сожалением вспоминает и сама Христя Алчевская.

Побоявшись хранить их дома, София Прокофьевна спрятала всё в тайнике, в стене старой школы, а место с возрастом забыла. Людмила Николаевна как-то рассказывала об этом учителям в Алексеевской школе, но письма так и не нашли.

Школа в Алексеевке

Чтение Х. Д. Алчевской крестьянам села Алексеевки

Смерть А.К.Алчевского и побудившие его на это причины, до сих пор до конца не ясны и вызывают недоумение и много вопросов у тех, кто интересуется историей города, и у его жителей. Казалось, неоправданно его решение броситься под поезд на Варшавском вокзале в Петербурге 7 мая 1901 года, когда у него, по словам В.Д.Белова, оставалось в акциях 18 миллионов, при долге в 15 миллионов. Возможно, этого было достаточно, чтобы попытаться спасти положение, обеспечить семью и начать всё с начала. Был ли у него выбор, и могло ли всё сложиться иначе?..

И я, конечно, не раз задавала себе этот вопрос, не находя ответа.

Документы, рассказывающие о нашумевшем судебном процессе, проходившем в Харькове после смерти А.К.Алчевского, найденные по моей просьбе сотрудниками городского музея в Государственном историческом архиве в Петербурге, лишь проливают свет на последовавшие за этим события и помогают понять или хотя бы предположить, что причиной был не только экономический кризис, ряд неудач и обстоятельств...

* В период работы над книгой, статья ещё не была опубликована, хотя писал я её ещё в конце 1990-х годов.

Смерть А.К.Алчевского стала трагедией не только для всей его семьи. Она произвела страшную панику среди акционеров Земельного и Торгового харьковских банков. «Биржевые ведомости» сообщали, что внезапная кончина А.К.Алчевского произвела «сильное впечатление на биржу, не ограничившееся теми усилиями, в создании которых покойный был заинтересован. Такое впечатление вполне объяснимо той ролью, которая принадлежала Алчевскому в развитии торгово-промышленной жизни на юге России, и сознанием биржевых сфер, что заместителя А.К. с такою энергией и опытом выполняющего обязанности руководителя целого ряда крупных и сложных предприятий, найти не легко. Деятельность покойного распространялась на многие области нашей торгово-промышленной жизни».

29 мая 1901 года состоялось общее собрание акционеров ДЮМО под председательством Ф.Е.Енакиева. После открытия собрания. По его предложению, «была почтена вставанием память покойного, учредителя общества и члена его правления». При этом Енакиев сказал несколько прочувствованных слов в адрес Алчевского «так много потрудившегося на пользу обществу».

Громкий процесс начала века ознаменовал это трагическое событие и привлек к себе всеобщее внимание. Как писал один из современников, «в этом вопиющем, злосчастном деле попораны были не только человеческие, но и Божеские законы».

Закладной лист Харьковского Земельного банка

На Алчевского и членов правления банков легли тяжкие обвинения в несуществующих преступлениях, подлогах и хищениях. С самого начала дело это носило «какой-то устрашающий характер». Обвиняемые были на рассвете внезапно разбужены, схвачены в постелях, специально командированными к каждому из них участковым приставом, как будто они скрывались от правосудия, и тотчас были заключены в тюрьму. Все их жалобы на злоупотребления следователей оставлялись судом без последствий. Документы подтверждают предвзятость и односторонность предварительного судебного следствия. Было очевидно желание, во что бы то ни стало обвинить попавших под следствие и привести процесс к заранее намеченной цели. Вместо обсуждения причин, которые привели к упадку дел банка, и повлияли на пережитый государством и промышленностью кризис, в деле стали отыскивать небывалые хищения, «и только хищения». Без всяких доказательств подсудимым пытались приписать ряд позорных обвинений. С этой целью совершали подтасовки, «превратив этот арест в истязание и глумление над личностью подсудимых, выставив их этим арестом на позор и любопытство улицы». Для каждого, ознакомившегося с делом, было видно отсутствие хищений и как (к сожалению уже гораздо позже) выразился министр финансов Витте в своём докладе «наличность несчастья, как продукт экономического кризиса». Но искусственно и предвзято подобранный материал предварительного следствия послужил к составлению обвинительного акта. Товарищем Прокурора Харьковского Окружного Суда Сокальским были введены в дело заведомо ложные сведения, которые и были подтверждены на судебном следствии. На суде было отказано в получении из Кредитной Канцелярии документов, оправдывающих обвиняемых.

П. П. Рябушинский

Назначение к слушанию дела на суде носило также предвзятый характер. Слушание дела было назначено на апрель 1902 года, но неожиданно, по телеграмме из Министерства Юстиции, было перенесено на январь. Защита оказалась в крайне затруднительном положении. Она не была достаточно подготовлена, но и отказаться не могла, оставив подсудимых совсем без защиты в таком сложном и «затемнённом следствием деле».

На суде не были исправлены недостатки предварительного следствия относительно экспертизы. Один из экспертов – В.Д.Белов отказался от участия в экспертизе, заявив, что он будет бесполезен для выяснения истины в деле, так как ясно видит всю односторонность направления дела исключительно в пользу обвинения.

Через год Василий Дмитриевич Белов напишет книгу об Алчевском, сохранив для нас образ незаурядного промышленника и банкира, «пионера во всех начинаниях».

Харьковский Земельный банк. 1900-е годы

При таком ведении процесса мог быть только обвинительный приговор. Сегодня мы уже знаем, что обвиняемые были оправданы и честное имя Алчевского восстановлено. Но нельзя не вспомнить о тех, кто стоял за этим сфабрикованным от начала до конца делом. Говорили, что за этот процесс была получена взятка в 300 тысяч рублей, сравнительно

небольшая, если учесть, что обвиняемым вменялось в вину хищение шести миллионов.

Трудо было не заметить, что «лица судебного ведомства», принимавшие участие в деле Харьковских банков «за участие и содействие» получили повышение по службе от Министра Юстиции Муравьёва. Прокурор Харьковской Судебной Палаты Давыдов был назначен

Дом С. П. Рябушинского в Москве. Архитектор Ф. О. Шехтель. 1902 г.

Председателем Одесской Судебной Палаты. Товарищ Прокурора Сокальский, составитель обвинительного акта, занял место Прокурора Новочеркасского Окружного Суда. И многие другие получили хорошие назначения и награды. Не остались в убытке и организаторы этого процесса братья Рябушинские, которые благодаря подкупу нажили 4,5 миллиона рублей и захватили в своё владение Харьковский Земельный банк. Здесь всё совпадает с известным утверждением В.И.Ленина, которое уже не раз приводилось по этому поводу, что «слабые капиталисты, капиталисты «второй величины», вытесняются более солидными миллионерами», собственно то, что происходит и сегодня.

После гибели Алчевского братья Рябушинские, купив сильно упавшие в цене акции, разорили, «исключительно в своих личных интересах», Торговый Банк и водворились в качестве владельцев в Земельном Банке. На общем собрании акционеров банка 25-26 июня 1901 года они добились самоизбрания с помощью подставных акционеров «привезённых из Москвы в особых вагонах». Членами правления были избраны три брата Рябушинские – Владимир, Михаил (и позже Павел), и два их родственника – Антропов и Коренев. Они добились признания законности займа, совершенного прежним Правлением банка у Товарищества Рябушинских, а также полномочия новому Правлению банка, т.е. тем же Рябушинским, на немедленное погашение этого займа даже ценой экстренной продажи процентных бумаг запасного капитала Харьковского Земельного Банка. Они же и постановили «возбудить уголовное преследование против членов Правления», возведя на них обвинения, в основание которых были положены не результаты экспертизы, а бухгалтерские выкладки специалистов братьев Рябушинских.

Так возник этот нашумевший процесс, тень от которого легла на честное имя Алчевского. Справедливость была восстановлена и станции, возле которой Алчевским был основан металлургический завод, было присвоено его имя, возвращенное городу 15 лет назад. На городском референдуме 1 декабря 1991 года за это проголосовало большинство жителей города. Президиум Верховного Совета Украины подтвердил их решение своим постановлением от 26 марта 1992 г. А в последнее время Алчевск стал настолько известен, что уже не нужно объяснять, где он находится. Правда, у многих приезжих, да и самих жителей города, вызывает недоумение, почему всё же приходится покупать билет до станции Коммунарск. Название это по-прежнему украшает здание вокзала, хотя уже на многих картах Алчевск занял своё достойное место. А мы всё едем в город, которого нет.

Перечитав не раз эту статью, я решил посмотреть в Интернете, что написано в последнее время об известном Харьковском процессе. Тема эта, как оказалось, популярная, как и всё, что касается промышленников и банкиров. Пишут об этом много, вскользь или углубляясь в суть проблемы, но чаще всё же поверхностно, отдавая дань моде. Как только не называют А.К.Алчевского, даже «старым олегархом» Понятно, что, рассказывая о Рябушинских, которые конечно не мало сделали, как меценаты и промышленники преподносят всё в «розовом цвете», а об Алчевском и о том каким путём они завладели Харьковским банком, иногда даже не упоминается. Но в некоторых публикациях есть сведения, которые могут дополнить использованный мной материал и дают возможность посмотреть на этот процесс с другой стороны.

Юрий Голицын, в статье «Слово и дело Павла Рябушинского» («Национальный банковский журнал» №6, 2006 г.), рассказывая о предыстории процесса, пишет, что «в 1868 г. некто А.Алчевский основал в Харькове Торговый банк. В 1871 г. там же был открыт Земельный банк. Председателем правления обоих банков стал сам Алчевский, которому, кроме того, принадлежал целый ряд крупных промышленных компаний, в том числе металлургический и горнообогатительный комбинаты. Он же был председателем Харьковского биржевого комитета. В конце XIX в. положение металлургического завода ухудшилось. Алчевский попытался спасти предприятие за счёт

Особняк Саввы Морозова (с 1905 года Рябушинских)

ресурсов своих банков. Но собственных средств у банков, видимо, не хватало, и они всё больше втягивались в операции с ценными бумагами. Алчевский обратился в правительство с просьбами о кредите и получении государственного заказа на производство рельсов. Помощи не последовало, и 7 мая 1901 г. банкир покончил жизнь самоубийством, бросившись под поезд. После смерти владельца Министерство финансов провело проверку Харьковского торгового банка. Выяснилось, что долг банка достиг 7 млн. руб., но в кассе, на день ревизии, находилось только 60 тыс. руб.». Он сообщает, что после проведения 25 июля 1901 года общего собрания акционеров и предъявленных руководству банков обвинений, курс акций Харьковского земельного банка, за 2-3 дня, резко упал, с 450 до 125 за 100-рублёвую акцию.

Думаю, что эта искусственно созданная ситуация и позволила Рябушинским скупить акции и стать во главе банка, что могло быть просчитано и спланировано заранее.

Ю.Голицын пишет, так же, что «по официальной версии», господствовавшей в суде, «злоупотребления в харьковских Земельном и Торговом банках начались еще за несколько лет до краха. Банки много лет располагались в одном доме. В правление обоих банков входили одни и те же люди или их родственники. Председателю и членам правления раздавались крупные ссуды без достаточного обеспечения или с постепенным возвратом обеспечения, но без возвращения заемных средств... Процентные бумаги на сумму 3 млн. руб., составлявшие запасной капитал банка, были размещены в других кредитных учреждениях как залог для получения ссуд, что по действующему законодательству запрещалось. Кроме того, оказались заложенными и возвращённые заёмщиками закладные листы досрочного погашения Земельного банка на общую сумму около 6 млн. руб., которые должны были уничтожаться. Деньги от этих операций переводились в Торговый банк, откуда их и забирал Алчевский, получивший ссуду в 5 млн. руб. Таким образом, Земельный банк служил прикрытием для Торгового, привлекая средства для последнего... Напомню, что это официальная версия, которая, как оказалось в дальнейшем, была не состоятельна. Но всё же, чтобы быть объективным, (банковское дело не моя стихия), я и решил познакомить вас с ней в изложении Ю.Голицына.

Лестница в доме С. П. Рябушинского

Он пишет, что «в предпринимательских кругах отлично знали, что за этим процессом стоят интересы братьев Павла, Владимира и Михаила Рябушинских, известных московских промышленников, которые именно в это время «начали диверсифицировать свою деятельность, активно вторгаясь в финансовую сферу».

Крах предприятий Алчевского грозил Рябушинским потерей около пяти миллионов рублей, заложенных на юге, в Харькове. Братья Рябушинские немедленно выехали в Харьков с большим штатом своих помощников для «спасения» Харьковского Земельного банка». В чём заключалось это «спасение» мы уже знаем.

Конечно, они преследовали собственные цели. И очень может быть, что Рябушинские, были причастны к тому положению, в котором оказался Харьковский банк и сам Алчевский.

В свете того, что происходит сегодня в мире бизнеса, такая ситуация не кажется уж столь удивительной. Захват чужих предприятий, и более решительными методами, стал уже нормой. Кажется, это называется рейдерством. А неугодных людей или конкурентов убирают обычно подалеже от дома, устраивая аварии, инсценируя самоубийство и тд. Не знаю, рассматривалась ли в то время версия убийства Алчевского, но в публикации Натальи Гамолы «Смерть олигарха» («Контракты» №42 - 2005 г.) сказано, что «*в полицейском участке проверяли версии предумышленного убийства и возможного самоубийства Алексея Кирилловича Алчевского*». Не знаю на чём основано это утверждение. К тому же удивительно, что его похоронили на кладбище, вопреки христианскому обычаю и отношению к самоубийцам. Но, казалось бы, последние письма самого Алчевского, не дают повода для иных предположений.

Восемь сыновей Павла Михайловича Рябушинского - Павел, Сергей, Владимир, Степан, Николай, Михаил, Дмитрий, Фёдор, пять сестёр и многочисленные родственники, по сегодняшним меркам, составляли клан «в полном смысле этого слова», «войти туда было очень сложно, а одолеть их вообще не представлялось возможным».

Можно вспомнить ещё об одном загадочном «самоубийстве» известного миллионера и мецената Саввы Морозова, которое произошло в Каннах в мае 1905 года и до сих пор будоражит умы. Существует версия, что его убил Л.Красин по заданию партии большевиков, после того, как он отказался оказывать помощь, до этого щедро финансируя партию через актрису М.Андрееву, в будущем жену Горького, в которую был влюблён. На неё он оформил страховой полис в 100 тысяч рублей, который она должна была получить в случае его смерти. Считают, что это и могло быть поводом для убийства. После смерти Морозова, Андреева получила 100 тысяч и, покрыв свои долги, 60 тысяч передала партии. Но хотелось напомнить, что главными конкурентами Морозова в текстильной промышленности, были братья Рябушинские. Как вспоминал Павел Рябушинский: «Морозовский товар можно было брать с закрытыми глазами...». По утверждению жены Морозова, она находилась в другой комнате, когда услышала выстрел, и произошло убийство. А по воспоминаниям его внучатой племянницы, записанным историком Ю.Фельштинским, она уехала кататься в пролётке с Рябушинским, а когда вернулась, муж был уже убит. В 1905 году, после смерти Морозова, Михаил Рябушинский покупает у его жены принадлежавший ему особняк, похожий на замок, возведённый в 1898 г. по проекту архитектора Ф.Шехтеля. Он находился не далеко от дома Степана Рябушинского, также построенного Ф.Шехтелем в 1902 году.

Остаётся добавить, что второй по влиянию после Алчевского в правлении Земельного банка статский советник Е.Любарский-Письменный умер в тюрьме, как сообщалось, от сердечного приступа. Его жена, которая оказывала отчаянное сопротивление новым владельцам, была вынуждена уехать в Париж, и погибла там при не ясных обстоятельствах. По словам Михаила Рябушинского была зарезана своим сутенёром.

В 1902 году, вскоре после событий в Харькове, был основан банкирский дом «Братья Рябушинские», (до этого Рябушинские не занимались банковским делом), и в Москве, появилось величественное здание банка в стиле модерн. К 1912 году банкирский дом Рябушинских был реорганизован в акционерный Московский коммерческий банк, основной капитал которого к 1913 году составлял 25 миллионов рублей. (Ю.Белов, 2007 г.)

Несколько лет назад я проездом оказался в Курске, где мечтал побывать давно. Ведь здесь прошли юные годы Христины Даниловны Алчевской. В 1850 году, когда ей было девять лет, семья переехала сюда из города Борзны на Черниговщине, где она родилась, и до 1862 года, до свадьбы, она жила здесь с родителями и братьями. А уже потом с мужем, Алексеем Кирилловичем Алчевским, переехала в Харьков, где и началась её педагогическая деятельность. Сама она вспоминала: «Выйдя замуж за истого украинца, я очутилась в Харькове, в украинском кружке «Громада», состоявшем из 80-ти человек, во главе которого стоял мой муж. Здесь я услышала чудные украинские песни, услышала родную украинскую речь, познакомилась с пылкими стремлениями этой идейной молодёжи»...

В Харькове она стала преподавать в воскресной школе, которая вскоре закрылась, и Христина Даниловна обучала желающих у себя на дому, а в 1870 году ей удалось открыть бесплатную женскую воскресную школу, которой она руководила почти 60 лет.

Но ещё в Курске она посещает молодёжные кружки, читает запрещённый в России «Колокол» А.И.Герцена и посылает ему пылкое письмо, заявляя о поддержке его взглядов передовой общественностью. К этому городу относятся самые дорогие для неё воспоминания юности, первые актёрские роли на домашней сцене, здесь она постигала азы науки, притаившись за дверью комнаты, где нанятый за пять рублей

Х. Д. Алчевская

Курск в начале XX века. Вид на центр города и Знаменский собор со стороны речки Тускарь

семинарист учил грамоте её братьев. По их учебникам она самостоятельно овладела гимназическим курсом, так как отец её, Даниил Журавлёв, запрещал ей учиться. С тех пор, наверное, и решила она посвятить себя педагогической работе и обучить как можно больше женщин грамоте. Но только в Харькове смогла реализовать свои мечты и посвятить жизнь любимому делу. Сама Христина Даниловна писала: «Юна, запальна,

Курск. Знаменский собор, нач. XX века

схильна захоплюватися, я цілком віддалася своїй палкій любові до батьківщини. За 2-3 місяці я навчилася так читати Шевченка, що мене заслухувалися. Маючи видатний драматичний талант, який був заритий у землю завдяки забобонам давнини, через те, що батько говорив: «Хіба тільки вона переступить через мій труп, щоб стати акторкою», я так читала «Наймичку», «Катерину», «Тополі» й інші драматичні твори нашого геніального поета, що не було слухача, починаючи від хати і кінчаючи панськими хоромами, у

яких я не викликала б сльози в патетичних місцях. Маючи чудовий голос..., я з захопленням віддала себе вивченню української пісні, і мій сильний звучний молодий голос яскраво виділявся серед 80 могутніх чоловічих голосів «громадян».

Тільки-но навчившись читати по-малоросійськи, я проникла до недільної школи і почала там навчати інших...».

Драматические способности, видимо, перешли к Христине Даниловне от матери, Аннеты Вуич. Порывшись в старой энциклопедии, я нашел любопытные сведения о представителях этой фамилии. Оказалось, что учитель одного из городов в южной Австрии, Иоаким Вуич, считается «отцом сербского театра». Он составлял театральные труппы и давал представления по разным городам Сербии, знакомя зрителей с лучшими произведениями европейской литературы. Родился он в 1772 году и мог быть родственником её матери. Знала ли об этом Христина Даниловна?

В Курске я надеялся найти дом, где жила семья Христины Даниловны, и узнать, помнят ли о ней в этом городе. Крутые улицы вели к центру, где возвышался Знаменский собор, построенный в 1826 году. Возможно, здесь и венчались Христина Даниловна и Алексей Кириллович. Рядом находился музей, куда я собирался обратиться, и здание первой в Курске мужской гимназии, открытой в 1808 году, где могли учиться и братья Х.Д.Алчевской.

Даниил Журавлев

Возможно, в этой старой части города был и нужный мне дом. Как оказалось позже, предположение это подтвердилось.

Анна Вуйч

Курску, правда, было кем гордиться. С ним связана жизнь многих известных людей — писателя Аркадия Гайдара, поэта Николая Асеева, художника Александра Дейнеки, который родился в Курске, и его именем названа областная картинная галерея, но помнили здесь и об Алчевской. О ней сказано и в изданном в 1997 году объёмном краеведческом словаре-справочнике «Курской энциклопедии». Но сведения эти, конечно, краткие, не более того, что мне было уже известно.

В музее меня направили к главному хранителю фондов Надежде Дмитриевне Дружининой и заведующей литературным отделом Елене Дмитриевне Спасской. Когда я общался с сотрудниками музея, в комнату зашёл краевед Юрий Владимирович Озеров, который занимался домовладениями Курска. Он и подсказал мне, что дом Журавлёвых в конце XIX-го или начале XX-го века перешёл к домовладельцу Сушкову и находился он по улице Знаменской, недалеко от музея, где стоит и сегодня.

На улице Знаменской (с 1918 года Луначарского), которая поднималась к собору, было всего несколько домов. Нужный мне, под № 3,

стоял на углу улицы Дзержинского. Прежде дом Сушкова значился под № 21, а мужская гимназия находилась ближе к собору, с другой стороны дороги. Я в нерешительности остановился перед входом в небольшое двухэтажное здание, читая табличку, укреплённую над дверями: «Государственный комитет по статистике. Курский учебный центр». Что это, мистика или совпадение? В доме, где прошли юные годы Христины Даниловны Алчевской (если я, конечно, был на правильном пути), отдавшей всю жизнь просвещению народа, размещался, разумеется, случайно, иначе это трудно было объяснить, учебный центр.

Я открыл старые, наверное, ещё тех времён, жалобно скрипнувшие двери и стал подниматься на второй этаж по высоким ступеням...

Христина Даниловна вспоминала, что отец её, Д.Л.Журавлёв, преподавал в уездном училище, когда они жили ещё на Черниговщине, но работал ли он в Курске, неизвестно. Он имел деспотичный характер; по её словам, был красивый, умный, но сухой и чёрствый человек.

Курск. Улица Московская, нач. XX века

Мать Христины Даниловны А.Н.Вуич, дочь прославленного генерала, героя 1812 года, и внучка правителя Молдавии Гика, была блестяще образована, окончила Смольный институт, прекрасно пела, была талантлива и... богата. Она вышла замуж против воли родителей. Но этот брак по любви не был счастлив. Состояние жены муж быстро прожил, и семья существовала на его скудное жалованье. Христина Даниловна признавалась, что отца она не любила. А мать, от такой безрадостной жизни, умерла, когда Христине было 16 лет. На миниатюрном портрете, хранившемся в семье, указана дата её рождения – 9 декабря 1809 года. Легко подсчитать, что ушла она из жизни в 48 лет, около 1857 года, и, наверное, похоронена в Курске. На портрете Даниила Журавлёва также указана дата его рождения – 27 апреля того же 1809 года.

Неясна причина, по которой семья переехала в Курск. Возможно, к этому вынудило материальное положение, или это было связано с работой отца. Не исключено, что сам он был родом из Курска. Здесь могли жить его родственники, братья и просто знакомые.

Ответ нужно было искать в архивных документах. Понимая, что это работа не одного дня и требует много усилий, я всё же разыскал областной архив, который находился на одной из центральных улиц. Но оказалось, что он уже полгода, как закрыт на ремонт. Постояв у дверей в нерешительности, я всё же решил обратиться к директору архива Маргарите Михайловне Литвиновой, которая, выслушав меня, разрешила разместиться в читальном зале, куда мне вскоре принесли старые адресные книги и другие документы.

В «Исторической летописи Курского дворянства», изданной в Москве, в 1913 году и составленной А.А.Танковым, сведений о Журавлёвых не было, так же как и в «Памятной книге Курской губернии» за 1894 год, и в «Списке членов Курской губернии» за 1878 год. Но в «Курском адрес-календаре» за 1911 год упоминался коллежский регистратор Василий Федорович Журавлев и младший таксатор Главного управления землеустройства и земледелия Василий Ильч Журавлев, а также Анна Васильевна Журавлева – классная надзирательница в женской гимназии. Она могла быть, конечно, дочерью или внучкой одного из братьев Христины Даниловны и получить свое имя в честь Аннеты Вуич. Но это лишь зыбкое предположение.

В «Курском адрес-календаре» за 1914 год встречается еще Аким Несторович Журавлёв, член совета села Вязово Путивльского уезда.

Больше сведений оказалось о Михаиле Андреевиче Сушкове, мещанине, в 1888 году, гласном Думы, члене присутствия по квартирному налогу. Видимо, он и купил дом на Знаменской улице. В 1911 году он, владелец торгово-промышленного предприятия, член Государственной Думы, почетный попечитель Курской ремесленной школы, имел собственный дом на 1-й Московской улице. Был еще Захар Иванович Сушков – представитель от земства в Новооскольском уезде.

Приехав в Курск, я обратил внимание на большой желтый автобус, который курсировал по маршруту в «Журавлёвку», что было указано на табличке. Спросив у стоявших на остановке, узнал, что это дачный посёлок и возник он недавно. Но это подсказало мне мысль поискать в архиве, нет ли ещё селений с похожими названиями, которые могли иметь какое-то отношение к фамилии отца Христины Даниловны. Их оказалось несколько: Журавлёвский хутор и село Журавлёвка в Белгородском уезде, Журавкин ху-

Герб рода Вуичей

тор – в Курском, Журавлёвка – в Рыльском, и деревни Журавлинка и Журавка – Льговского уезда. К сожалению, ни к чему меня эти поиски не привели.

Ещё в краеведческом музее мне подсказали обратиться к Анатолию Сергеевичу Амоскину в институт усовершенствования учителей, где он заведовал музеем народного образования. Я позвонил ему из архива и договорился о встрече. Здание института нашёл не сразу, оно оказалось далеко, а я уже порядком устал, но нисколько не жалел об этом.

Музей занимал несколько комнат, и Х.Д.Алчевской было отведено достойное место. Представлены фотографии и публикации, рассказывающие о её педагогической деятельности. И сам Анатолий Сергеевич увлечённо делился сведениями о ней, видно было человека, влюблённого в своё дело.

Но пора было прощаться. До отправления поезда оставалось мало времени. А я совсем забыл о доме на Знаменской улице, прервав свой рассказ архивными поисками.

...Поднявшись на второй этаж, я с интересом ходил от комнаты к комнате, пытаюсь представить здесь прежнюю жизнь. На меня уже косились сотрудники, и пришлось объяснить цель своего прихода. Они советовали поискать старожилов, которые могли что-то помнить. И вскоре я оказался в гостях у Клавдии Ивановны Юдиной, 1926 года рождения. На этой улице она прожила всю жизнь и помнила, что раньше дом использовали под гостиницу. Там была громадная кухня, большой титан и ванна. Мне уже говорили, что до революции верхний этаж занимали «номера» Билибина, а внизу находилась пивная лавка. После войны здесь было 4-е отделение милиции, а внизу вытрезвитель. Да при немцах обувная мастерская. Был ещё сводчатый подвал, куда прятались от бомбежки. Старый кирпичный забор во дворе давно разрушили, а ближайший дом снесли.

Сожалея, что не взял с собой фотоаппарат, я перешел на противоположную сторону улицы и на случайном клочке бумаги сделал поспешный набросок с дома, который так долго искал. Оставалось надеяться, что когда-нибудь у входа появится табличка с надписью: «В этом доме с 1850 по 1862 год жила известный просветитель и педагог Христина Даниловна Алчевская (1841-1920) – организатор воскресной школы в Харькове, автор исследований и книг «Что читать народу?» и «Книга взрослых», вице-президент Международной лиги просвещения».

Но если уж говорить откровенно, у меня не было достаточных оснований это утверждать. Дом мог быть приобретён и после отъезда Христины Даниловны, принадлежать одному из её братьев или совсем другому Журавлёву. Но очень хотелось верить, и что-то подсказывало мне, что это было не так...

Поезд шёл на Харьков, где мне предстояло сделать пересадку. Так же, полтора века назад, ехал Алексей Кириллович Алчевский с молодой женой. В этом городе развернулась его кипучая деятельность, которая и привела его к трагической смерти. Там сохранился и дом, который, несмотря на многочисленные переделки и смену «хозяев», все знают под одним именем – Дом Алчевских.

Курск. Дом Журавлева (?), рис. Ю. Белова

По пути домой – 2

Газета «Огни», 1 февраля 2007 г.

Поезд из Харькова уходил поздно вечером, и в моём распоряжении был целый день. Я решил позвонить Фёдору Семеновичу Рофе-Бекетову, правнуку А.К.Алчевского, с которым познакомился еще в 1993 году, во время первой поездки в Крым. Тогда на набережной Алушты, возле дома-музея его деда, академика архитектуры А.Н.Бекетова, который был женат на старшей дочери А.К.Алчевского Anne, я долго убеждал его передать мне копию письма Алексея Кирилловича, написанного в день его трагической смерти, 7 мая 1901 года, в Петербурге, на Варшавском вокзале, сыну Григорию, которое хранилось в семье. Но Фёдор Семёнович считал, что оно слишком личное, написано в такие мучительно тяжелые для Алчевского минуты и что его не следует публиковать...

Встретиться с Фёдором Семеновичем мне тогда не удалось. Телефон молчал. Видимо, он был в Алуште, на своей даче, точнее, небольшом флигеле, который оставили семье А.Н.Бекетова, после того как разместили в его доме музей. И, чтобы не терять зря времени до отхода поезда, я решил проехать к дому А.К.Алчевского, который находился на Совнаркомовской улице, 13. Прежде это был Мироносицкий переулок, а ещё раньше Касперовский. Признаться, я первый раз ехал по этому адресу. Хотя писал о доме Алчевских еще в 1989 году, в одном из выпусков «Коллажа», но тогда собирал сведения через знакомых, живущих в Харькове. Для меня это было как бы первое свидание, и, наверное, вы не поверите, но я волновался...

Дом был расположен в тихом и красивом месте, а фасад выходил на обширную площадь, и, если бы не обступившие её здания, можно было представить, какой вид открывался отсюда сто лет назад. Правда, после смерти мужа Христина Даниловна,

оказавшись в сложном материальном положении, продала дом и переехала на улицу Ветеринарную, 37, но в списке домовладельцев города Харькова за 1901 год ещё упоминается дом Х.Д.Алчевской стоимостью 18000 рублей.

После многочисленных переделок и пристроек (архитектор Н.Ф. Черноморченко) без изменения сохранился только фасад здания и примыкающие к нему комнаты. В 1948 году пленными немцами был построен зимний кинозал. Но в 1962 году произошёл пожар, в результате которого сгорели кинозал, фойе и вестибюль. Всё это

Христина Алчевская в 21 год

Дом Алчевского в Харькове. 1900-е годы

к 1964 году было восстановлено. В 1968 году пристроили кафе, малый зал и правое крыло здания, а в 1976 – библиотеку. Но это не лишило дом цельности, и, переходя из одной комнаты в другую, разглядывая лепные украшения залов, я представлял, что здесь проходили когда-то торжественные встречи и балы, еще не зная, что все это появилось уже позже, а при Алчевском выглядело гораздо скромнее.

За нужными сведениями я обратился в библиотеку, которая находилась на втором этаже, а оттуда меня направили к заместителю директора Дворца культуры УМВД, который размещался в здании. Он и показал мне «Историческую справку» о доме и планы, разрешив всё это скопировать.

Из документов следовало, что построен дом в 1893 году по проекту архитектора А.Н.Бекетова, «в красиво скомпонованных формах барокко». В 1921 году, на митинге трудящихся Харькова, по предложению Ф.Э.Дзержинского было принято решение о создании в доме клуба ОГПУ, а в 1927 году, в честь 10-й годовщины милиции, клубу было присвоено имя В.И.Ленина. Здесь находился и рабочий кабинет Ф.Э.Дзержинского, где он в определенные дни недели принимал граждан.

В клубе проходили выступления известных поэтов. В.Маяковский читал здесь свою сатирическую поэму «Клоп». В 1932 году состоялся большой концерт с участием М.Светлова, В.Инбер, И.Уткина.

После войны, с 1945 года, в подвале дома работал кондитерский цех ресторана «Динамо», а сам ресторан размещался в правом крыле здания. Он был закрыт в 1950 году. Изменения коснулись и территории усадьбы дома Алчевских. В 1958 году здесь была построена летняя киноплощадка и танцевальная площадка, в 1968 году – каток и теннисный корт, баскетбольная и волейбольная площадки и гимнастический городок, который до нашего времени не сохранился. А в 1967 году во дворе «для производственно-хозяйственных нужд» возвели двухэтажный кирпичный дом. Нужно ли объяснять, что осталось от усадьбы Алчевских.

Я присел отдохнуть на лавочке перед домом, где в центре небольшой площадки стоял памятник сотрудникам милиции Харькова, погибшим при исполнении служебных обязанностей, видимо, на том месте, где Алчевскими был установлен бюст Т.Г.Шевченко, первый в Украине, да, наверное, и во всем мире, памятник Кобзарю.

Покидая дом, я сожалел, что не посетил музей, который находится в клубе (он в этот день был закрыт), и не встретился с его директором Людмилой Александровной Панаско. Она и составляла историческую справку о доме. Кроме того, сотрудники рассказали мне, что не так давно приезжал кто-то из потомков Алчевского, живущих в Америке, но спросить подробней об этом было не у кого. Хотелось осмотреть ещё особняк архитектора А.Н.Бекетова. Он находился через дорогу и был построен в 1897 году. В нём размещался Дом ученых. Старушка, дежурившая у входа, после некоторых колебаний всё же разрешила мне войти. Внутри было тихо и как-то мрачно. Огромные зеркала, которые помнили, если и не А.К.Алчевского, то уж, наверное, его дочь Анну, жену архитектора А.Н.Бекетова. Запомнились прекрасные росписи в стиле «рюс», покрывающие ажурным узором стены и потолок одной из комнат, как в Грановитой палате.

Харьков. Дом А. Н. Бекетова. 1900-е годы

В двух шагах от дома, на этой же улице, была и воскресная школа, в которой работала Х.Д.Алчевская. Об этом сообщала и табличка на фасаде здания: «У цьому будинку в 1896-1919 р.р. працювала жіноча недільна школа, заснована видатним педагогом Х.Д.Алчевською».*

В здании находился художественный музей. Небольшой, какой-то милый балкончик над входом наводил на мысли, что не раз на него выходила Христина Даниловна, и стайками порхали ученицы в перерыве и после занятий, бросая тайные взгляды на проходивших кавалеров. Раньше, еще в начале XIX века, улица выходила на кладбище, и первое название её – Старокладбищенский переулок. Теперь на его месте сквер Победы, который и виден из окон школы.

*Вера Фигнер в книге «Запечатлённый труд» (1916 г.), вспоминая о Харькове, где она остановилась в семье профессора Конева, писала: «Жена Конева была до замужества сотрудницей известной общественной деятельницы Алчевской и вместе с другими лицами составила превосходную книгу «Что читать народу». Ею мы восхищались в Шлиссельбурге, и это обстоятельство сразу сблизило нас теперь. Алчевская в течение 40 лет работала в Харькове по народному образованию. Имея богатого мужа, она выстроила прекрасное большое здание для воскресной школы, которую основала и пронесла через царствование трёх императоров, в то время как другие воскресные школы были стёрты с лица земли. Когда я, нелегальная, жила в Харькове, эта школа уже существовала, но в несравненно меньших размерах и еще не прославилась по всей России. Теперь она могла быть гордостью всех друзей народного образования. Сама Алчевская, уже глубокая старуха, всё ещё продолжала работать, и я присутствовала при том, как она обучала грамоте группу пожилых кухарок, служанок и работниц. Она имела сотню сотрудников. В комнатах обширного здания молодые люди обоего пола преподавали русскую литературу, географию, историю, математику и т. д.».

* * *

Поезд подходил к станции. За окном уже дымили трубы завода, основанного Алексеем Кирилловичем Алчевским. Потянулись унылые заборы и какие-то постройки. Впереди виднелось здание вокзала. Всё вокруг от застилающего дыма было серое и мрачное, но почему-то волнующее и родное.

Пробираясь к выходу, я думал, что не так уж мало узнал по пути домой. Может быть, и вам это будет интересно.

Ю.Белов

А л ч е в с к – К р ы м

1989 - 2007

При подготовке этого издания использованы документы и фотографии из моего архива, которые были переданы мне Ф.С.Рофе-Бекетовым, Т.В.Душиной, К.Д.Щербаковой и Е.Д.Радковой. Копии наиболее интересных и важных из них я в своё время передал в городской музей. Приступив к работе над книгой, я решил обратиться к сотрудникам городских музеев, чтобы дополнить собранный мной материал, и они не отказали мне в помощи. Поиски пришлось вести также в Интернете, где были найдены необходимые фотографии на городских сайтах Сум, Курска, Харькова, Петербурга и т.д. Я не привожу список использованной литературы, поскольку эти публикации готовились не как научные статьи. А в городской газете в то время такую информацию печатать было не принято. Сегодня мне уже трудно восстановить все источники, поэтому ограничусь теми, которые упоминаются в тексте.

**Выражаю благодарность
сотрудникам Алчевского городского музея,
музея меткомбината, музея школы №1
и коллективу редакции
газеты «Огни».**

До встречи на страницах следующей книги этой серии – «Алчевск».

Приложение

В эту часть книги вошли редкие фотографии и документы, которые не были опубликованы в газете. В том числе и некоторые письма ко мне Тамары Владимировны Душиной и Фёдора Семёновича Рофе-Бекетова за период работы над статьями об Алчевских. Думаю, что они дополняют книгу и будут интересны не только исследователям, но и широкому кругу читателей.

Из писем Т.В.Душиной.

5 марта 1997 г.

Здравствуйте уважаемый Юрий Евгеньевич!

О Вас давно ничего не слышно и я решила написать Вам письмо... Недавно, просматривая старые письма, я узнала, что Дыханова жила в Симеизе, а Д.А.Алчевский работал в Туле, на Косагорском заводе. Так пишет мне в письме В.Д.Щербакова. Мне также известно, что владельцев «Серых дроздов» было трое – Дорофеев в 20-годы, Судзиловский в 1917 г. и ещё на доме был герб Чернявского. Нет ли родственных связей с тем Чернявским, который жил в Кекенеизе и имел три дочери. Мне сказали, что в Ялте жил Журавлёв и был предводителем дворянства. От Ф.С. Рофе-Бекетова я получила в подарок картину, которая была нарисована моей матерью. Когда будете у нас, я Вам её покажу. В августе у Марины будет отпуск, и она поедет в деревню с Леной к бабушке на весь месяц. Я воспользуюсь свободой, чтобы побывать в Симеизе. У нас погода часто меняется, то тепло, то холодно, но уже цветут цветы.... Желаем Вам здоровья и шлём всем привет. С уважением Т.В.Д.

5 апреля 1997 г.

Здравствуйте Юрий Евгеньевич!

У нас всё без перемен. Я получила от Вас письмо и была очень рада. Читая Ваши газеты, вспоминала те места, где я была и которые я прошла. Я перечитывала их несколько раз, и всё сравнивала с картой из книги (путеводителя) И.И.Неяченко. На карте есть отметка между мысом Узен-таш и мысом св. Троицы расположена Понизовка, бывшая земля Кекенеиза. Здесь художник Рылов рисовал картину у моря – «Мыс Узен-таш». Я была в этих местах, где находился дом с красной крышей. Тут мы получали и копали саженцы кипарисов, и я их сажала. Мы с Мариной прошли из Понизовки в санаторий «Зоря». Он только начинал строиться. Мы прошли поляну саженцев кипарисов, и пошли к стройке, к морю, где прохода не было. Тут мы перелезли через стенку и вошли в лес пограничной зоны. Пройдя по лесной дорожке, вышли к остановке Парковое-Жуковка-Карповка. Я всё мечтаю увидеть эти места. Понизовку я тоже прошла. Я ходила к Марине в пионерлагерь «Юность». Выше обводная дорога проходит у лагеря. Мы спустились к морю, где был обрывистый берег. Там купались дети из лагеря...

Я думала этим летом побывать в Симеизе и увидеться с Вами. Завтра пойду на лекцию краеведа Вронского. Я с ним виделась на дворянском собрании. Там меня «зачислили в список», и взяли перепечатать газету со статьёй обо мне И.Неяченко «Обретение рода»... У нас погода часто меняется, но уже весенняя. Цветут нарциссы и геацинты. Лена третью четверть кончила с одной четвёркой, а все остальные пятёрки.... Вот пока все мои новости. Желаю Вам успеха и здоровья. Пусть это лето принесёт Вам удачи. С уважением Т.В.Д.

1 мая 1997 г.

Здравствуйте уважаемый Юрий Евгеньевич!

Сегодня, 1 мая, я отправилась по Вашей просьбе к тем людям, о которых Вы писали и просили меня с ними встретиться. Мне было очень интересно что-то у них узнать. По вашей записи я быстро их нашла. Эта женщина, и с ней её соседи, рассказывали мне о разном, зная дом с красной крышей и Понизовку. Называли фамилии дачников. Был такой Веселовский и ещё Фенвал (немец). Конечно, надо было всё записывать. Она говорит, что помнит Алчевских. Когда будете в Ялте, я Вас к ним поведу. Я принесла им показать Вашу газету и свои фотографии Алчевских.... Марина звонила в Москву К.Д.Щербаковой. Ася сказала, что дача Алчевских находилась возле дачи Тетериной. Их родственник живёт в Москве. Они были соседями. Их дача и сейчас существует. А дачи Алчевских нет. Когда приедете, то узнаете у них подробнее.... Вот пока всё, что я могу сообщить. Желаю Вам здоровья, удачи в делах. Чтобы все мечты у Вас исполнились. С уважением к Вам Т. В.

Здравствуйте Юрий Евгеньевич!

Лена пошла во второй класс. Учится на 4 и 5. Она выросла за лето. Марина с Леной ходили в лес за грибами. Из леса приносили кизил и айву. Летом они поднялись на гору Магоби. Прошли туда и обратно пешком и принесли много ромашек. На празднике 7 ноября я была с Леной в городе. Были митинги, люди праздновали. Вечером был концерт для ветеранов. Я с Леной в этот день ходила в санаторий «Россию» в парк. Показывала Лене красоту этого места в парке, место расстрела в 20-е годы, яму. Здесь встретили знакомых, они очищали эту яму от зарослей, сделали крест, и написали надпись. Нас с Леной сфотографировали на месте расстрела. Из города было много людей. Об этом говорили по радио и писали в газетах. Приезжали и эмигранты из Франции.

Вот такие наши новости.

Желаю вам здоровья, успеха в работе и счастья. С уважением Т.В.

14 ноября 1997 г.

«По словам газет, Алчевский приехал в Петербург две недели назад вместе со своим старшим сыном и секретарём г. Гродецким. Жил он в Европейской гостинице, где постоянно останавливался при приездах в Петербург уже 14 лет подряд. Покойный был совершенно здоров. И ничто не давало поводов думать о таком печальном конце. В день смерти, 7 мая, покойный до двух часов был дома, в обычное время завтракал, просматривал газеты и в третьем часу вышел из дома с портфелем в руках. Около 4-х часов дня Алчевский приехал на вокзал Варшавской железной дороги. Он зашёл в буфет, затем вышел на платформу и около двух часов прогуливался здесь взад и вперёд. Затем он будто бы сошёл с неё и отправился по путям станции. И здесь, приблизительно на одной версте от станции, он попал под дачный поезд №39, шедший из Гатчины в Петербург. Поезд был моментально остановлен, и Алчевский был освобождён из-под колёс. У несчастного оказались отрезаны обе ноги. Пострадавший был тотчас же отправлен в Александровскую больницу, где в 8-м часу вечера, не приходя в сознание, скончался. По другой версии, несчастие произошло недалеко от ст. Гатчина, и обстоятельств, указывающих на возможность предполагать что-либо, кроме несчастной случайности не обнаружено».*

*Как видно из этого сообщения, даже в первые дни после смерти Алчевского не было ясно, как он погиб, при каких обстоятельствах, и были ли свидетели происшедшего, что допускает разные версии случившегося.

Письмо А.К.Алчевского Х.Д.Алчевской

Харьков 11 июля 1882 г.

Харьков 11 июля 1882
 Дорогая моя Х!
 Вчера разогнался было улизнуть опять к тебе и детям, но не пустили злодеи Петретин и прочие уезжающие на Ильинскую ярмарку в Полтаву. Досадуя, должен был остаться для исполнения обязанностей директора в Торговом банке.
 Сегодня воскресенье, день был опять жаркий, (сейчас прошел хороший дождь) и я слонялся с утра. Был у Гордиенка Е.С., который может быть сам приедет к нам или пришлёт своего дельного сына, который сегодня уезжает в Одессу за своим больным погибшим прежде времени братом.
 Вчера через Изюмский склад послали рукава для двух пожарных труб. Скажи об этом Мите.
 Теперь сижу в одиночестве в целом доме распиваю чай, и слушаю звуки гармошки с Добертовского двора. Вчера поехал домой С.Н.Фрошукевич, который встречался каждый день в Москве с Марией Платоновной и которая сидит там до сих пор! Мой искренний поклон всем, а тебе жаркий поцелуй.

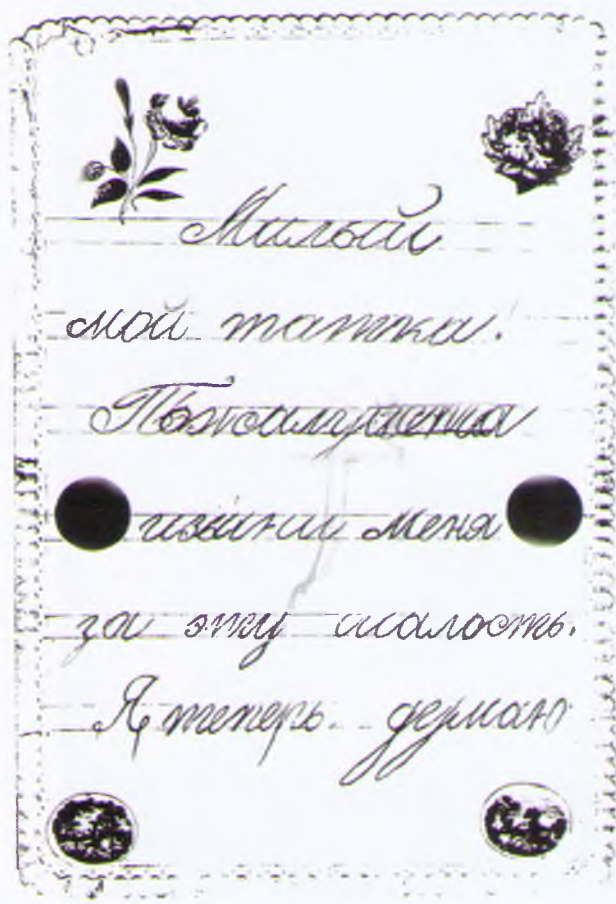
Твой А.

Почерк этого письма несколько расходится с письмом А.К.Алчевского сыну Григорию, написанному через 19 лет, 7 мая 1901 года, на Варшавском вокзале в Петербурге. Обращает на себя внимание, казалось бы, похожее, но иное написание заглавной буквы «В», и характерное «р», которое лишь в одном месте встречается в письме 1901 года в слове «Гриць». Но если не предполагать ни чего другого, можно считать, что почерк изменился за эти годы или имел несколько вариантов в зависимости от настроения и обстоятельств. Наводит на размышления и слово «злодий» - «злodian» в том и другом письме, имеющее разный оттенок.

Григорий, Дмитрий и Анна Алчевские

Детское письмо Григория Алчевского отцу

Милый мой Татка!

Раевская в четверг учила рисовать в старшем классе. Зарудная просила тебе кланяться. Галя умеет складывать из букв, у, осы, усы. Зарудная была в пятницу дежурная и говорила с нами по-французски. Григорий Алчевский. 17-е ноября 1873 года.

(Письмо написано на бумаге с монограммой «А», видимо заказанной А.К.Алчевским для своей корреспонденции)

**План уроков по звуковому методу прочитанный
Х.Д.Алчевской в собрании учительниц 27 сентября 1893г.
(вступление).**

Когда я думала о том, как именно начну я урок по звуковому методу, мною представились не элементы, не буквы, не звуки, а лица учениц, пришедших первый раз в школу, с намерением учиться, - эти лица с выражением не то любопытства, не то любознательности, не то конфуза за свою безграмотность. Посадить их прямо за элементы, снабдить доскою и грифелем, или заставить перечислять учебные предметы, как это рекомендуют иные из педагогов, не обласкав и не согреть их тёплым словом, мне кажется решительно невозможным. В чём именно должны заключаться эти тёплые слова, трудно дать программу. Они зависят и от индивидуальности каждой из учениц и учителя...

Милый мой Татка!
Раевская в четверг
учила рисовать
в старшем
классе. Зарудная
просила
тебя кланяться
Галя умеет

Христі
Алчевський.

Романси Григорія Слчевського.

op. 4.

1. Чого мені тяжко.
2. Питьої ночі.
3. Не дивися на місяць весною.
4. Душа-се конвалія ніжна.
5. Стояла я і слухала весну.
6. Безмежне поле.

Собственность Издателя
Издание М. Слонова
Склады: издатель и футбольный клуб
Ю. Шевченко в Москве

Справка

о доме, в котором родился
оперный певец И. А. Алчевский
(1876-1917)

Знаменитый оперный певец - русский
и украинский Иван Александрович Алчевский
родился 15/24 декабря 1876г. в Харькове в
доме Харитон на Сульской ул. №18.

В 1902г. этот двухэтажный дом
был надстроен на один этаж, а в
1906-1907гг. там сделана 3-этажная
престройка с левой стороны на месте
снесенного дома №20.

В настоящее время дом, в котором
родился И. А. Алчевский, существует!
Это правое крыло дома (1902г.) №18/20 по
Сульской ул. Теперь в этом здании разме-
щается радиотехникум.

Член муз. комиссии Ова по охране
памятников истории и культуры

30.1.1994 г. Сергей Стояков

(к ответу за 1993г.).

Не вошли в книгу и многие фотографии семьи Бекетовых. На этом снимке Анна Алчевская и Н. А. Бекетов (справа) на охоте. Этот снимок также, как и другие фотографии из архива Федора Семеновича Рофе-Бекетова, видимо, публикуются впервые

Харьков. Дом, в котором родился Иван Алчевский

Иван Алчевский

Семья Бекетовых, в центре — Анна Алчевская

Н. А. Алчевский и А. Н. Бекетов в Алуште

В семье Бекетовых было место и шутке и веселью. Вот одно из стихотворений, которое сохранила семейная память о няне Матрёне Фёдоровне — «Всех прилежней тётя Мотя, целый день она в работе, уморилась, уморилась, уморилась...». И ещё, о дочери Анны Елене Алексеевне — «Меньше всех девица Ленка, ростом Моте по коленку». Стихотворения приписываются «дяде Грицю» - Григорию Алчевскому, так же, как и эти, посвящённые Анне Алчевской: «Скажи мне, кто, как Афродита, лишь пеной мыльной покрыта, выходит гордо из корыта?».

И далее — «Формы Афродиты только лишь у Анны. У неё ж корыто служит вместо ванны».

А. Н. Бекетов и А. А. Алчевская

Анна Алексеевна и Алексей Николаевич Бекетовы

«Мамка» детей Алчевских.

Надпись на фотографии: «На цьому знімку пробабка Галька родини Позднякових, Ілларіона і Марії, була мамкою (годувальницею) дітей сім'ї О.К. і Х.Д. Алчевських у 1870 – 1885 роках».

Оригинал этой фотографии передан жителями Алексеевки в музей школы №1, г. Алчевска, которой не так давно присвоено имя Христины Даниловны Алчевской. Она, правда, не имела отношение к её созданию, но, наверное, справедливо, что память об известной просветительнице сохраняется в названии первого учебного заведения города. В 2007 году школа отмечает своё 100-летие. Х.Д.Алчевская помогала школе на Васильевке, (здание которой сохранилось), о чём вспоминает и К.Е.Ворошилов: «Алчевская подарила школе волшебный фонарь – тогда большую редкость и в городских школах, и высылала из Харькова еженедельно серии картин. Смотреть картины и слушать рассказы приходило всё село. Классы не вмещали всех желающих, и я стал показывать их на улице, на стене сарая». Вспоминает он и приезд в имение Ивана Алчевского: «Он был тогда студентом и носил студенческую форму, всем он понравился: был прост, обходителен в общении с рабочими и служащими, часто окружал себя детворой. Мы, ребята, вились около него, и как - то раз он усадил нас и стал петь вместе с нами украинские песни. Голос у него был чудесный, и пел он с огромным воодушевлением. Мы старались подтягивать ему, кто как мог, и он никому не сделал ни единого замечания. Мы совсем забыли, что с нами барин, взрослый человек. Было легко и радостно от нахлынувших чувств, от задушевного пения». (К.Е.Ворошилов «Рассказы о жизни»)

Алексей Кириллович Алчевский

Из письма Ф.С.Рофе-Бекетова

10 марта 1996 г.

Уважаемый Юрий Евгеньевич!

С большим трудом, но всё же мне удалось найти, где опубликована фотография А.П.Чехова с его дарственной надписью Христине Алчевской, о которой мы говорили. Это книга: «Из истории русской литературы и общественной мысли 1860-1890-х годов» (серия «Литературное наследство») издательство «Наука», Москва, 1977 год. Там на стр. 258 начинается раздел «Чехов», и на стр. 259 помещено фото А.П.Чехова (Ялта) с его надписью: «Христине Алексеевне Алчевской от Антона Чехова 1900, 22/IV», и с указанием: «Институт Литературы АН УССР, Киев». Когда покойная Инна Анатольевна Гофф работала над своим очерком о визите А.П.Чехова к Х.Д.Алчевской в Ялте в 1900 г. («Вчера он был у нас...»), я сообщил ей об этой фотографии, и она мне ответила, что, видимо, Христя Алчевская была у Чехова с братом, Николаем Алексеевичем, уже после отъезда Христины Даниловны из Ялты, - визитные карточки их хранятся в Ялтинском Доме-музее А.П.Чехова...

Ф.Р.- Б.

Модель памятника А. К. Алчевскому
(скульптор В. Стрельников)

Памятная монета, посвященная А. К. Алчевскому

В 2005 году Национальный банк Украины выпустил монету из серии «Видатні особистості України», которая посвящена А.К. Алчевскому. Монета приурочена к 170-летию со дня рождения известного промышленника и предпринимателя.

Тираж монеты 20000 экземпляров, отпускная цена 18 грн.

В завершение, хотелось бы привести список документов о «Харьковском процессе», которые хранятся в Российском Государственном Историческом Архиве в Петербурге, и могут пригодиться исследователям, правда, не со всеми мне удалось ознакомиться.

Ф587, оп.56, д.296, л.50-51 – Доклад Витте «О командировании на юг чинов Государственного Банка по делам о заложенных Алчевским в Харьковском Торговом банке паях и облигациях...».

Ф583, оп.4, д.314, л.71-71об. – Доклад Витте «О назначении правительственной ревизии Харьковского Торгового банка».

Ф1617, оп.1, д.31 – Обращение Любарского-Письменного в Правительственный Сенат по делу о злоупотреблениях в Харьковском Коммерческом банке» (статья, 1904 г.).

Ф560, оп.22, д.258 – Письма кн. М.М.Андронникова с препрКрах банка

вождением писем разных лиц о судебном процессе над членами Правления Харьковского Земельного банка» (на русском и французском языках).

Ф586, оп. 4, д.314, л.74 -75 – Доклад Витте «О результатах ревизии Харьковского Акционерного Земельного банка».

Ф528, оп.1, д.2203 – Краткая история процесса о Харьковских банках. Список лиц судебного ведомства.

Ф1405, оп.539, I, д.259/170 и 26/594 «а» - Записка Министра юстиции по делу «О злоупотреблениях в Харьковских Торговом и Земельном банках». Конфиденциальное письмо прокурора Харьковской судебной палаты министру юстиции «О дискредитировании судебных органов действительным ст. советником Е.П.Любарским-Письменным, привлечённым к ответственности по делу о злоупотреблениях в Харьковских банках», с приложением его заявлений в Харьковское дворянское собрание, и прошения в Уголовный кассационный департамент Сената с обвинениями в нарушении законности при ведении следствия.

Памятник А. К. Алчевскому возле проходной Меткомбината

Содержание

Алчевские	6
Памятник Кобзарю.....	10
Ванечка.....	12
Христя.....	16
Алчевский (очерк В.Д.Белова, 1904 г.).....	24
Дело об убытках.....	34
Дом в мавританском стиле.....	38
Спеши в Харьков.....	42
Спеши в Харьков-2.....	49
Семь кругов ада.....	56
Семь кругов ада-2.....	64
Алчевские в Крыму 1. Бархатный сезон на русской Ривьере.....	70
Алчевские в Крыму 2. Вчера он был у нас.....	79
Алчевские в Крыму 3. Тропинка под утёс.....	88
Алчевские в Крыму 4. Проект века.....	98
Алчевские в Крыму 5. Дом с красной крышей.....	108
Умная, дельная баба.....	112
Муза дальних странствий.....	116
В начале нового века	124
Книга тюремного замка	129
Далёкое прошлое.....	131
Полувековой юбилей.....	133
Крах банка.....	138
По пути домой.....	143
По пути домой-2	148
Приложение.....	151

БЕЛОВ
Юрий Евгеньевич
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Алчевские

По публикациям городских газет

*

**Макет, оформление, компьютерный набор, вёрстка,
обработка фотографий, корректура**
Ю.Е.Белова

50 грн.

Видавник: С.О. Бондаренко,
94201, м. Алчевськ, вул. Ленінградська, 7, тел. +38 (06442) 2-11-38
<http://www.mega-print.org> E-mail: prepress@mega-print.org

Свідоцтво про внесення
до Держреєстру ДК серія ДК №1961 від 06.10.2004 р.

Віддруковано в ПВКП «Мега-Прінт»,
Друк офсетний. Зам. №СФ-0000034 від 07.02.08р. Наклад: 1000 прим.
94201, м. Алчевськ, вул. Ленінградська, 7, тел. +38 (06442) 2-11-38
<http://www.mega-print.org> E-mail: prepress@mega-print.org

В этом месте принято печатать биографию автора. Обычно это делается в «третьем лице», но я лучше расскажу о себе сам. В Алчевске я живу с детства. Учился в средней школе №15, в которой не долго преподавал. После восьмого класса поступил в Луганское художественное училище. Потом работа в 10 школе и армия. Вернувшись домой, занимался рекламой в Промторге, но через год открылась художественная школа, и шесть лет я был её преподавателем, а затем завучем. В 1982 году переехал в Луганск, где около года проработал художником в цирке. Жил в цирковой гостинице. Каждый вечер на репетициях, общение с актёрами... Даже думал связать свою жизнь с этим удивительным миром. Но вскоре родился первый ребёнок, тяжело заболела мама, и я вернулся домой. Всё это время проходили мои выставки в Алчевске и Луганске (персональные выставки в 1980, 1985, 1991 и 1995 годах). Я сотрудничал с Ростовским книжным издательством, иллюстрировал Вальтера Скотта, Хаггарта, Шекспира, Бодлера... Но от всего этого пришлось отказаться, когда стал выпускать «Коллаж». Времени не хватало. Устраивал выставки художников, спасал памятники, и не только архитектуры, за что-то боролся, что казалось важным и нужным «на волне перестройки». Ещё, лет десять, работал в кинотеатре «Мир», где по вечерам рисовал рекламы, наивно думая, что этим украшаю город и воспитываю чьи-то эстетические вкусы. Правда, друзья художники до сих пор помнят мои работы. 3 года вёл изостудию для взрослых, и 12 лет был старшим научным сотрудником в Перевальском районном музее. Такая перемена профессии объясняется моим увлечением историей и желанием сделать в Донбассе, русскоязычном регионе, музей русской культуры. Выставка из моей коллекции «Культура и быт России» экспонировалась в Луганском краеведческом музее в 1991 году, но вопреки ожиданиям, постоянное помещение для неё не выделили, а потом всем стало не до этого. Правда, я создал музей в Крыму, в Судак, где собрал большой материал по его истории, оформил экспозицию музея в ТОК «Судак», музея виноделия в Солнечной Долине и музея села Черевково в Архангельской области. Я много путешествовал по России и Северу, а теперь уже и по Крыму, был в Средней Азии. У меня наработано с десяток книг, и вообще последнее время я больше пишу, чем рисую. Считаю, не важно, что делать, лишьбы от этого была польза. Наверное, это достаточно для одной жизни. А хотелось бы прожить не одну. Тогда был бы и актёром, и режиссёром, и археологом, и путешественником, и... да мало ли кем ещё. Ведь жизнь «прекрасна и удивительна», но, к сожалению, одна.

